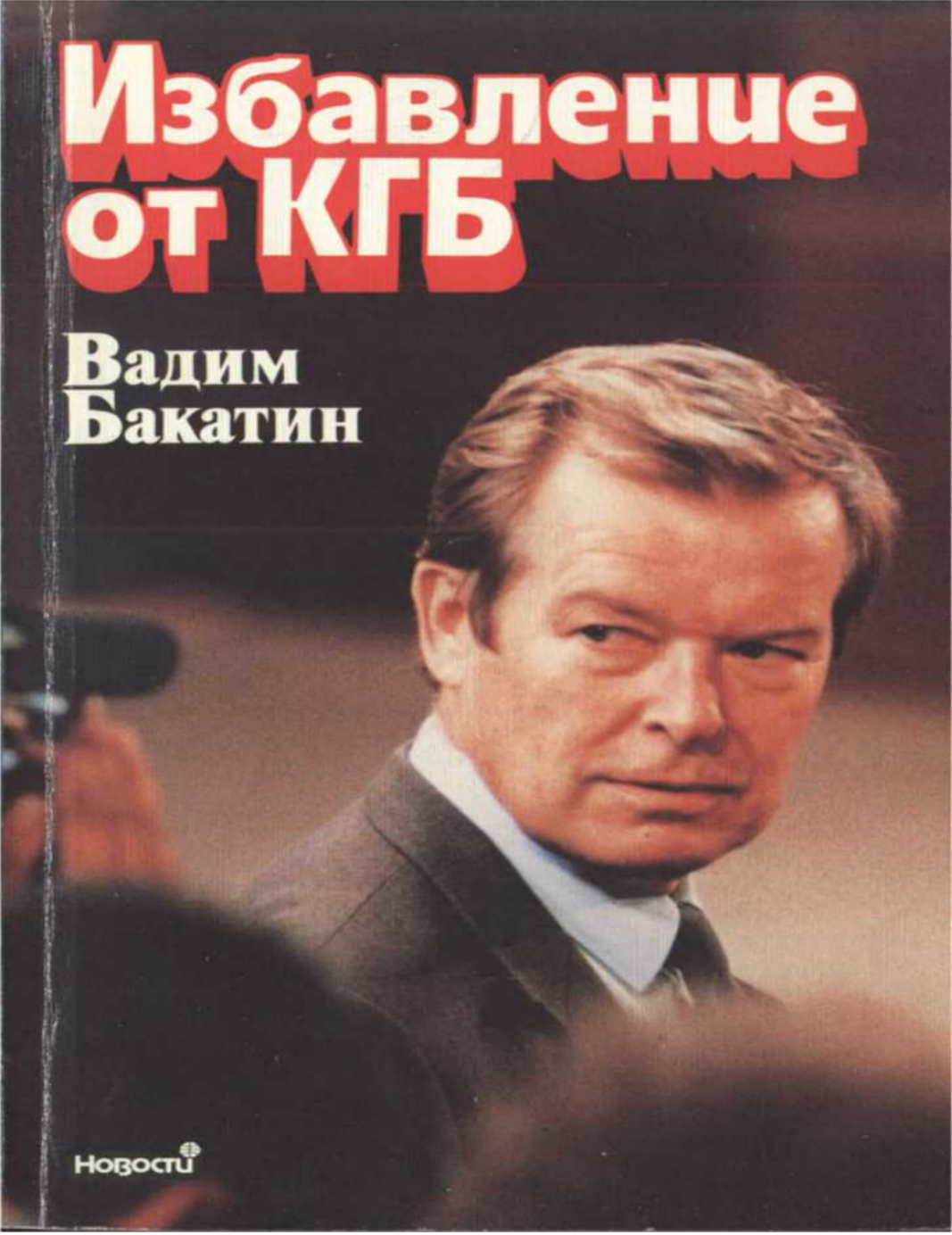
Избавление от КГБ

Вадим Бакатин



Новости

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Организация, которую мне предстояло возглавить, чтобы разрушить, имела не только стойкую и заслуженную репутацию беспощадного карающего меча компартии, но и сама могла разрушить кого и что угодно. КГБ и его предшественники в лице ВЧК, ГПУ, О ГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ составляли основу тоталитарного режима, без которой этот режим просто не мог существовать. Конечно, КГБ времен перестройки хотелось выглядеть более респектабельным, но длинный и тайный шлейф злодеяний и беззаконий мешал этому. До сих пор это было государство в государстве — хотя все более и более терявшее свое главное оружие, с помощью которого оно пыталось заставить людей верить в то, во что они не верили.»

(Вадим Бакатин)

- Вадим Бакатин
  -
  - 1. Путч
  - 2. КГБ
  - 3. Начало
  - 4. Дезинтеграция
  - 5. Децентрализация
  - 6. Законность
  - 7. Архивы
  - 8. К сотрудничеству
  - 9. Сто семь дней
  - 10. Конец Союза
  - 11. В парламенте
  - 12. Взгляд со стороны
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Вадим Бакатин
ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ КГБ

Автор благодарит Вячеслава Алексеевича Никонова за помощь, оказанную при написании книги.

…Отчаяние более обманчиво, чем надежда.

Вовенарг

Завтра — 7 января 1992 года. Рождество.

Рождество это радость? По крайней мере это надежда. Должна быть Надежда, должна быть Вера. И они есть. Их надо только найти.

В Москве сегодня очень ветрено. На восьмом этаже через рамы, которые в этом году почему-то не заклеены, свистит со страшной силой. Колышутся шторы. На балконе хлопает пустая картонная коробка. Завтра Рождество. Я сижу за письменным столом. С фотографии мои милые внучки внимательно смотрят на меня. «Ну что, дедуля, опять пишешь?» Опять пишу, опять я «бывший». Бывший председатель бывшего КГБ.

Полгода назад я был примерно в таком же состоянии. Была жара, июнь, открытый балкон. Я заканчивал свою книжку «Освобождение от иллюзий». Первый опыт. Смесь воспоминаний, документов и оптимизма.

Сейчас тем более есть что вспомнить. Но оптимизма на грязных улицах, в пустых магазинах, в бестолковщине «либерализации», во всеобщей апатии и озлобленности не видать. Не могу найти его и в себе. А искать надо.

Пролетел 1991 год. Седьмой год «перестройки», который оказался последним для этой политики, для ее лидера, для его команды. Но думаю, что не правы те, кто считает этот год годом упущенного последнего шанса, когда еще можно было спасти и Союз, и философию реформ Михаила Сергеевича Горбачева.

Таким роковым годом был 1990-й.

Как и многие, я исходил и исхожу из того, что сверхзадача реформирования нашей системы — в переделке ее базиса, то есть экономики. В определении оптимального пути перехода от принудительной сверх-централизованной плановой экономики к свободе предпринимательства. В решении этой суперсложной задачи ключ всех проблем. Все остальное — формы государственного устройства, политические структуры и тому подобное — менее важно. Точнее, важно только в той степени, в какой они подчинены решению ключевой задачи — перехода к рынку.

У нас получилось все наоборот. Как ленивый школьник откладывает самую трудную задачку на завтра, так и мы. В 1990 году по меньшей мере дважды был упущен шанс с гораздо лучшей позиции начать рыночную реформу экономики.

Первый раз — в апреле, когда кабинет Николая Ивановича Лужкова оказался неспособным отбросить идеологические путы ортодоксального коммунизма и предложить программу действительно управляемого перехода к нормальной рыночной

экономике.

Второй раз — когда уже Горбачевым была выхолощена известная программа Шаталина — Явлинского «500 дней».

В конце концов трагедия не в том, что какая-то программа была отвергнута или предана. А в том, что наряду с этим все более и более дискредитировалась и впадала в паралич анархии и безвластия старая система «социалистического хозяйствования». Взамен нее ничего не было, кроме пустопорожних разговоров да бурного заполнения вакуума людьми ловкими в игре без правил.

После этого распад экономики пошел с нарастающим ускорением. Делать необходимые шаги становилось все труднее и болезненнее, и никому уже не хотелось этим заниматься. Экономика оказалась неуправляемой. «Спасение» стали искать в политике. Это легче. В повороте к «порядку и сильной руке». Нашли «виновных» демократов.

Если все-таки характеризовать минувший год, то только как год ошибочной, иллюзорной политики. С конца 1990 по август 1991 года предпринимались безуспешные и бессмысленные попытки задавить, запугать весьма еще слабые ростки демократии. Январь — Вильнюс. Февраль — речь Горбачева в Минске. Мартовская глупость с демонстрацией бронетранспортеров, пластиковых щитов и касок перед депутатами российского съезда. Июньское запугивание министрами парламентариев Союза. И наконец кульминация — августовский фарс, приведший эту политику к краху вместе с обвалом политического и идеологического столпа советской системы — КПСС. И поскольку без КПСС нашего партийного государства быть уже не могло, оно тоже рухнуло. Политика силовой реакции потерпела поражение.

А что экономика? Темпы ее роста весь 1991 год стремительно продолжали падать. И в наступившем правовом, политическом, организационном, моральном и идеологическом хаосе 1992 года лидерам нарождающегося Содружества Независимых Государств, теперь уже без центра, без координационных механизмов, все равно придется вернуться к отложенной задачке. Придется доказать, что они ее в состоянии решить. Все вместе или каждый отдельно. Впрочем, «каждый отдельно» — это очередная иллюзия. Если в 1992 году наконец-то появится политика, которая будет подчинена экономике, то есть если политика обретет здравый смысл, то вот здесь и можно будет найти тот оптимизм, без которого нельзя. Тем более в Рождество.

У теннисистов есть примета: тот, кто выигрывает седьмой гейм, выигрывает сет. «Седьмой гейм» (седьмой год перестройки) по-своему выиграли новые российские политики, решив свою

программу-минимум, полностью освободившись от центра. Горбачев покинул корт. Парная игра закончилась. Теперь Борису Ельцину надо в одиночку доигрывать и выиграть у военно-промышленного комплекса (ВПК), у необольшевизма и неожулья, у старого бюрократизма и иждивенчества, популизма и инфляции. Выигрыш только на разумно контролируемом пути к рыночной экономике, к новому, открытому миру, демократическому обществу. Я желаю удачи новым политикам.

Моя «роль» в команде Президента СССР Горбачева сыграна. Она была странной и интересной. Первый из назначенных Горбачевым секретарей обкома, которого он же вскоре «перебросил» в другую область. Неожиданный министр внутренних дел, столь же неожиданно, но закономерно снятый Горбачевым по настоянию национал-патриотов, Политбюро и КГБ. Еще более непредсказуемым оказалось назначение председателем КГБ, чья деятельность, толком не начавшись, закончилась вместе с концом Союза.

…Когда далеко за полночь 23 августа 1991 года я пришел домой, на пороге меня встретила моя жена Людмила, абсолютно зареванная. Такой расстроенной и испуганной, пожалуй, я ее никогда не видел. «Как ты мог согласиться? Что теперь будет? Как можно там работать, как жить дальше?» Ее можно было понять. Из программы теленовостей она узнала, что ее муж, Вадим Бакатин, Указом Президента назначен Председателем КГБ СССР… Трудно представить более неожиданную и более страшную для нее новость… Кое-как успокоил жену. Но ответов на ее вопросы у меня не было и, пожалуй, нет сейчас. «Так надо». Вот и вся логика. На что звучит знакомый до боли ответ: «Тебе всегда больше всех надо. Кому еще это надо?»…

Нет у меня ответа. Всего два дня назад был путч. Кому это надо?

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

О назначении Бакатина В.В. Председателем Комитета государственной безопасности СССР

Назначить Бакатина Вадима Викторовича Председателем Комитета государственной безопасности СССР.

Внести данное решение на рассмотрение сессии Верховного Совета СССР.

Президент
Союза Советских Социалистических Республик
М.ГОРБАЧЕВ

Москва, Кремль.
23 августа 1991 г.
N УП-2148

1. Путч

Дурные средства годятся только
для дурной цели.

Николай Чернышевский

Утром 19 августа меня разбудила жена: «Вставай быстрее, что-то случилось». По телевизору торжественно значительный диктор зачитывал заявление Лукьянова. С «первых же мгновений — ощущение полнейшей абсурдности происходящего. Пришла и уже не покидала мысль, что случилось непоправимое, как будто наступила ночь, а утра не будет.

По дороге на работу водитель Анатолий рассказал, что ночью все машины гаража особого назначения были «в разгоне» и только два автомобиля — мой и министра культуры Николая Губенко — не выезжали.

Приехав в Кремль, первым делом пошел к советнику Горбачева Григорию Ревенко. Накануне он вернулся из Фороса. Кому же, как не ему, было знать о том, что случилось с Михаилом Сергеевичем?

Вхожу в его кабинет. «Что с Горбачевым?». «Да все было нормально, — отвечает Ревенко. — Я с ним вчера утром разговаривал. Если что и есть, так только радикулит. Да и го его уже подлечили. Собирался возвращаться в Москву. Даже самолет заказал».

От Ревенко прямиком на второй этаж к вице-президенту Геннадию Янаеву. Он сам на себя был не похож: чрезвычайно нервозный, под глазами — черные круги, на руках — экзема. Не переставая, ходил по кабинету, непрерывно курил. «Что с Горбачевым? — спрашиваю. — Что, в конце концов, происходит? Ведь это же авантюра чистой воды!» «Вадим, — отвечает Янаев, — меня в четыре ночи с постели подняли, привезли сюда, два часа уговаривали, и я согласился, все подписал. Горбачев в полной прострации, ничего не понимает, он не в состоянии собой управлять. Они были у него накануне. Так что надо принимать управление на себя. И это правильно».

Всех объяснений вице-президента я уже сейчас не упомню, однако одна его фраза врезалась в память: «Горбачев — полный трибунал». От этих слов меня передернуло. Не понял, переспросил: «В каком смысле — трибунал?» — «Ну, полная прострация, он себя совсем не контролирует, не осознает что делает».

Я сказал ему, что не верю. Горбачев здоров. Это только что подтвердил Ревенко. Встав, я направился к двери. Янаев — следом. «Постой, — говорит, — не уходи». — «Нет, я в эти игры не играю».

Вернувшись в свой кабинет, написал на имя Янаева заявление об отставке. «В связи с несогласием с антиконституционным отстранением от власти Президента СССР, — говорилось в нем, — не считаю возможным исполнять обязанности члена Совета безопасности. Прошу принять это к сведению». Мой секретарь, Саша Дворядкин, отнес заявление в приемную вице-президента.

Рабочий день девятнадцатого прошел как-то бестолково. Изучал документы самозваного комитета, разговаривал по телефону, по телефону же давал интервью. Вместе с Сашей очистили сейф, перебрал документы, что-то порвал, что-то приготовил к сдаче.

Я не исключал, что меня могли арестовать.

Но с самого начала путча я ни на минуту не сомневался в том, что заговорщики действуют незаконно. Объявление ГКЧП и чрезвычайного положения антиконституционно. Я не верил, что Горбачев болен. Ведь если и вправду что-то случилось, где официальное заключение врачей? Это же элементарно. А тут — сплошная галиматья. Вчера еще Президент был здоров, а сегодня он уже «в прострации». И сообщают об этом не врачи, а некий ГКЧП. Единственное, чего я в те часы опасался, так это насилия над Михаилом Сергеевичем. Ведь если заговорщики пустились на крайние меры, значит, в оправдание своих действий они могут отойти и на то, чтобы сделать Горбачева действительно «больным».

Не скрою, что лично я находился в определенной растерянности. Одно дело осудить. А что делать? Я не представлял себе, как далеко могли пойти заговорщики. Судя по их заявлениям, они были настроены весьма решительно. И что же — звать людей на улицы, где уже вовсю разворачивались танковые колонны? Мне это представлялось опасным, чреватым кровопролитием. Бастовать, когда уборочная в разгаре? Что в итоге?

Но к вечеру настроение изменилось. Обстановка в стране накалялась. Судьба Президента страны была до сих пор неизвестна. На мои неоднократные попытки связаться с ним по спецсвязи звучал один ответ: «Связь на повреждении». Позвонил Крючкову: «Как связаться с Президентом?» Он отвечает очень вежливо, вкрадчиво, как будто бы знает абсолютную истину: «Не волнуйтесь. Сейчас нельзя. Михаил Сергеевич болен, но скоро все

будет хорошо и Вы сможете с ним поговорить…»

Стало известно, что блокировано телевидение, радио, информационные агентства. Запрещены многие средства массовой информации. Откликнувшись на призыв российского руководства, тысячи москвичей шли к зданию российского парламента, чтобы защитить демократию, отстоять свободу. Вокруг «Белого дома» возводились баррикады.

Решение о роспуске Совета безопасности было неконституционным. А что же я? Ушел — и все? Что-то не так. Решил выступать как член Совета безопасности, не признавая постановления о приостановлении его деятельности.

На следующий день, лишь только пришел в Кремль, написал новое заявление Янаеву. «Вчера утром я информировал Вас о невозможности исполнения обязанностей члена Совета безопасности в связи с несогласием антиконституционного смещения с поста Президента СССР М. С. Горбачева. Насколько я понимаю, это заявление сегодня уже не имеет смысла, после того как группа лиц, образовавших ГКЧП СССР, приостановила деятельность Совета безопасности.

Мне представляется, Вы прекрасно осознаете неконституционность этого, как, впрочем, и других постановлений этого неконституционного органа, на который «советское руководство» возложило управление страной.

Как и прежде, я не намерен и не имею права участвовать в антиконституционных действиях вновь созданных органов и не могу признать законным «приостановление» ими деятельности законных структур. У меня не остается иной возможности, кроме как просить Вас употребить свое влияние для того, чтобы начатый 18 августа государственный переворот не привел к кровопролитию и массовым жертвам. Пока не поздно, надо одуматься и не заходить слишком далеко. Первое, что надо сделать, вернуть войска в казармы и освободить М. С. Горбачева. У Вас есть еще исторический шанс, и Вы не должны его упускать».

Отправив это свое заявление через секретариат Янаева, пошел в кабинет к Примакову. Он был у себя не один. Тут же находился президент Научно-промышленного союза Аркадий Вольский. Я предложил выступить с совместным заявлением по поводу событий и передать его по каналам ТАСС. Обсуждали, как это лучше сделать. И вдруг Примаков говорит: «Давайте, пусть лучше каждый выступит со своим собственным заявлением». Мне это, честно говоря, показалось несколько странным, и я ушел из его кабинета, даже не простившись. По всей видимости, на Примакова мой уход произвел какое-то впечатление. Через несколько минут он появился у меня вместе с Вольским с готовым

текстом нашего совместного заявления: «Считаем антиконституционным введение чрезвычайного положения и передачу власти в стране группе лиц. По имеющимся у нас данным, Президент СССР М. С. Горбачев здоров. Ответственность, лежащая на нас, как на членах Совета безопасности, обязывает потребовать незамедлительно вывести с улиц городов бронетехнику, сделать все, чтобы не допустить кровопролития. Мы также требуем гарантировать личную безопасность М. С. Горбачева, дать возможность ему незамедлительно выступить публично».

Прежде чем передать заявление средствам массовой информации, решили связаться с Александром Бессмертных. Ведь если под текстом заявления будет стоять еще и подпись министра иностранных дел, полагали мы, это придаст ему большую значимость. Прямо из моего кабинета Примаков разыскал Бессмертных. «Саша, — говорит, — вот мы тут с Бакатиным такое заявление написали. Давай я его тебе прочитаю… Как ты на это дело смотришь?» Бессмертных, сославшись на то, что необходимо осуществлять преемственность внешнеполитического курса страны, сказал, что ему не следует подписывать этого. Решили передавать заявление за двумя подписями. Примаков позвонил в ТАСС, но ему ответили, что подобного рода документ сейчас передать вряд ли получится. Тогда Вольский забрал бумагу и сказал, что распространит по каналам Интерфакса. Через несколько часов наше заявление уже передавали по радио.

Вечером позвонил из «Белого дома» Николай Столяров, председатель комиссии партконтроля ЦК КП РСФСР. «Вадим Викторович, — сказал он мне, — я говорю из кабинета Руцкого. Александр Владимирович просит Вас как-то повлиять на маршала Язова. Нам известно, что войска готовятся к штурму здания российского парламента. Попытайтесь уговорить министра обороны не делать этого. У нас тут люди вооружены. Может пролиться много крови». Я пообещал выполнить просьбу вице-президента России и тут же набрал номер телефона маршала Язова. Он был у себя в кабинете. «Дмитрий Тимофеевич, — говорю, — ваши десантники намерены штурмовать «Белый дом». Прошу Вас отказаться от этого». «Вадим Викторович, — отвечает Язов, — мы с Вами давно знакомы. Неужели Вы думаете, что я позволю десантникам штурмовать «Белый дом»? Я гарантирую: никакого штурма не будет».

Не знаю почему, но мне показалось, что Язов говорил со мной откровенно. Я тоже тогда не верил, что десантные войска будут использованы для штурма «Белого дома». Позвонил Руцкому. Трубку снял Столяров. «Знаете, — сказал я ему, — после

разговора с Язовым у меня создалось впечатление, что десантники не пойдут на штурм «Белого дома». По крайней мере, Язов мне это пообещал».

Утром следующего дня мы вместе с женой были вынуждены выехать за город. Погода была жуткая. Ливень. На дорогах пробки. До окружной дороги добирались около часа. Вдруг в машине раздается телефонный звонок. Поднимаю трубку. Ельцин. «Вадим Викторович, — говорит, — могли бы Вы приехать в «Белый дом». Дело в том, что к часу дня на сессию обещал приехать Крючков. Депутаты требуют его объяснений. Хорошо бы, в связи со вчерашним Вашим с Примаковым заявлением, Вы выступили как член Совета безопасности после Крючкова. Это было бы очень полезно. Кроме того, я договорился с Крючковым в 6 вечера лететь к Горбачеву. Но сессия не хочет меня отпускать, видимо, это опасно».

Я тоже считал, что это опасно. «Борис Николаевич, — отвечаю, — давайте лучше я полечу, Примаков, но Вам не надо лететь. А выступить на сессии я согласен».

Подступы к «Белому дому» были сплошь перекрыты. Остановив машину на Калининском проспекте, я пошел пешком. С того дождливого дня уже прошло несколько месяцев, но свои ощущения помню отчетливо, как если бы это случилось вчера. Таких сильных впечатлений, по правде говоря, в моей жизни было немного.

Сотни, тысячи людей — ветераны войны с орденскими планками на вымокших пиджаках, студенты с трехцветными повязками на рукавах, продрогшие женщины и школьники — смотрели на меня. Или мне это казалось? Почему-то я чувствовал себя виноватым перед ними. Проходя через живой коридор защитников «Белого дома», я ожидал упреков, но они пожимали мне руки, улыбались, помогали перелезать через ограждения.

В «Белом доме» долго не мог найти кабинет Ельцина, так как зашел не через привычный вход. Мне помогали милиционеры, потом какая-то добрая женщина все-таки показала дорогу.

В кабинете Ельцина находился госсекретарь Геннадий Бурбулис.

«Крючков обманул, — сказал Борис Николаевич, — не придет на сессию. По нашим сведениям, они собираются лететь в Крым к Горбачеву». «В таком случае есть ли смысл в моем выступлении?» — спросил я Ельцина. «Конечно, — ответил Борис Николаевич, — Вам необходимо выступать».

В те минуты Ельцин выглядел уверенным, спокойным, источал какую-то внутреннюю силу. Вообще я был восхищен его мужеством, решительностью, его действиями, которые не

оставляли никакого сомнения, что Россия победит. После избрания его Президентом РСФСР раскрылись его новые качества как политика, которые в полной мере проявились в дни путча. Он стал действительно Первым Президентом Свободной России.

Договорились с Русланом Хасбулатовым о том, что мне дадут слово после перерыва. Мое обращение к российским депутатам не претендовало на какую-то оригинальность. Я говорил о том, что нельзя допустить легитимизации политики ГКЧП парламентскими средствами. Воспрепятствовать этому могут только депутаты Верховного Совета СССР. О том, на что могут повлиять российские депутаты. Что очень важно не допускать разжигания страстей, а действовать только по закону. И тем не менее, как я сейчас понимаю, наряду с конкретными предложениями в моем выступлении было все-таки слишком много эмоций.

Только сел на свое место, получаю записку от премьер-министра России Ивана Силаева. Он хотел со мной срочно встретиться. Через несколько минут я был в его кабинете. Силаев уже знал о моем намерении ехать в Форос к Президенту СССР. Сообщил, что самолет заказан на шестнадцать тридцать. Вылетаем из правительственного аэропорта Внуково-2. Я пообещал не опаздывать.

Но тут сообщили, что меня срочно разыскивает Аркадий Вольский. Позвонил ему. «Вадим, — кричит он в трубку, — мы с Примаковым решили провести небольшую пресс-конференцию. Приезжай. Я тебя очень прошу!» «Не могу, — отвечаю, — мне с Силаевым скоро лететь в Форос. Просто боюсь — не успею». «Успеешь, — говорит Вольский. — это одна минута». Отказать Аркадию я не мог, примчался на пресс-конференцию. Пока выступал Примаков, меня вызвали к телефону. Силаев сказал, что выехал в аэропорт. Я объяснил журналистам, что опаздываю на самолет, и поспешил к машине.

По дороге во Внуково из Москвы шли танки. Много танков. Своими мощными траками они разбрызгивали по асфальту жидкую, скользкую грязь. Голубые облака выхлопных газов едким туманом укутывали Киевское шоссе. И хотя водитель гнал машину, мы все равно опоздали. Хорошо еще, кто-то из помощников Силаева предупредил нас по спецсвязи, что самолет будет взлетать из аэропорта Внуково-1, а не из Внуково-2.

Внуково-1 — обычный аэропорт гражданских авиалиний. Тысячи людей, сотни автомобилей. Кое-как пробились к «депутатскому» залу. Самолет готовился к взлету. Трап убран. Работают турбины. Здесь же множество корреспондентов, каждый из которых требовал взять его с собой в Крым. Но как я мог их

взять, когда сам чуть не опоздал. Пробился к технику из наземной службы, взял у него шлемофон и, стараясь перекричать вой двигателей, обратился к пилоту: «Позовите Силаева, скажите ему, пусть остановят двигатели и подадут трап». Конечно, это «обращение» выглядело смешным, но трап подали, и мы с Примаковым, вырвавшись от журналистов, втиснулись в дверь самолета.

В самолете находились вице-президент России Руцкой с группой вооруженных офицеров, премьер-министр И. Силаев, заместитель министра внутренних дел РСФСР генерал А. Дунаев, некоторые российские депутаты, первый секретарь посольства Франции Пессик, корреспонденты. С первых же минут речь пошла о том, как спасать Горбачева. Советчиков много было. Я не вмешивался, так как всегда считал, что руководить должен кто-то один. В этой ситуации таким человеком стал профессиональный военный, ветеран афганской войны полковник Александр Руцкой. Единственный совет, который он от меня воспринял, — при всех вариантах ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах на дачу Горбачева с оружием не идти.

После дождливой московской погоды августовский крымский вечер казался блаженством. Даже не верилось, что где-то на улицах стоят войска, а всего в нескольких километрах от военного аэродрома, где приземлился наш самолет, вот уже два дня изолирован от внешнего мира Президент СССР. От аэродрома я ехал на машине с господином Пессиком. Мы старые знакомые. Я рассказывал ему про Крым, про известные мне места, которые проезжали. Но внутренне все мы были в большом напряжении. По нашим сведениям, заговорщики уже были в резиденции Президента. Что они будут делать? Какие шаги предпринимать во имя собственного спасения? Тогда мы считали, что ждать от них можно было всего, что угодно.

Перед резиденцией Горбачева наши машины остановили. Гляжу — знакомые физиономии: начальник Службы охраны КГБ генерал Юрий Плеханов и его заместитель Вячеслав Генералов. Нам сказали, что дальше ехать нельзя. Придется пойти пешком. Ночь, горят фонари. Впереди — Иван Силаев, Александр Руцкой, депутаты, следом мы с Примаковым. По дороге возле какого-то здания заметили Крючкова, Язова, Бакланова. Они стояли под фонарем, разговаривали. Увидев нас, отвернулись. Поздоровался только Крючков.

Около дачи нас встретила вооруженная автоматами президентская охрана. Вид у ребят был довольно решительный, однако, судя по всему, они уже знали, зачем мы приехали. Нас пропустили внутрь и сообщили, что Горбачев сейчас спустится.

Он вышел к нам в теплом домашнем свитере, загорелый, как всегда бодрый. Это был счастливый миг. Вулкан эмоций, любви и информации. Горбачев рассказывал о своем двухдневном заточении, а мы, естественно, о том, что в эти дни происходило в Москве, что говорили о путче в мире. Руцкой сразу же потребовал, что возвращаться в столицу будем на нашем самолете, что с заговорщиками — никаких контактов. «Ни с кем из них говорить не буду, — согласился Михаил Сергеевич. — Приму только Лукьянова».

На этой встрече я присутствовал. Лукьянов выглядел не лучшим образом. Да это и понятно. Ведь ему предстоял тяжелый разговор не только с Президентом СССР, но и с человеком, с которым его связывала почти сорокалетняя дружба. «Как ты мог?! — начал Михаил Сергеевич. — Я о тебе такого даже и подумать не смел, а, оказывается, и ты — туда же?» Анатолий Иванович начал оправдываться. Мол, как Вы смеете так думать! Я здесь вообще ни при чем! Да я вывел из Москвы танки… «А как же твое заявление?» — спрашивает Горбачев. «А заявление я уже давно написал», — отвечает Лукьянов. Одним словом, серьезного разговора так и не вышло, как-то по-детски все было. Один нападал, другой оправдывался. С трудом удалось сдержаться, чтобы не «встрять» в разговор.

После недолгих сборов Михаил Сергеевич вместе со своей семьей сел в бронированную правительственную машину и отправился на военный аэродром Бишкек. Следом двинулись мы. Возбужденные и счастливые.

В Москву летели в одном самолете, на который я тоже умудрился чуть было не опоздать. Президент, его жена Раиса Максимовна, их дочь Ирина, зять Анатолий, Иван Силаев, Александр Руцкой, Евгений Примаков — все мы сидели за одним столом и поднимали тосты за россиян, за счастливое избавление, за то, что теперь дело пойдет, за женщин, которым в эти дни тоже пришлось пережить немало.

Многим, наверное, запомнились кадры телерепортажа о встрече Горбачева в аэропорту после возвращения из форосского плена. Автоматчики у трапа. Усталые лица родственников Президента. Пропитанная неизвестностью московская ночь. Но всем нам, стоявшим в те минуты рядом с Михаилом Сергеевичем, было очевидно одно: эта авантюра и это заточение в Крыму круто изменили всю жизнь страны и Президента. Кончилась неопределенность. Произошел разрыв идеологических пут. Теперь он был совершенно иным человеком, иным политиком. Путч захлебнулся, заговорщики были арестованы, но никто не знал, что сулит нам завтрашний день.

Кажется, на 12 часов дня в четверг Президент СССР собрал совещание. По-моему, все еще не отошли от происшедших событий. Каждый по инерции делился какими-то воспоминаниями, обсуждали некоторые детали провалившегося заговора. Но в основном речь шла уже о будущем: как выходить из сложившейся ситуации, когда собирать Совет Федерации, о чем Горбачеву говорить на пресс-конференции. Разговор получился какой-то сумбурный, и мало что удержалось в памяти. Помню только, Александр Яковлев убеждал Президента выступить самокритично, признать свои собственные ошибки. Меня очень беспокоило, что Президент не намеревался именно сегодня коротко и искренне выступить в парламенте России. В итоге, как мне кажется, тогда мы все не справились со своей задачей советников Горбачева. Его выступления слабо учитывали революционно изменившиеся за три дня политические настроения в стране. И он опять начал терять время.

Рано утром 23 августа, в пятницу, ко мне домой явился необычный гость. Им был майор из спецподразделения КГБ «Альфа». Он рассказал о том, как после возвращения Президента РСФСР Бориса Ельцина из Алма-Аты «Альфа» в полной боевой экипировке с четырех утра вела наблюдение за президентской дачей. Вначале был приказ задержать Ельцина в Чкаловском военном аэропорту, но по каким-то причинам этот план осуществить им не удалось. Тогда последовал приказ блокировать дачу. Они видели, как Борис Николаевич входит в дом, как рано утром отправляется на работу. Как потом выяснилось, приказа о задержании не последовало из-за несогласованности в руководстве спецподразделения. Один заместитель начальника «Альфы» генерала Карпухина настаивал на задержании Ельцина. Два других — возражали. Двадцатого числа по мультитонной связи личный состав «Альфы» к вечеру собрали вновь, но они, разобравшись в обстановке, отказались участвовать в каких-либо действиях. В конце нашего разговора майор сказал мне о том, что, по мнению парней из «Альфы», это спецподразделение должно подчиняться лично Президенту СССР, а не Комитету государственной безопасности.

Через некоторое время я позвонил Михаилу Сергеевичу и передал ему содержание разговора. Горбачев согласился ввести «Альфу» в состав президентской службы безопасности. Попросил подготовить для этого необходимые документы, а также разобраться с теми, кто разрабатывал действия «Альфы» во время путча.

Я дал соответствующие задания, а затем вынужден был отъехать. Вдруг в машине раздается звонок. Командующий

Военно-воздушными силами Евгений Шапошников. «Вадим Викторович, — говорит, — не знаю, кому позвонить, с кем посоветоваться. Хочу принять решение о деполитизации и департизации Военно-воздушных сил страны. Коллегия тоже согласна с этим. Что думаете?» «Мне неудобно давать Вам какие-либо советы, — отвечаю Шапошникову, — но, думаю, Вы приняли правильное решение».

Только повернул в Кремль, снова звонок. На сей раз это был Президент. «Ты подготовил бумаги?» — спрашивает. Пришлось объяснить, что скоро я их ему представлю. В Кремле меня уже ждали офицеры из «Альфы». Мы вновь обсудили схему передачи этого спецподразделения в ведение президентской службы безопасности. Пока печатали необходимые документы, несколько раз звонили из приемной Горбачева, торопили, говорили, что Михаил Сергеевич давно меня ждет.

Во втором часу дня вхожу в приемную Президента СССР. Навстречу — Шапошников. Я еще не знал, что его только что назначили министром обороны.

За большим столом сидели президенты союзных республик, Горбачев — в председательском кресле, а рядом с ним, с левой стороны, место свободно. «Вадим Викторович, — произнес Президент, — вот мы тут все вместе решили предложить Вам возглавить Комитет государственной безопасности». Признаться, я воспринял это предложение спокойно. «Конечно, для меня это большая неожиданность, — сказал я президентам. — Только думаю, на такую должность подошла бы другая кандидатура». «Какая?» — спрашивает Горбачев. «Я бы предложил председателя Комитета по безопасности Верховного Совета СССР Юрия Рыжова», — отвечаю. «Юрий Рыжов — хорошая кандидатура, но он не найдет достаточной поддержки. Ведь важно, чтобы все мы его поддерживали». «А меня Вы все поддерживать будете?» — спрашиваю президентов. «Конечно, — отвечают, — будем поддерживать». «Только ведь вы направляете меня в такую организацию, — говорю, — которую, на мой взгляд, вообще надо расформировать». «Так вот мы Вам это и поручим», — отозвался Президент России Борис Ельцин и предложил включить это в Указ. Горбачев на решении о моем назначении от руки приписал второй пункт, в котором значилось, что я должен представить предложения по коренной реорганизации Комитета государственной безопасности.

В приемной меня встретил исполняющий обязанности Председателя Комитета, начальник Первого главного управления КГБ генерал Л. В. Шебаршин. «Сразу поедем?» — спрашивает. «Назначайте Коллегию на три часа дня, — отвечаю. — Я сам

приеду».

2. КГБ

…если у вас гильотина на первом плане и с таким восторгом, то это единственно потому, что рубить головы всего легче, а иметь идею всего труднее!

Федор Достоевский

Организация, которую мне предстояло возглавить, чтобы разрушить, имела не только стойкую и заслуженную репутацию беспощадного карающего меча компартии, но и сама могла разрушить кого и что угодно. КГБ и его предшественники в лице ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ составляли основу тоталитарного режима, без которой этот режим просто не мог существовать. Конечно, КГБ времен перестройки хотелось выглядеть более респектабельным, но длинный и тайный шлейф злодеяний и беззаконий мешал этому. До сих пор это было государство в государстве — хотя все более и более терявшее свое главное оружие, с помощью которого оно пыталось заставить людей верить в то, во что они не верили. Для многих старых номенклатурных кадровых комсомольских или партийных работников было пределом мечты попасть в КГБ. Но у меня никогда большим уважением эта организация не пользовалась. Хотя в молодости был знаком с «чекистами», которых не только уважал, но и любил. И люблю до сих пор, хотя их давно уже нет. Владислав Иванович Алешин и Виктор Иванович Попов были «чекистами» с человеческим лицом.

Ежемесячник «Совершенно секретно» в одном из своих номеров поместил па обложке фотографии председателей КГБ: Дзержинский, Менжинский, Ягода, Ежов, Берия, Меркулов, Абакумов, Серов, Шелепин, Семичастный, Андропов, Чебриков, Крючков. Я — четырнадцатый. И, честно говоря, участие в этом «вернисаже» я не считал и не считаю приятным. Вдохновляло только то, что я должен был стать последним в этой галерее портретов, которую открывал образ отца-основателя ВЧК «железного» Феликса Дзержинского, чей памятник еще высился перед всемирно известным зданием на Лубянке, когда я входил в него в новом качестве.

Созданная после Октябрьской революции система подавления с первых шагов несла в себе быстро развивающийся зародыш вседозволенности и аморальности, которые

обосновывались революционной целеустремленностью. Хотя «Всероссийская чрезвычайная комиссия» первоначально образовывалась в декабре 1917 года для борьбы против саботажа и бандитизма, то очень скоро ее функции распространились на «искоренение контрреволюции», понимаемой в самом широком смысле. Меч, предназначенный для законной защиты революции от заговоров ее реальных врагов, оказался занесенным над всем обществом. Лидеры большевизма, выдвигая на первый план классовую борьбу, своего рода «большевистский якобинизм», абсолютизировали значение государства как орудия власти и отводили в нем особое место карательным инструментам. Сеть органов ВЧК опутала всю структуру гражданских и военных учреждений огромной страны. Осуществляя с санкции партии по своему разумению аресты, ведение следствий, вынесение и приведение приговоров в исполнение, массовые расстрелы «заложников», ВЧК возвела террор и беззаконие в разряд государственной политики.

С той поры революционного произвола берет свое начало специфическая идеология «чекизма», отлакированная и вылизанная последующими поколениями идеологов КПСС и публицистами, паразитирующими на «криминально-патриотической» романтике.

Эта идеология оказалась более живучей, чем структуры, ее породившие. Мало того, за все время существования партийных карательных органов — от ВЧК до КГБ — она пользовалась некоторой симпатией и популярностью в массах, тогда как сами органы вызывали у людей, мягко говоря, страх.

Причиной этому, конечно же, наш традиционный двойной стандарт. Сущность совершенно секретной деятельности КГБ до сих пор никому в достаточной степени не известна. Но из массового сознания «колом не вышибешь» того, что навечно оставили в нем многосерийные слащаво-мужественные телесериалы «о разведчиках». На самом же деле идеология «чекизма» и чекисты ничего общего с разведчиками не имеют.

Это узурпированное у народа право на его «защиту» его именем от его «врагов» помимо его воли. Врагов определяет не народ, а партия. Враг нужен всегда. Без него станет ясной бессмысленность системы. Поэтому «чекизм» — это постоянный поиск «врага» по придуманной удобной формуле: «Кто не с нами, тот против нас». «Чекизм» — это постоянный ничем не ограниченный сыск и насилие над каждым, кто не укладывался в жесткую схему идеологии партии большевиков. Это полное слияние идеологии спецслужбы не с законом, а с идеологией правящей партии.

Это слияние было подтверждено еще в годы гражданской войны особым распоряжением ЦК партии, обязывавшим всех коммунистов в вооруженных силах, а затем и на транспорте быть осведомителями ВЧК и особых отделов в армии. Уже к 1919 году относится создание первых концентрационных лагерей, лицемерно называвшихся «школами труда».

С прекращением гражданской войны Чрезвычайная комиссия была преобразована в Главное политическое управление (ГПУ) при Наркомате внутренних дел. Но перехода к нормальной системе законности фактически не произошло. Ведомство, задуманное как временное и чрезвычайное, просто стало постоянным и институционально закрепленным.

И, наверное, наивно считать, что действительно кто-то задумывал это ведомство как «временное». Исходя из фундаментального положения теории марксизма-ленинизма, после экспроприации экспроприаторов — впредь до отмирания государства — государство было необходимо. И оно не могло быть никаким иным, кроме как государством диктатуры пролетариата. Для осуществления диктатуры необходимы не правовые, а карательные органы. И они в соответствии с теорией были созданы. И неважно, как они назывались. А «диктатура пролетариата» быстро превратилась в диктатуру одной партии, которая постепенно трансформировалась в «диктатуру одной личности».

Именно ГПУ явилось одним из главных инструментов, с помощью которого Сталину удалось утвердить режим своей личной власти. На ГПУ была возложена основная роль в осуществлении коллективизации сельского хозяйства: его представители входили в «тройки» по ликвидации кулачества, его воинские части обеспечивали депортацию раскулаченных. Громадной была роль ГПУ в организации первых показательных процессов над «буржуазными специалистами» — производственно-технической интеллигенцией, которую обвиняли во вредительской и диверсионно-шпионской деятельности, чтобы свалить экономические трудности на происки «классовых врагов».

Для усиления диктатуры был придуман печально знаменитый тезис Сталина об усилении классовой борьбы по мере продвижения к полной победе социализма. Он лег в основу репрессивной политики 30-х годов, когда массовый террор достиг своего апогея. Инакомыслие преследовалось беспощадно. Лучшие, наиболее яркие личности не вписывались в плоскую систему единомыслия и потому уничтожались, даже если и склоняли свою голову перед «вождем народов». Явью стала

система, с провиденческим гением описанная Федором Достоевским в бессмертных «Бесах»: «У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем и все — каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство… Не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть, были деспотами и развращали более, чем приносили пользы, их изгоняют или казнят. Цицерону отрезается язык, Копернику выкалываются глаза, Шекспир побивается камнями…»

Для Шекспиров, Цицеронов и просто независимо мыслящих людей у Сталина наготове было Управление лагерей ОГПУ, в начале 30-х переименованное в Главное управление лагерей — ГУЛАГ. Семнадцать тысяч заключенных в 1930 году и около двух миллионов в 1940-м, сотни тысяч расстрелянных… «Врагом народа» становился сам народ.

Работа органов госбезопасности проходила под личным контролем Сталина. С созданием в 1934 году общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел, с включением в его состав ОГПУ во главе с Ягодой механизм репрессий был запущен на полные обороты. Любые просчеты в строительстве зданий, поломки техники, аварии на железных дорогах, неточности в финансовых документах трактовались как результат «диверсионно-вредительской деятельности». В массовом порядке фабриковались судебные дела на «шпионов» и «террористов». Не было ни одного мало-мальски серьезного государства мира, в пользу которого якобы не «шпионили» «враги народа». Начатые процессом над Зиновьевым и Каменевым массовые репрессии в отношении государственных, партийных и военных деятелей во многом обезглавили страну, армию в преддверии страшной схватки с фашизмом.

Сталин боялся оставлять в живых свидетелей и исполнителей своих злодеяний. Волны репрессии обрушивались и на сам НКВД. Жертвами палачей становились и честные сотрудники, не принявшие правил кровавой игры, и сами палачи. Периодические чистки в НКВД, не меняя сути этой организации, делали ее только более жесткой. Уничтожение Ягоды и его подручных, организованное по ими же ранее применявшимся сценариям, осуществлялось руками Николая Ежова, превратившего год 1937-й в слово нарицательное, в символ трагедии целого народа.

В тридцать седьмом за считанные месяцы число арестованных по политическим мотивам возросло в десять раз, тюрьмы были переполнены. Органам госбезопасности было разрешено применять пытки. Никто не мог чувствовать себя в

безопасности, по Советскому Союзу растекся страх. И не только по Советскому Союзу. Ни одной из партий Коминтерна, чьи представители находились в Москве, не удалось избежать смертельных ударов, при этом особенно пострадали польская, германская, югославская, венгерская компартии. После этого вновь наступило время заметать следы, уничтожать палачей и фальсификаторов.

…Передо мной на столе лежат два архивных дела, относящихся к тем совсем недалеким 40-м годам. Одно из них — дело № 510, начатое 13 июня 1939 года, по обвинению Ежова, написавшего в анкетной графе «Профессия и специальность» — портной, слесарь, а в графе «Образование» — незаконченное низшее образование. От одного его слова зависела жизнь любого человека на 1/6 части суши планеты. В чем обвинялся убийца десятков тысяч людей? Ежову инкриминировалось, что, «являясь двурушником в рядах партии и примыкая сначала к «рабочей оппозиции», возглавляемой Шляпниковым, а затем (с 1928–1929 гг.) войдя в преступные связи с руководящими участниками троцкистской организации Пятаковым и Марьясиным, вел борьбу против ВКП(б) и Советского государства». Кроме того, Ежов обвинялся во «враждебной СССР шпионской работе» в пользу Польши, Германии и Англии, в руководстве «заговорщической организацией в органах и войсках НКВД», в насаждении «шпионских и заговорщических кадров в различных партийных советских, военных и прочих организациях СССР», истреблении преданных партии кадров, ослаблении воинской мощи Советского Союза, подготовке государственного переворота в СССР, организации террористического акта против руководителей партии и правительства во время демонстрации на Красной площади, в деятельности по ускорению разгрома китайских национальных сил, чтобы «облегчить захват Китая японцами и тем самым подготовить условия для нападения Японии на советский Дальний Восток», организации убийства неугодных ему людей, «могущих разоблачить его гнусную и предательскую работу»; наконец, в мужеложстве. Отвергнув на суде все эти обвинения, которые он признал на предварительном следствии, Ежов в то же время заявил, что «есть и такие преступления, за которые меня можно и расстрелять». Что же это были за преступления?

«Я почистил 14 000 чекистов, — говорил Ежов. — Но огромная моя вина заключается в том, что я мало их почистил… Я давал задание тому или иному начальнику отдела произвести допрос арестованного и в то же время сам думал: «Ты сегодня допрашивай его, а завтра я арестую тебя». Кругом меня были

враги народа, мои враги. Везде я чистил чекистов. Не чистил их только лишь в Москве, Ленинграде и на Северном Кавказе. Я считал их честными, а на деле же получилось, что я под своим крылышком укрывал диверсантов, вредителей, шпионов и других мастей врагов народа».

Кровавый театр абсурда… Ежова расстреляли. Вот такие люди с извращенной психикой вершили судьбами страны, были и судьями, и палачами, и неизбежными жертвами.

И второе дело, если можно назвать его делом — в нем всего десяток страничек, — относится к моему деду.

27 августа 1937 года на основании постановления «тройки» управления НКВД Западно-Сибирского края (ЗСК) подвергнут (без указания статьи) высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества Бакатин Александр Петрович, русский, беспартийный, образование среднее, женат, работал бухгалтером в «Заготзерно», арестован 27 июля 1937 года.

Согласно обвинительному заключению, Бакатин признан виновным в том, что он являлся активным участником созданной Волконским и Эскиным на территории Западной Сибири кадетско-монархической повстанческой организации.

Дед был реабилитирован в 1966 году. Как показала проверка, указанной в обвинительном заключении организации не существовало. Материалы о ней были сфальсифицированы бывшими работниками УНКВД ЗСК. «Чекистам» надо было выполнять «разнарядки по расстрелу». Для «счета», как и многие другие, был расстрелян и мой дед.

Два дела. Жертва и палач, сам ставший жертвой. Кого из них жалеть, кого ненавидеть? Казалось бы, все ясно. Но странно, ненависти у меня нет. Наверное, потому, что невозможно ненавидеть историю своей Родины. Ее надо знать, какой бы она ни была. Нельзя, преступно скрывать историю народа от народа. Но ведь скрывали и скрываем, как можем, до сих пор. Казалось бы, и комидеологи исчезли либо переквалифицировались в президентов, а потихоньку скрываем. Зачем? Из благих побуждений? Уберечь людей от страданий, крушения «идеалов» и «идолов»? А может быть, из страха, боязни возмездия за грехи наших партийно-чекистских предшественников? Не знаю. Но от тайного шлейфа злодеяний и беззаконий, тянущегося из прошлого за КГБ, можно избавиться, только полностью сказав всю правду, какой бы горькой она ни была. Реабилитация невинных жертв — дело святое, но это еще не вся правда.

Итак, ликвидация Ежова и его ближайших помощников в 1930–1940 годах вновь ничего не изменила: взошла звезда Лаврентия Берия, имя которого и после смерти Сталина внушало

ужас и простым смертным, и сильным мира сего из окружения «вождя народов».

В годы жестоких испытаний в период Великой Отечественной войны, когда все усилия народа были напряжены во имя достижения победы, маховик политических репрессий продолжал безостановочно работать, истощая и без того скудные жизненные силы страны. НКВД беспрекословно осуществил решение правительства о выселении с исторической родины и других мест постоянного проживания на восток — калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, турок из Месхетии, немцев Поволжья. Без домашнего скарба, в холодных вагонах людей везли в Сибирь, где многих ждала смерть от голода и холода.

Страна выстояла и победила в войне. Но радость победы и тяготы восстановления не могли остановить машину террора. Процессы 1946 года по делам молодежных групп, самостоятельно изучавших философию, литературу, историю; борьба с «космополитизмом»; «Ленинградское» и «Мингрельское» дела, «дело врачей-отравителей» — вот только некоторые наиболее известные процессы послевоенных лет. А сколько было других, малоизвестных, но от этого не менее трагичных.

Хрущевская «оттепель» позволила во многом остановить карусель смерти. С процессами над Берией и Абакумовым наиболее одиозные проявления политики массового террора ушли в прошлое, органы госбезопасности были освобождены от лиц, прямо замешанных в репрессиях. Миллионы людей возвращались из небытия ГУЛАГа к нормальной жизни, восстанавливалось их доброе имя. Однако не менялась тоталитарно-бюрократическая общественная система, основанная на господстве одной идеологии, на страхе и подавлении, а значит, не могли качественно измениться те функции, которые выполняли органы госбезопасности, этой системе служившие. Да, КГБ стал действовать методами более деликатными, тонкими, но репрессивная его сущность оставалась прежней.

И не случайно, что с ростом оппозиции реформаторским начинаниям Хрущева Комитет госбезопасности во главе с В. Е. Семичастным оказался в центре заговора, который привел к отстранению Хрущева от власти в октябре 1964 года.

Новая, брежневская эпоха возвестила о своем приходе похолоданием политического климата, ростом нетерпимости властей к любым проявлениям инакомыслия. В Уголовном кодексе появилась статья (190^1), предусматривавшая наказание за распространение слухов и информации, порочащих государственный и общественный строй. Это оставляло широкое

поле для толкований состава преступления и развязывало руки КГБ. Главными врагами теперь становились диссиденты — честные и думающие люди, совесть-нации, отстаивавшие идеалы демократии, прав человека, гражданского общества. Многих из них ждали тюрьмы, куда они попадали после короткого и негласного судебного разбирательства, и их имена никогда не становились известными советской общественности, от имени которой вершился суд. Другие оказывались в психиатрических «лечебницах», после того как специально подобранные КГБ комиссии экспертов «находили» у них всякого рода патологические синдромы на антисоветской и иной почве. Третьи — с которыми нельзя было так просто расправиться, люди масштаба Александра Солженицына и Андрея Сахарова — превращались в изгоев общества. За каждым их шагом и словом КГБ тщательнейшим образом следил, используя все мыслимые контрразведывательные средства — слежку, прослушивание телефонных и всех иных разговоров, разработку связей и т. д. Свидетельство тому — более 550 томов дела оперативной разработки по Сахарову и 105 томов — по Солженицыну, которые хранились в архивах КГБ. Но об их полном содержании мы уже никогда не узнаем. В 1989–1990 годах по приказу руководства Комитета досье были уничтожены, а «печи после сожжения проверены», о чем составлены соответствующие акты. Но отдельные документы сохранились, и они дают хорошее представление о менталитете руководства КГБ брежневской поры.

«С чувством гнева и презрения отзываются о Солженицыне представители рабочего класса и колхозного крестьянства, выражающие свое возмущение развернутой на Западе антисоветской кампанией вокруг имени этого предателя», — информировал 17 января 1974 года ЦК КПСС Председатель КГБ Юрий Андропов, приводя в доказательство слова никому не известных токарей, доярок, ученых, в глаза не видевших ни одной строчки из произведений великого писателя-гуманиста. Через 2 недели — 6 февраля — в тот же адрес идет документ, подписанный Андроповым и Генеральным прокурором Руденко: «Как известно, в последнее время буржуазная пропаганда, используя враждебный пасквиль Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», подняла во многих европейских странах и США шумиху, направленную против СССР, его внешней и внутренней политики. Причем эта волна антисоветизма отличается не только клеветой на Советский Союз, но и стремлением инспирировать враждебные выступления в нашей стране, а также против ее представительств за рубежом.

Анализ показывает, что вся эта кампания достаточно хорошо

скоординирована и направляется из единого центра.

…Представляется целесообразным вызвать Солженицына к заместителю Генерального прокурора СССР т. Малярову М. П. и заявить ему, что в связи с его антисоветской деятельностью Прокуратура СССР считает необходимым заняться рассмотрением имеющихся на этот счет материалов». Еще через неделю Нобелевский лауреат был выдворен из Советского Союза.

Без суда и следствия в г. Горький на 7 лет был выслан великий ученый, человек совести академик Сахаров. Символично, что Советская власть лишила его трех звезд Героя Социалистического Труда за разработки в области ядерной физики и создание советского атомного оружия, которое помогло этой власти продлить свое существование на десятки лет за «железным занавесом».

КГБ представлял угрозу обществу не только как репрессивный механизм. Комитет был одним из главных, если не главным, источников той информации, на основании которой принимались решения высшим государственным руководством. В том, что экономика СССР была истощена в результате убийственного военного строительства, помимо объективной логики политического соперничества двух систем в значительной степени виновата информационная политика КГБ. Со стороны Комитета неизменно поступали сведения об отставании Советского Союза от Запада по тем или иным компонентам вооружений, которые служили основанием для дальнейшего раскручивания спирали военных программ без учета реальных возможностей экономики и нужд людей. А паранойя поиска врага в лице «мирового империализма» только способствовала раздуванию студеных ветров «холодной войны».

Я не собираюсь давать в этой книге историю органов безопасности. И тем более не считаю правильным, как это сейчас принято, рисовать деятельность ее сотрудников только черным цветом, хотя, конечно, темные тона на этом полотне превалируют. Нельзя забывать о сотнях сотрудников, бросивших открытый вызов сталинской системе произвола в 30-е годы и за это поплатившихся жизнью. О тяжелой, не «киношной» работе разведчиков, проводивших свои никому не видимые операции на истощении нервов.

Не вина, а трагедия честных людей, работавших в КГБ и сотрудничавших с ним, искренне веривших в идеалы служения Родине, что на самом деле они служили не Родине, а системе, лозунгом которой была борьба ради созидания, а на деле получалась только борьба, разрушение без созидания. Речь не идет об отдельных стройках, освоении целины или шедеврах

художников. Речь идет о такой организации жизни, где и освоение целины приводит к трагедии, а шедевры прячут на полку. В этом смысле вина чекистов была не намного большей, чем вина учителя, десятилетиями вдалбливавшего в головы своих учеников те догмы марксизма, в которые он сам либо верил, либо убедил себя, что верит; или журналиста, искавшего внутреннего примирения с действительностью, вынужденного воспевать «успехи социалистического строительства» и закрывать глаза на пороки общественной системы. Смелых людей, бойцов, диссидентов, противников режима было немного. И хотя тогда пели, что «героем становится любой», не может все общество состоять из одних героев. Подавляющее большинство людей — и в годы сталинизма, и в годы брежневщины — просто учились, работали, принимая действительность такой, какая она есть, и подчиняясь общему потоку жизни, жили и честно, как понимали, делали свое дело. Таковы суровые правила тоталитарного режима: либо ты живешь, «как все», как указывает вождь, партия и «народ», либо ты уже не народ, а «враг народа» и должен уйти в небытие. Люди приспосабливались к такой жизни, вырабатывали какие-то механизмы самозащиты, в том числе и от собственной совести. Совесть ведь тоже убивает.

И кто сейчас возьмет на себя смелость осуждать их? И за что? Даже невинно погибшие не стали бы этого делать, потому что сами могли жить только так.

«Не судите, да не судимы будете»? Или наоборот. Прежде чем осуждать, надо осудить себя.

В исковерканной, изуродованной психологии народов, приспособившихся к системе и воспитанных системой, — главная трагедия прошлого и драма настоящего. Здесь основное зло, порожденное чекизмом — идеологией лжи и насилия.

Но мне кажется, пора кончать постоянные, ставшие модой бессмысленные поиски сегодняшних неудач в прошлом, во вчерашней «системе». Это очевидно. Но от этой очевидности мало проку. Избавиться от «системы», от прошлого, полностью изменить нашу жизнь мы сможем только тогда, когда каждый попробует прежде всего разобраться с самим собой.

Очищения и обновления общества не произойдет, если вместо прежних виноватых «сионистов», «империалистов», «поджигателей войны» сегодня свалить все на КГБ, «партаппаратчиков», «номенклатуру», а завтра на «демократов» и «жидо-масонов».

Знаю тех, кто меня не поймет, не согласится, возмутится. Но это давно известно. Каждый народ достоин той жизни, которой он живет. Народ не статист в массовой сцене. По крайней мере, не

должен быть статистом, тем более в демократическом обществе.

Ведь народа боятся и боялись, к нему взывали все политики — большевики и Керенский, Брежнев и демократы.

Да, можно повторять очевидную истину, что коммунистическая идеология сделала наше общество нашим обществом, нашу жизнь нашей жизнью. Но это была не вся жизнь. Всю жизнь без изъятия определял народ. Обманутый, доверчивый, нетребовательный, терпеливый, послушный, спившийся, талантливый, щедрый и несчастный. Мы. Я говорю «мы», имея в виду: каждый по-своему, но все вместе. Мы сами, каждый своей жизнью делали жизнь такой, какой она была. И оказалось, созидая, получая почетные грамоты и «четвертные» «за победу в соцсоревновании», мы не создавали будущего. Каждый что-то делал. Жил. Любил. Работал в шахте или на ферме. Сажал цветы или картошку. Или сидел в лагерях. Играл по вечерам на баяне или на сцене…

Все это многообразие ярких и простых суровых нитей создавало картину нашей жизни, но не создало добротной, здоровой основы для будущих поколений. Ткани не получилось. Нет целого. После того как снят тяжелый пресс идеологии, все разваливается.

Здесь итог ложного пути. Здесь счет теоретикам и политикам, а прежде всего самим себе. И новую жизнь без осознания этого народом народу не поднять. Даже без КГБ.

К началу перестройки Комитет госбезопасности представлял из себя всепроникающее ведомство, способное контролировать все стороны общественной жизни. Без ликвидации или серьезного реформирования этой организации и установления системы эффективного государственного и общественного контроля над спецслужбами невозможно было надеяться на успех демократических реформ. Но одна из крупных ошибок Горбачева заключалась в том, что он до самого путча (до Фороса) недооценивал опасность существования огромной репрессивной организации, которая лишь мимикрировала, демонстрировала свою внешнюю лояльность политике перемен, но сохраняла верность многим традициям «чекизма». Горбачев, Генеральный секретарь ЦК КПСС, видел в КГБ не столько угрозу своим преобразованиям, сколько опору.

Вспоминаю его политический доклад на XXVII съезде КПСС в 1986 году, когда детально была изложена программа перестройки. Для КГБ найдены слова, под которыми могли подписаться и Сталин, и Брежнев: «В условиях наращивания подрывной деятельности спецслужб империализма против Советского Союза и других социалистических стран значительно

возрастает ответственность, лежащая на органах государственной безопасности. Под руководством партии, строго соблюдая советские законы, они ведут большую работу по разоблачению враждебных происков, пресечению всякого рода подрывных действий, охране священных рубежей нашей Родины».

Подобные оценки, явно противоречившие реалиям жизни, повторялись и в последующие годы. И это было одной из основных причин того, что на протяжении всех лет перестройки КГБ являлся одной из немногих государственных организаций, структура и, главное, функции которой оставались практически неизменными. Уже ушли в прошлое Верховные Советы, избираемые на безальтернативной основе, бездумно и всегда единогласно штамповавшие решения партийных органов, уступив свое место действительно избираемым законодательным органам, которые хоть и не отражали всю палитру общественных настроений, но делали первый маленький шаг к демократическому обществу. Уже канула в Лету 6-я статья Конституции СССР, закреплявшая «руководящую и направляющую роль» компартии, хотя КПСС и не спешила сдавать своих позиций. В Союзе и во многих республиках начала утверждаться президентская форма правления, были сформированы органы конституционного надзора. Но Комитет госбезопасности ветры перемен обходили стороной. Он по своей сути оставался прежним «карающим мечом партии». Но этот «меч» ржавел в ножнах. Использовать его, как прежде, было страшно. Новые же идеи больше зарождались в низовых звеньях самого Комитета, но власти было не до них. В итоге затухающая инерция, блуждания, потеря ориентиров, недовольство, разложение…

Что же представлял из себя КГБ в годы перестройки и каким фактически я его застал после назначения меня председателем?

В его центральном аппарате насчитывалось около 30 главных управлений, управлений и самостоятельных отделов.

Первое главное управление (ПГУ) — разведка, которой руководил сначала сам Владимир Крючков, а затем кадровый разведчик Леонид Шебаршин. В последние годы целый ряд публикаций уже развеял ауру романтичности над этой организацией с огромной штаб-квартирой в Ясенево. Разведка традиционно считалась элитой Комитета и, вероятно, была таковой: там работали в основном грамотные и хорошо подготовленные профессионалы.

Беда разведки заключалась в том, что главным ее консультантом и заказчиком неизменно выступал Международный отдел ЦК КПСС, имевший глобальные интересы весьма специфического свойства. Она также явно страдала от

принадлежности к пользующейся дурной славой системе политического сыска, что немыслимо в нормальном демократическом государстве. Хотя ПГУ уже не посылало своих сотрудников за рубеж с целью ликвидировать какого-нибудь «врага советской власти» или советского посла, как это случалось при Сталине, или устранить видного диссидента, как это бывало еще во времена Хрущева, она оставалась частью репрессивного механизма.

Деятельность ПГУ отличалась поистине глобальным и тотальным характером. Резидентуры активно действовали и вербовали агентов во всех без исключения уголках земного шара, даже в тех странах, названия которых средний советский человек никогда не слышал и где интересы государственной безопасности СССР были, мягко говоря, слабо различимы.

В соответствии с партийным заказом ПГУ вынуждено было заниматься не столько сбором значимой развединформации (хотя и это оно делало небезуспешно), сколько обеспечением пропагандистских установок ЦК КПСС, которые имели мало общего с реальными государственными интересами Советского Союза. Разведка могла «прозевать» какое-то важнейшее событие международной политики, но зато регулярно сообщала в центр реакцию в разных странах на очередное выступление советского руководителя или о склоках в карликовой компартии какой-нибудь африканской страны. Естественно, эта реакция неизменно оказывалась положительной, а внутри компартий отмечалось усиление влияния сторонников советской модели социализма.

Как сейчас стало известно, многие данные, которые подавались как результат агентурной работы, на самом деле черпались из средств массовой информации и препарировались таким образом, чтобы угодить центру. Непропорционально раздутые штаты посольских резидентур никак не корреспондировались с реальными результатами работы.

Второй главк (ВГУ) — контрразведка, которую возглавлял Геннадий Титов. Работа кропотливая, деликатная, где успех или неудачу трудно измерить. Во всяком случае, ее вряд ли можно мерить только количеством посаженных или высланных шпионов. Порой лучше этого шпиона, который известен, просто взять под наблюдение, выявлять связи, контакты и так далее.

Но, помнится, пришел ко мне на прием человек, работавший по так называемой «английской линии», и говорит: «Уйду на пенсию, и нечего вспомнить, жизнь прожита зря. Мало того, что мы никого не поймали, я все время впустую ходил и хожу, даже не знаю за кем». Контрразведке не хватало и не хватает эффективности. Только за всеми «смотреть» и всех «слушать» —

это просто убивать время и кадры.

Контрразведкой в Вооруженных Силах занимался Третий главк, представители которого работали в так называемых «особых отделах».

Вопросами безопасности и контрразведывательного обеспечения транспорта занималось 4-е Управление, которым заведовал Юрий Сторожев, один из опытнейших и старейших работников КГБ. Проблемы экономической безопасности входили в компетенцию 6-го Управления КГБ. Главный недостаток работы этого управления, на мой взгляд, заключался в том, что оно не могло выработать концепцию работы в условиях перехода страны к рыночным отношениям. Чуть ли не главная угроза виделась КГБ в нарождающихся структурах свободного предпринимательства. Конечно, слов нет, они уродливы. Но именно потому, что их нормальному появлению на свет мешали и продолжают мешать. В том числе и КГБ, который твердо стоял на страже интересов исключительно социалистического государственного сектора, сдерживал развитие рыночных реформ.

При Крючкове КГБ активно занялся борьбой с так называемым «экономическим саботажем», который толковался достаточно произвольно. В конце концов дело свелось к отслеживанию деятельности кооператоров и поиску консервных банок, припрятанных в подсобках магазинов. Тысячи сотрудников были брошены на изучение содержимого складских помещений. Эти «операции» проводились с большой помпой и широкой прессой. Предполагалось, что вид мяса и консервных банок, извлеченных из-под прилавка и продемонстрированных с телеэкрана, вызовет у потребителей, привыкших к пустым полкам магазинов, большую признательность КГБ. При этом не принимали во внимание, что хождение по магазинам — функция вовсе не спецслужб, а милиции, которая проводила те же мероприятия с несравнимо большим размахом, но не считала нужным столь бурно рекламировать свою рутинную работу. Кстати, сами сотрудники Комитета были вовсе не в восторге от того, что многим пришлось переквалифицироваться в своего рода торговых контролеров.

Не учитывало руководство КГБ и то, что на эту несвойственную спецслужбам работу отвлекались и без того незначительные силы Управления по борьбе с организованной преступностью (ОП), что наносило ущерб основной деятельности управления, которое должно было заниматься разработкой мафиозных и террористических групп, пресекать коррупцию, процветавшую в коридорах государственной власти всех уровней.

В чем КГБ неизменно имел успех, так это в борьбе с

инакомыслием. Занималось этим грязным делом пресловутое 5-е Управление, в конце 80-х годов переименованное в Управление «З» — по защите конституционного строя. Сотрудники этого управления работали во всех мыслимых учреждениях, организациях и движениях — молодежных, религиозных, национальных, общественно-политических. В период перестройки особого внимания были удостоены представители демократических сил, которые выдавались за главную угрозу конституционному строю, конечно, в узком понимании лидеров КПСС и самого КГБ. В нарушение не только действующего законодательства, но и собственных инструкций КГБ проводил оперативно-технические мероприятия в отношении целого ряда государственных и общественных деятелей. Так велось наружное наблюдение за народными депутатами СССР Борисом Ельциным, Тельманом Гдляном, практически за всеми лидерами Межрегиональной депутатской группы. Их телефоны, а также телефоны их близких и знакомых прослушивались. После выборов в российский парламент на прослушивание были поставлены телефоны некоторых народных депутатов РСФСР — в квартирах, на дачах, в местах отдыха. Слушали даже таких лиц, как парикмахершу Раисы Горбачевой или тренера Ельцина по теннису.

Все мероприятия по прослушиванию обеспечивал почти исключительно женский отдел, где за относительно небольшую зарплату работали девушки со знанием одного или нескольких иностранных языков и феноменальной памятью на голоса. Чего им, бедным, только не приходилось слушать… Бывало, и психика не выдерживала.

Когда я уже обосновался на Лубянке, мне принесли для примера две толстенные папки из сейфа бывшего руководителя аппарата Президента СССР и одного из заговорщиков — Валерия Болдина, где были собраны записи фонограмм разговоров известных политиков. Начал читать и на второй странице бросил. Разговор дома на кухне со своей матерью и братом одного из нынешних уважаемых российских парламентских лидеров. Стыдно за государство, за КГБ. Было ощущение, будто подглядываешь в замочную скважину за ничего не подозревающими порядочными людьми.

Наружное наблюдение обеспечивало 7-е Управление. Его сотрудникам, в любую погоду и любое время суток «ведущих» свои «объекты», не позавидуешь. Жаль, что слишком часто им приходилось следить не за теми, за кем бы следовало. В 7-е Управление входила и группа «Альфа», чьи офицеры в декабре 1979 года штурмом овладели дворцом Амина в Кабуле;

участвовали во многих операциях по освобождению заложников из угнанных самолетов; были в январе в Вильнюсе, а в августе 1991 года отказались захватывать российский «Белый дом».

Огромное хозяйство являла собой Служба охраны, больше известная как «девятка». Она осуществляла охрану высших должностных лиц страны, важнейших правительственных и партийных объектов, включая Кремль и ЦК КПСС. Кроме того, обеспечивала их чем пожелают. На ее балансе находились десятки дач и других мест отдыха и времяпрепровождения партийной и правительственной элиты.

Главное управление пограничных войск, которым командовал Илья Калиниченко, обеспечивало охрану самых протяженных в мире сухопутных и морских границ СССР. Жесткий режим советской границы требовал большого количества личного состава, техники, и на долю этого Главка приходилось около половины численности и бюджета КГБ. Работы у пограничников всегда было много, и они большей частью с ней справлялись. Только с начала по сентябрь 1991 года было задержано 3700 нарушителей госграницы, из них 1700 человек пытались уйти из СССР и 2000 — проникнуть в страну из-за рубежа. За этот период погранвойска задержали контрабанды на сумму 21 миллион рублей. Особые трудности для них создавала политика властей отдельных республик, например Молдавии, фактически установившей режим открытой границы с Румынией; известные события в Азербайджане, где нередко оголялись протяженные участки границы. А также полная неподготовленность сооружений и инструкций для обслуживания границы в новом режиме, когда ведомственная ограниченность не должна мешать праву нормальных людей на общение.

Ряд управлений КГБ, головное из них — Управление правительственной связи, занимались обеспечением руководства страны специальной шифрованной связью, разрабатывали системы шифров и кодов, осуществляли радиоперехват и электронную разведку. По существу, в совокупности они являли собой аналог Агентства национальной безопасности, мощнейшей разведывательной структуры США. Но, будучи составной частью КГБ, УПС могло по приказу его председателя, как показал путч, не только налаживать, но и отключать связь.

В этих управлениях КГБ были собраны первоклассные кадры математиков, физиков, программистов, они были оснащены самой современной электронно-вычислительной техникой. Люди действительно занимались делом. Позднее мне удалось оценить уровень информации, идущей из различных источников, и должен сказать, что из этих подразделений поступали наиболее

непредвзятые и точные сведения. Это был тот случай, когда «за службу не обидно».

То же самое можно сказать о работе Оперативно-технического управления. Люди высочайшего профессионализма, буквально из ничего создающие технические устройства на высоком мировом уровне. Другое дело, на что этот интеллект растрачивался?..

В ведении КГБ находилось и большое совершенное подземное хозяйство, пункты руководства страной на особый период, способные функционировать в чрезвычайных ситуациях, в том числе — в период ядерной войны. Содержатся они в идеальном порядке. Любопытно, что приметы идеологизации КГБ были заметны даже там: в бункере, откуда Президент мог управлять Вооруженными Силами в случае атомного нападения, на книжных полках я увидел только Полное собрание сочинений Ленина. Профессионализм был убит идеологией. Это было бы смешно, когда бы не было» так грустно. Коммунистическая сердцевина КГБ по-своему определила, что нужно главе государства в критический момент.

До прихода в КГБ я был уверен в огромных интеллектуально-аналитических возможностях этой организации. Скажу прямо, меня ждало разочарование. Только чуть более года назад было создано Аналитическое управление, которое не успело встать на ноги. Деятельность информационно-аналитических подразделений, существовавших практически в каждом управлении, и ряда научных институтов никем по-настоящему не координировалась. Почти необработанные информационные потоки сходились на столе Председателя КГБ, который отбирал, какая информация достойна внимания высшего государственного руководства.

После того как я первые дни в КГБ получал буквально горы всевозможных, как скоро выяснилось, во многом повторяющихся сводок, как правило дающих те сведения, которые уже прошли по средствам массовой информации, я понял прежде загадочное для меня поведение моего предшественника. Где бы ни находился Крючков (на сессии, на съезде, на заседании Совета безопасности), всегда ему в чемодане приносили гору бумаг, и он сидел и спокойно читал, расписывая резолюции. Только сейчас я оценил этот по-своему рациональный стиль. Действительно, при такой низкой информационной культуре и огромной массе информации по-другому с ней едва ли можно было справиться. При такой практике информация-сырец была непригодна для принятия политических решений на высшем уровне. Кроме того, монополия КГБ на информацию сильно сужала возможности

лидеров страны узнать различные точки зрения, открывала пути для целенаправленного манипулирования информацией в соответствии с идейно-политическими предпочтениями лично Председателя КГБ. Нельзя сказать, что руководство Комитета однозначно дезинформировало Кремль и Старую площадь. Оно просто давало ту информацию, которую считало нужной. Например, «наверх» бесперебойно шли сообщения о действительно имевших место, а также организованных протестах коммунистов и части русскоязычного населения в Прибалтийских республиках в отношении действий местных властей, но куда более многочисленные данные о поддержке этих властей народом замалчивались. В результате у Президента СССР складывалось ложное впечатление об отсутствии у правительства Латвии, Литвы и Эстонии массовой поддержки. Хотя надо было быть очень наивным человеком, чтобы в это поверить.

Слабость аналитической работы объяснялась, конечно, далеко не только злым умыслом и компартийной зашоренностью верхушки старого КГБ. Дело было и в том, что сама тоталитарно-бюрократическая система предполагала проведение анализа и принятие важнейших решений только в кабинетах ЦК КПСС. Мыслить широкими политическими категориями десятилетиями разрешалось только на Старой площади, а роль КГБ сводилась в первую очередь к поставке первичных данных и реализации уже принятых решений. Это исключало существование традиций стратегического политического мышления в самом КГБ. Зато по части дозирования информации и деятельности по принципу «чего изволите» Комитет мог дать фору любой организации.

О слабости аналитической работы говорить можно много. Но достаточно одного аргумента — именно аналитики КГБ разработали идеологию и сценарий столь бесславно провалившегося государственного переворота в августе 1991 года.

Кроме названных в центральном аппарате КГБ существовали: Инспекторское управление, занимавшееся в основном контролем за деятельностью комитетов республик и областных управлений КГБ (Центральный аппарат был для него недосягаем); Следственный отдел, где на каждого следователя в среднем приходилось около 0,5 дела в год, тогда как в МВД — более 60-ти; 10-й Отдел, ведавший следственным изолятором и архивами — уникальным собранием документов, куда фактически не ступала нога исследователей и журналистов; Центр общественных связей, работавший над улучшением общественного мнения о КГБ; мощные Военно-медицинское и Военно-строительное управления, обслуживавшие все

республики; Хозяйственное и Финансово-плановое управления; Управление кадров; Мобилизационный отдел; высшие учебные заведения — Высшая школа КГБ и Краснознаменный институт им. Ю. В. Андропова. На правах Управления центрального аппарата действовало УКГБ по г. Москве и Московской области во главе с Виталием Прилуковым.

Помимо этого, около 90 тысяч человек работало в республиканских комитетах и на местах в режиме жесткого, абсолютного подчинения центру. В мае 1991 года было принято решение о создании КГБ России, которая единственная из всех республик не имела своего Комитета госбезопасности. На должность его председателя Крючков предложил малоизвестного тогда Виктора Иваненко, вероятно, надеясь видеть его послушной марионеткой в руках всемогущего Председателя КГБ СССР. В последующем Крючкова ждало горькое разочарование. Но сам КГБ России к моменту путча насчитывал лишь несколько десятков человек.

Всего ко времени моего назначения в КГБ работало около 480 тысяч сотрудников.

К сожалению, пока еще ни одна уважающая себя страна не обходилась без спецслужб, без разведки и контрразведки. Но КГБ в том виде, как он существовал, нельзя было назвать спецслужбой. Это была организация, созданная для всеобщего контроля и подавления. Она была как будто специально приспособлена для организации заговоров и государственных переворотов и имела для этого все необходимое — специально подготовленные войска, контроль за связью и умами людей, своих сотрудников во всех ключевых организациях, монополию на информацию и многое, другое. КГБ разжирел, штаты его были искусственно раздуты, что никак положительно не влияло на качество работы. Служба, призванная обеспечивать безопасность страны, сама становилась угрозой для ее безопасности.

Особенно опасным для государства, его конституционного строя являлось то, что КГБ функционировал в условиях фактического отсутствия правовой основы, хоть как-то ограничивающей его деятельность. Закон об органах КГБ в СССР, проведенный через Верховный Совет СССР в мае 1991 года по инициативе Крючкова, по нормальным демократическим меркам устарел еще до его принятия.

Должен сказать, что, когда, по установившейся бюрократической традиции, правительство Союза еще в 1990 году направило этот Закон на заключение в МВД, я как министр в полном согласии с мнением милицейских правовых служб не дал положительного заключения. Мы считали, что, прежде чем

принимать Закон о КГБ, следует разработать и принять Закон о безопасности или Концепцию безопасности. Но этого так и не было сделано.

В КГБ продолжали действовать около 5 тысяч старых инструкций, утвержденных Советом Министров СССР, самим Председателем КГБ или кем-то еще в достопамятные времена. Эти инструкции оставляли широкое поле для ведомственной вседозволенности, и именно по этой причине старое руководство КГБ игнорировало многочисленные предложения по реформированию Комитета, переходу на новую правовую базу, которые исходили от общественности, специалистов-правоведов, а также из недр самого КГБ — из Инспекторского управления, Научно-исследовательского института ВГУ.

Созданная после провала августовского путча Государственная комиссия по расследованию деятельности органов государственной безопасности под председательством народного депутата РСФСР Сергея Степашина в своем заключении, доведенном до сведения Президента СССР Горбачева и Президента России Ельцина, пришла к выводам, которые я разделяю на все сто процентов:

«Длительное функционирование Комитета госбезопасности в условиях фактического отсутствия правовой базы, сколько-нибудь регулирующей его деятельность, привело к тому, что он, по существу, стал сверхцентрализованной структурой, осуществляющей контроль всех сторон жизни общества, и под предлогом наиболее эффективного обеспечения безопасности страны сосредоточил в своих руках огромную политическую и военную силу. Не выполнил своих конституционных обязанностей Верховный Совет СССР, поскольку не были разработаны необходимые нормативные акты и не был обеспечен контроль за деятельностью КГБ СССР. За работой органов госбезопасности не осуществлялся и действенный прокурорский надзор со стороны Прокуратуры СССР. В результате Комитет госбезопасности стал самостоятельной политической силой с собственными интересами и объективно превратился в надгосударственный институт, стоящий над органами высшей власти и управления Союза ССР и республик».

Комиссия Степашина справедливо обратила внимание и на то обстоятельство, что даже после отмены 6-й статьи Конституции СССР сохранялся контроль и даже прямое руководство КГБ со стороны Центрального Комитета КПСС. Этот контроль был возможен благодаря тому, что на ключевые должности в КГБ многие годы назначались бывшие ответственные партийные работники, а во всех органах КГБ существовали парткомы,

игравшие там далеко не декоративную роль. Комитет госбезопасности вплоть до августа 1991 года направлял в адрес ЦК КПСС материалы секретного и особо секретного содержания. В архивах секретарей ЦК эти документы накапливались в специальных фондах под названием «Документы КГБ СССР». КГБ по поручению Секретариата ЦК готовил справки, ответы на запросы, в том числе и в отношении различных политических деятелей. Все это никак не соответствовало Закону об общественных организациях в СССР, согласно которому все политические партии имели равный статус, а их комитеты не имели права на непосредственное государственное управление.

Нет ничего удивительного в том, что по мере развития процессов демократизации КГБ становился все более непримиримым к политике перемен, выступал в качестве одной из главных сил, стремившихся законсервировать устои старого, отжившего свой срок общественного строя.

Сейчас уже очевидно, что КГБ для достижения своих целей не останавливался перед проведением мероприятий даже явно провокационного характера. Комитет был прямо причастен к нашумевшему «делу АНТа» — суперкооператива, созданного правительством и им же разваленного. Судя по всему, это «дело» было нужно ортодоксам как предлог, чтобы «прихлопнуть» саму идею кооперации и предпринимательства. Или взять не менее шумное «дело о 140 миллиардах», инспирированое КГБ для дискредитации российского правительства.

Комитет госбезопасности стоял у истоков создания «интернациональных фронтов» в союзных республиках, проявлявших строптивость в отношениях с центром. Порочная логика «разделяй и властвуй» стимулировала раскол общества в этих республиках на два непримиримых лагеря, приводила к обострению социальной напряженности. Вместо терпеливого диалога и спокойного, взвешенного подхода к разрешению возникавших между республиками и центром противоречий действовала схема: «не хотите подчиниться — получите интерфронт, который призовет к забастовкам, поставит вопрос о границах республики и о законности избранных там органов власти». А затем деятельность этих интерфронтов преподносилась Комитетом госбезопасности как проявление «воли всего народа».

Но все-таки было бы большой ошибкой считать именно КГБ первичным злом. Комидеология породила и это общество, и государство, и КГБ как часть, как важную, тайным сыском, беззаконием и насилием обеспечивающую жизнеспособность системы, но все-таки часть партийно-государственной системы,

где все исходило из высших кабинетов Старой площади.

Когда же стал все более и более обостряться кризис идеологии, ускоренный горбачевской перестройкой, роль КГБ как «охранителя идеологии» резко возросла. Именно здесь, в его руководстве, сохранились в наибольшей неприкосновенности и высоко чтились догмы сталинизма, трансформировавшиеся в «теорию развитого социализма». Поэтому после того как между Горбачевым и частью высшей партийной элиты все больше разрасталась пропасть непонимания, КГБ выдвинулся на первый план как хранитель идейных основ комидеологии, располагающей к тому же немалой силой и опытом тайных «активных мероприятий».

Сформировался реакционный блок между догматиками КПСС — РКП, КГБ, депутатами — «патриотами» и частью генералитета ВПК. Председатель КГБ Крючков, насколько мне приходилось наблюдать его на многочисленных заседаниях у Президента и генсека, играл важную активную роль, постоянно предупреждал о «кознях» демократов, призывая к наведению порядка путем введения чрезвычайных мер. Надо признать, что Горбачев находился под сильным влиянием КГБ. Верил Крючкову и его информации. Это и предопределило теперь уже общеизвестную корректировку перестроечного курса с осени 1990 года.

Президент в тот период проявил явное тяготение к консервативным силам. Мужественное предупреждение Эдуарда Шеварднадзе о грядущей диктатуре, которые многие не услышали или не захотели услышать, имело под собой все основания, хотя я его тогда тоже не воспринял, не хотел с этим напрямую связывать и свою отставку с поста министра внутренних дел. Я верил Горбачеву и не мог предположить, что это было лишь одним из звеньев в политической комбинации, которая должна была поставить все правоохранительные органы под контроль твердых сторонников коммунистической идеологии, подготовить контрнаступление на перестройку под флагом чрезвычайных мер по спасению страны.

Как теперь выяснилось, еще в декабре 1990 года Крючков поручил узкому кругу своих приближенных — заместителю начальника ПГУ Владимиру Жижину и помощнику своего первого заместителя Виктора Грушко Алексею Егорову — осуществить проработку первичных мер по «стабилизации» обстановки в стране на случай чрезвычайного положения. Тогда же план был готов, но отложен до «лучших» времен.

Во время работы министром внутренних дел мои отношения с Крючковым были весьма ровными. Первые месяцы он довольно часто беседовал со мной, вводил «в курс», давал советы. Я знаю,

что такое поручение он получил от Горбачева.

Хорошо помню его мягкую манеру вести разговор, чай и кофе на выбор и постоянную шутку: «А виски будет?»

Позже я уже по собственной инициативе часто сам выходил на Председателя КГБ, желая получить информацию, но либо он скрывал, либо не хотел делиться обстановкой. Как правило, ничего нового о текущем моменте в «горячей» точке я от него не получал. Милиция знала обстановку более точно. Информация ее была более оперативной.

Прямая проба сил КГБ была проведена в Вильнюсе в январе 1991 года, что обернулось трагедией новых жертв. Несмотря на очевидные факты, в том числе бессмысленную гибель молодого офицера из группы «Альфа», руководство КГБ отрицало какую-либо причастность к вильнюсским событиям и вынуждено было несколько умерить свой пыл.

Попытка повторить литовский сценарий, но уже в масштабах всего Союза ССР, была продиктована прежде всего неумолимым развитием процесса демократических реформ, который не оставлял никакой надежды силам и структурам прошлого.

К лету 1991 года расстановка политических сил складывалась явно не в пользу тех, кто продолжал отстаивать «социалистический выбор». Президент СССР все отчетливее становился на путь форсирования преобразований. После избрания Ельцина Президентом России между ним и Горбачевым установилось политическое перемирие, так не устраивавшее правых, которые постоянно стремились столкнуть двух лидеров лбами. Получил какую-то динамику ново-огаревский процесс, позволивший выработать новую формулу Союза суверенных государств, но он казался чуть ли не предательством парламентским «государственникам» вместе с их лидером Лукьяновым. На заседании Верховного Совета СССР 21 июня Горбачев порвал с парламентской группой «Союз», обвинив ее лидеров в попытках дестабилизировать сотрудничество республик. Явно уменьшилось желание Горбачева идти на поводу у партийных консерваторов, которые на июльском Пленуме ЦК КПСС были поставлены перед выбором: либо принять социал-демократическую по сути программу, либо уйти из партии. От опоры на партийную и государственную бюрократию и военно-чекистский блок Горбачев переходил к сотрудничеству с лидерами республик, реформистским крылом в КПСС и «новыми демократами» из Движения демократических реформ под руководством Эдуарда Шеварднадзе, Александра Яковлева, Гавриила Попова.

Почва уходила из-под ног ортодоксов коммунистической

идеи. Иначе как актом безрассудного отчаяния нельзя назвать выступления на Верховном Совете СССР премьер-министра Павлова, министра обороны Язова и Председателя КГБ Крючкова, которые, стращая депутатов реальными и мнимыми экономическими трудностями, «происками» внутренних и внешних врагов, требовали чрезвычайных полномочий и фактически чрезвычайного положения. Подобный демарш, предпринятый без согласования с Президентом и вразрез с его политикой, в любой нормальной стране привел бы к немедленной отставке всех этих оппозиционеров. Но Горбачев в очередной раз проявил нерешительность, которая впоследствии очень дорого стоила. Уверен, если бы тогда Павлов, Крючков были отстранены от должности, не было бы государственного переворота, да и судьба самого Горбачева и всей страны сложилась бы иначе. Но… История не признает сослагательного наклонения.

После отъезда Горбачева на отдых в Крым реакционная оппозиция в верхних эшелонах власти пришла к выводу, что время для решительных действий наступило.

Я не хочу предвосхищать результатов расследования, которое проводит Прокуратура Российской Федерации по делу о государственном перевороте. Однако материалы ведомственной комиссии по расследованию роли и участия должностных лиц КГБ СССР в событиях 19–21 августа 1991 года наряду со сведениями, полученными комиссией Степашина, позволяют составить некоторое представление об участии КГБ в заговоре.

В первой половине августа на недавно построенном гостинично-рекреационном объекте ПГУ под названием «АБЦ» Крючков стал проводить регулярные встречи с другими будущими лидерами так называемого Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), где обсуждались детали заговора.

В тот же период были реанимированы упоминавшиеся декабрьские «разработки», которые после соответствующей корректировки легли в основу печально известных постановлений и заявлений ГКЧП.

В соответствии с планами заговорщиков, Комитет госбезопасности СССР должен был обеспечить решение следующих ключевых задач:

— отстранение от власти Президента СССР путем его изоляции;

— блокирование вероятных попыток Президента РСФСР оказать сопротивление деятельности ГКЧП;

— установление постоянного контроля над местонахождением руководителей органов власти Российской

Федерации и Москвы, известных своими демократическими взглядами видных общественных деятелей, депутатов союзного и российского парламентов, Моссовета с целью их последующего задержания;

— осуществление, при необходимости, совместно с частями Советской Армии и МВД захвата здания Верховного Совета РСФСР с последующим интернированием оставшихся там после штурма лиц, включая руководство России.

В период с 17 по 19 августа войска специального назначения КГБ СССР были приведены в повышенную боеготовность, часть из них передислоцировалась в заранее установленные места для совместного участия с подразделениями армии и Министерства внутренних дел в обеспечении режима чрезвычайного положения.

Руководство мероприятиями по изоляции объекта «Заря» в Форосе (кодовое название дачи. Президента СССР в Крыму) было возложено на первого заместителя Крючкова Гения Агеева. Он отдал приказы о переподчинении 79-го пограничного отряда и 5-й отдельной бригады сторожевых кораблей начальнику Службы охраны Плеханову и его заместителю Генералову. 15 августа начальник Управления правительственной связи Анатолий Беда направил в составе оперативной группы Службы охраны, вылетевшей в Крым, ряд сотрудников УПС, которых подчинил тому же Плеханову. Незадолго до провалившегося вояжа четырех путчистов — Болдина, Шенина, Варенникова и Бакланова — к Горбачеву, которого они безуспешно пытались склонить к введению чрезвычайного положения, 18 августа в 16.30 по приказу Плеханова были отключены все виды связи на даче Президента СССР в Форосе. Через полтора часа отключена связь с подразделениями погранвойск, охранявших внешний периметр дачи. Таким образом, изоляция Горбачева была произведена исключительно силами КГБ СССР.

По указанию Крючкова от 15 августа 12-й Отдел предпринял меры по установлению контроля за абонентами правительственной связи из числа руководителей Союза и России. Среди поставленных на контроль в период с 18 по 21 августа были высшие должностные лица РСФСР Борис Ельцин, Александр Руцкой, Иван Силаев, Геннадий Бурбулис, Юрий Лужков, такие видные политики, как Эдуард Шеварднадзе, Александр Яковлев и другие. Примечательно, что руководство КГБ не доверяло даже своим возможным союзникам по государственному перевороту, о чем свидетельствовала постановка на «прослушивание» вице-президента Геннадия Янаева, а также Председателя Верховного Совета СССР Анатолия Лукьянова, члена Политбюро ЦК КПСС Александра Дзасохова.

Обо всем услышанном докладывалось Крючкову или Агееву.

Седьмым управлением было установлено наружное наблюдение за некоторыми политиками. КГБ взял под свой контроль выпуск ряда изданий. Детально был проработан сценарий штурма «Белого дома».

К счастью, по этом вопросу позже возникли серьезные разногласия, которые помогли избежать кровопролития. Руководитель отдельного учебного центра КГБ Бесков, получивший соответствующий приказ, следовал, тем не менее, указанию начальника ПГУ Шебаршина не предпринимать никаких действий без его согласия, а впоследствии солидаризировался с позицией группы «Альфа», отказавшейся идти на штурм. Такое же непослушание проявил начальник 15-го Главка Владимир Горшков, которому было приказано сформировать «резервную группу» из двухсот человек. Позднее Г. Агеев рассказывал мне, что в ту ночь с 20 на 21 августа, когда намечался штурм здания Верховного Совета России, многие руководители выезжали на место, где убеждались в том, что эта авантюра приведет к большому числу жертв. Потом докладывали о ситуации Крючкову, в кабинете которого время от времени появлялся кто-нибудь из заговорщиков. Долго решали: штурмовать или нет. Только в три часа ночи Крючков согласился с Агеевым, что этого делать нельзя, и дал отбой.

Я не могу дать полной картины участия руководства КГБ СССР в государственном перевороте, потому что специально не изучал этого и потому что оценки дадут следствие и суд. Но совершенно ясно, что вся мощь этой организации готовилась для того, чтобы обрушиться на неокрепшие силы демократии, не останавливаясь перед нарушениями Конституции и Законов государства.

Организаторы путча просчитались в главном. Они не учли, что в течение последних лет народы страны познали вкус свободы, по капле выдавливая из себя раба. Они не учли, что верхушечный переворот уже не будет встречен гробовым молчанием, как в 1964 году. Путчисты пали жертвой собственной ограниченности, недальновидности, некомпетентности в оценке происходивших в стране перемен.

Их остановили простые люди, собравшиеся вокруг «Белого дома» и преградившие наступление новой диктатуры.

Их остановили военнослужащие, отказавшиеся выполнять приказы незаконной «новой власти».

Их остановили новые демократические лидеры, в критической ситуации продемонстрировавшие смелость, решительность и умение защитить и отстоять власть, данную им

народом в соответствии с Конституцией.

Несмотря на участие в заговоре многих высших руководителей КГБ СССР, их не поддержало большинство сотрудников самого Комитета. Как мне рассказывали, основная масса работников центрального аппарата КГБ в эти дни либо просто сидела в своих кабинетах, не получая никаких указаний, либо без всякой цели ходила по улицам столицы. В то же время немногие из них открыто выразили тогда протест против антиконституционных действий ГКЧП и своего собственного руководства. Впрочем, этих немногих оказалось достаточно, чтобы сорвать штурм «Белого дома», чтобы уберечь Президента СССР от возможных посягательств на его жизнь — ведь в Форосе с Горбачевым оставались его телохранители, тоже сотрудники КГБ. На стороне законно избранной власти оставался КГБ РСФСР, что, однако, не относится к ряду областных управлений Российской Федерации.

Путч провалился. Я же волею судьбы оказался в организации, десятилетиями внушавшей людям страх. Настрой на реформирование КГБ у меня был решительный. Но в те дни всеобщего ликования по поводу победы сил демократии я не мог предвидеть и малой доли тех трудностей, которые стоят на моем пути.

Не знал я тогда, что мне будет отведено чуть больше трех месяцев, чтобы попытаться сделать КГБ безопасным для общества.

3. Начало

Почти во всех делах самое трудное — начало.

Жан Жак Руссо

В 3 часа дня 23 августа 1991 года, в пятницу, я вошел в новое серое здание КГБ на Лубянской площади. В приемной меня уже ожидали члены Коллегии КГБ СССР — заместители Крючкова, руководители основных управлений. Прошли в кабинет, бывший кабинет Крючкова, сели за длинный стол. «Вы, наверное, знаете, — сказал я им, — что час назад состоялось решение Президента СССР и Госсовета о моем назначении Председателем КГБ. Кто-нибудь против?» Молчание. «Тогда будем считать, что я приступил к своим обязанностям». Я попросил собравшихся не поддаваться панике, продолжать работать и вместе с тем провести служебное расследование относительно участия конкретных лиц и подразделений в событиях начала той недели, не устраивая при этом тотальной чистки. Ответственность должны понести только первые руководители, которые принимали непосредственное участие в подготовке и проведении путча.

Как выяснилось, комиссия по служебному расследованию приказом Шебаршина уже была создана.

Завершая совещание, я сообщил, что в самое ближайшее время встречусь с каждым членом Коллегии отдельно. Это было последнее заседание Коллегии КГБ СССР.

23–24 августа здание Комитета находилось чуть ли не на осадном положении. На Лубянской площади шел постоянный митинг вокруг памятника Дзержинскому, у входов в здания.

Из интервью корреспонденту ТАСС:

Вопрос: Много десятилетий перед зданием КГБ находился монумент Феликсу Дзержинскому, а после попытки государственного переворота его убрали. Но будет ли здесь установлен какой-нибудь новый символ?

Ответ: Честно говоря, жалею, что убрали памятник, и не потому, что с огромным уважением отношусь к Дзержинскому. Отнюдь нет. Уверен, что так же, как нельзя переписывать учебники истории, нельзя переписывать ее на площадях. Это не свидетельствует о высокой культуре. Памятник мог бы стоять здесь, напоминая о том, что переживал наш народ.

Звонит комендант: «Рвутся в здание! Готовятся к захвату!» Я

особенно на это не реагировал: «Занимайтесь этим сами». Но на всякий случай связался со знакомыми ветеранами-афганцами, попросил помощь. Приезжали на площадь и Президент, и вице-президент России. Успокоили митингующих. Илья Заславский, один из лидеров движения «Демократическая Россия», сам предложил свои услуги, чтобы не допустить погромной вакханалии, просил звонить, если станет совсем плохо.

Через средства массовой информации 23–24 августа я обратился к москвичам с объяснением ситуации. «…Реакция не прошла. Виновные в организации государственного переворота понесут заслуженное наказание. Однако в последние дни народный гнев зачастую переносится с кучки безответственных авантюристов на весь личный состав КГБ. Это проявляется в пикетировании зданий, попытках их захвата, призывах к физической расправе.

Некоторые рвутся к оперативным архивам, преследуя далеко не благовидные цели.

Прошу москвичей проявить выдержку, не поддаваться стихии эмоций, подстрекательским и провокационным призывам…

…Есть все возможности, чтобы органы КГБ никогда больше не стали орудием преступной политики.

Прошу вашей поддержки…»

После того как памятник убрали, все на время успокоились.

При этой напряжений обстановке и обилии дел в КГБ значительную часть времени в конце той памятной недели пришлось провести в Кремле, у Горбачева.

Президент все еще оставался Генеральным секретарем ЦК КПСС, руководство которого в дни путча его фактически предало. Была явно двусмысленная, противоречивая ситуация, затягивать которую было невозможно.

А подобный вандализм уже был в нашей истории — в семнадцатом году. Сносились памятники царям, императорам и т. д. Увы, похоже, мы ничему не научились за эти годы. А что касается новых символов, то вряд ли стоит их устанавливать здесь. Раз уже убрали, то следует, наверное, просто разбить на этом месте клумбу и посадить цветы.

Вечером в воскресенье прозвучали известные обращения Горбачева к партии, которые потом во всем мире назвали историческими. Та пуповина, которая связывала государственную власть с ЦК КПСС, была перерезана.

Могу свидетельствовать, что Президент — он же генсек — долго не хотел этого. Даже вернувшись из Фороса, преданный своими ближайшими оппонентами-однопартийцами, он не мыслил для себя разрыва с партией. Он вынужден был сделать

это вопреки своему желанию. Партийная элита была против реформатора генсека, а надежда на поддержку «партийных масс» иллюзорна. Как политик, Горбачев не мог не понимать, что государственная власть (президент), не опирающаяся на партию или партии, обречена. Но такой опоры в КПСС у него не было уже давно. Он тянул сколько мог. Но наконец фактический разрыв был оформлен юридически.

Проблема формальной департизации КГБ была решена неожиданно очень легко. После государственного переворота последовал Указ Ельцина, приостанавливавший деятельность российской компартии.

Я считал и считаю сейчас, что департизация ни в коем случае не должна означать запрет на профессию в зависимости от членства или нечленства в той или иной партии. Запрет на профессию по политическим мотивам — это прямое нарушение прав человека. Но я полностью солидаризировался с той точкой зрения, что партийные структуры не должны существовать в государственных организациях или на предприятиях. (Кстати, в аппарате Президента СССР, Совете безопасности парткома не было.) За воротами же шахты, министерства или Комитета госбезопасности человек вправе осуществлять свое конституционное право на участие в политических организациях.

Именно с таких позиций я подходил к вопросу о департизации КГБ. Приказ по этому вопросу за день до моего прихода уже был подписан Шебаршиным. Парткомы в Комитете свою деятельность прекратили без каких-либо протестов или голодных забастовок. КПСС была слишком дискредитирована, чтобы в ее защиту выступили даже сотрудники КГБ, почти поголовно состоявшие в партии. Впрочем, не обошлось и без маленьких эксцессов. Помню, пришел ко мне на прием сотрудник Комитета, явно взволнованный. «Имейте в виду, — говорит, с трудом сдерживая эмоции, — был и умру коммунистом! Можете выгонять, но от своих убеждений не откажусь!» «Да с чего Вы взяли, что я собираюсь выгонять коммунистов, — отвечаю. — Этак всех надо будет уволить. Важны Ваши профессиональные качества, верность конституционной власти, а то, во что Вы верите, меня не интересует».

Полагаю, что коммунистам КГБ, многие поколения которых безуспешно пытались силой насадить только одну марксистско-ленинскую идеологию, лучше, чем кому-либо, известно, что нельзя насильно заставить людей во что-то поверить или в чем-то разувериться. Нельзя кому-то запретить верить в «светлое будущее всего человечества», тем более что сама идея (не ее воплощение в нашей стране) не так уж и плоха, хотя и утопична.

Хочешь верить — верь, но только в нерабочее время.

Департизация стала первым звеном в реформировании КГБ, который должен был стать организацией, служащей не какой-то одной идеологии или партии, а государству, народу, закону.

Конечно, это сейчас, оглядываясь назад, легко анализировать свою работу. Но тогда, в первые дни с их невероятным темпом, десятками встреч, звонков, информационным валом, работу в системное русло ввести не удавалось. Это был калейдоскоп, бешеный ритм, мгновенное реагирование, и если я наделал не слишком много ошибок, значит, повезло.

25 августа. Воскресенье. 8 утра. Встреча с Председателем Верховного Совета Латвии Анатолием Горбуновым по его просьбе. Решением Парламента КГБ Латвии ликвидирован, здания опечатаны, создана комиссия. Договариваемся не спешить. Совместно спокойно разобраться и с архивами, и с собственностью, а главное, не допускать произвола и несправедливости в отношении бывших сотрудников…

Звонок от Гавриила Попова. Есть сведения о возможных терактах. Такое указание об усилении охраны как лидеров демократического движения, так и бывшего руководства КПСС уже дано…

Генерал докладывает о разложении в Министерстве обороны. Генштаб деморализован. Дисциплина упала, пьянство. Особенно тяжелое настроение среди политработников. Люди замкнулись. Боятся расправы.

Готовится указание усилить внимание прежде всего частям стратегического назначения, а также по всему комплексу — от производства до хранения атомного оружия…

Звонок. Депутат слышал от кого-то, что в КГБ идет массовое уничтожение архивов. Объясняю, что указания, запрещающие на время любое движение архивов, уже даны. А все, что касается путча, в архивах нет и, по-видимому, никогда не попадет.

О кадрах лучше и не говорить. Обличение за обличением. Кто строит дачу, используя солдат. Кто участвовал в путче. Кто совершил самый большой «грех» — снял у себя в кабинете портрет Горбачева. Кто творит расправу над демократически настроенными сотрудниками. Много информации и о других ведомствах. Как вело себя руководство Верховного Совета СССР, тот или иной министр. Отмахиваться от любой информации не в моих правилах, принимать все сразу на веру от порой незнакомых людей — тоже. Кому поручить проверить? КГБ? Поскольку официальных заявлений о предполагаемых преступлениях, как правило, не было, большинство этой информации осталось без последствий.

Обеспокоенный пришел Григорий Явлинский. В это смутное время могут быть уничтожены или сфальсифицированы документы, связанные с бюджетом, валютными и финансовыми операциями, внешним долгом, золотым запасом. Немедленное персональное поручение начальнику 6-го Управления Савенкову получить необходимую информацию, составить оперативный план контроля…

В первые дни часто звонил Ельцин: «Считаю, что следовало бы передать дивизию в Теплом стане Министерству обороны»… — «Это уже делается»…

Снова звонок. Вносит предложение по первому заму, которое безоговорочно принимается… (но потом эта кандидатура не прошла). Затем разговор о необходимости сделать Московское управление КГБ двойного подчинения и тому подобное.

Длинной и тяжелой была беседа с Витаутасом Ландсбергисом, который требовал немедленно передать все архивы на агентуру. Я возражал. Оба остались при своем мнении.

Егор Яковлев по-дружески требует отозвать всех офицеров действующего резерва из Гостелерадио. Я согласен. Но когда это произойдет, не следует впадать в иллюзию, что позиций у КГБ там уже нет.

26 августа. 8 утра. День начинается с беседы с сотрудником Комитета Владимиром Гамзой. Он предлагает свою, на мой взгляд, толковую концепцию реформирования служб безопасности. Это уже пятый имеющийся у меня вариант. Завожу специальную папку для предложений о реформах… Их было немало, в том числе и взаимоисключающих…

Но больше было информации оперативного характера. Завтра покушение на… (называется известный политик). Готовится новый путч! По Симферопольскому шоссе в сторону Москвы движется, не реагируя на сигналы ГАИ, колонна бронемашин… и тому подобное… Я благодарен этим дням, они укрепили мои нервы.

Было много и очень серьезной информации.

В понедельник 26 августа мне позвонил вице-мэр Москвы Юрий Лужков и сказал, что на него вышел человек, располагающий какими-то сведениями о КПСС, которые должны меня заинтересовать. Я поручил заняться этим вопросом своему помощнику Вячеславу Никонову, который пришел вслед за мной в КГБ из аппарата Президента СССР. На следующий день на моем столе лежала записка, содержание которой я вкратце приведу.

По сведениям, полученным от источника, имевшего прямое касательство к описываемым событиям, в Центральном Комитете в течение последних 25 лет существовал фонд левых и рабочих

партий, куда КПСС ежегодно вносила взнос в размере до 22 миллионов долларов. Последний взнос был сделан в 1989 году. В 1990 году около 11 миллионов долларов было выделено ряду партий. Деньги в виде наличных знаков валюты различных стран находились во Внешэкономбанке на депозите № 1… Непосредственным распорядителем фонда в последнее время выступал Фалин В. М. (секретарь ЦК КПСС и заведующий его Международным отделом). Фалин имел право заказывать требуемые суммы, которые хранитель депозита лично доставлял в ЦК КПСС. Там они передавались сотруднику КГБ, через него поступали резиденту в соответствующей стране и от него — доверенному лицо субсидируемой партии. Последний давал расписку, которая по каналам ПГУ возвращалась в ЦК КПСС. На депозите находилось около 11,5 миллиона долларов. 23 августа Фалин забрал и запер у себя в сейфе всю документацию по фонду, а также 600 тысяч долларов, полученных как возврат кредита ПОРП.

Кроме того, существовали иные формы участия ЦК КПСС и КГБ СССР в финансировании зарубежных политических партий. Например, «дружественная» западная фирма «Х» покупала какой-то товар у всесоюзного внешнеторгового объединения «У». Вырученная сумма у «У» изымалась и по каналам КГБ возвращалась фирме «Х», которая осуществляла субсидирование соответствующей партии. Убытки «У» обеспечивались рублевым покрытием из бюджета КГБ.

По полученным сведениям, в начале 1991 года была подготовлена записка на имя одного из членов Политбюро с предложением разместить валюту из фонда левых и рабочих партий на подставных банковских счетах КГБ СССР за границей.

Информация меня поначалу ошеломила. Сам я был несколько лет членом ЦК КПСС, но ни о чем подобном не слышал, хотя и мог догадываться. Я поручил немедленно организовать тщательную проверку по изложенным фактам. Доложил Горбачеву. И счел необходимым довести эту информацию до министра внутренних дел России Виктора Баранникова. Я не был уверен, что сотрудники КГБ проведут работу добросовестно, тогда как Баранникову я доверял полностью. Вскоре последовали первые результаты: следователи МВД достаточно оперативно изъяли в казну 600 тысяч долларов из сейфов Международного отдела ЦК КПСС. В дальнейшем обнаружились и одиннадцать миллионов.

Дело о помощи КПСС получило широкую огласку в октябре, после публикации в газете «Россия» статьи Александра Евлахова, в прошлом тоже работника ЦК КПСС. Но тогда этим вопросом

занималась уже Прокуратура РСФСР.

Возвращаясь от суеты «чекистских» будней к анализу замысла и реализации реформы КГБ, следует, наверное, начать с кадровых проблем. В прежние времена наши руководители любили повторять, что кадры решают все. Так это или не так, но это был тот случай, когда начинать надо было именно с кадров.

Я исходил из того, что вина за участие КГБ в путче лежит на руководителях, а не на рядовых работниках, и именно в этом духе было выдержано мое первое обращение к сотрудникам центрального аппарата КГБ СССР, которые в то время ничего не делали и были в полной растерянности от неопределенной ситуации:

«Уверен, что подавляющее большинство из вас, кому дороги интересы человека и кто не допускает даже мысли о замене законности насилием, тяжело переживают заговор против конституционного строя. Как это ни прискорбно, самое непосредственное участие в нем приняло руководство КГБ СССР. Народ не дал возможности реакции вернуть страну и общество в тот экономический, политический, идеологический и нравственный тупик, из которого мы только-только начали выходить. Но, как и следовало ожидать, авантюра до предела обострила и без того критическое состояние общества. Много принесено вреда. До самой низкой отметки упал в глазах людей престиж КГБ. Ясно, что прежнего КГБ уже не будет. Это объективная реальность, как бы кто к ней ни относился.

В то же время именно сейчас поддаться панике, унынию, желанию свести счеты — худшее из того, что могло бы быть. Никто не имеет права огульно винить всех сотрудников в случившемся, разворачивать «охоту на ведьм». Ответственность на руководстве Комитета. И совершенно недопустимо делить ее с личным составом и, как это было принято, искать «стрелочника».

Время потеряно, но победа демократии открывает новые перспективы. Первая и главная задача — остановить распад Союза, ускоренный преступниками, сорвавшими подписание Союзного договора, с которого мог бы начаться период стабилизации.

В это смутное время, как никогда, требует внимания и защиты безопасность страны. И мы не имеем никакого права погрязнуть в самокопании, самобичевании и самоотстраниться от выполнения своего долга.

Свою задачу вижу в том, чтобы кардинально реформировать Комитет, превратив его в сплоченную, высокопрофессиональную, открытую и понятную людям организацию. КГБ должен защищать конституционный строй, способствовать развитию демократии.

Стоять не над суверенными республиками, а вместе с ними обеспечивать их совокупный интерес в защите государственной безопасности.

Прошу набраться сил, мужества, способности к самообновлению, чтобы достойно выйти из тех испытаний, которые выпали на долю народов Союза.

Прошу очнуться и думать не об оправданиях или обвинениях, а над тем, как сделать гораздо более эффективной всю систему безопасности страны.

Прошу понять, что теперь нам предстоит защищать не «ценности» той или иной идеологии, а конституционные права граждан, истинные ценности демократии, и на этой основе — безопасность общества, государства и народов. Прошлое не повторится.

Председатель КГБ В. Бакатин.
27.09.91 г.»

Наивное обращение. И тщетные надежды. Хотя вовсе не питал иллюзий, что обрету большое количество сторонников в КГБ. Вполне естественно, что, когда в такую устоявшуюся, консервативную организацию пришел человек с отличными от старого руководства убеждениями, это вызвало внутри Комитета не только определенного рода тревогу, но и реакцию отторжения. С некоторыми людьми из ближайшего окружения Крючкова я сам не хотел работать, другие, по всей видимости, не могли работать со мной.

Как и обещал, я встретился с каждым из членов Коллегии, которые приходили ко мне на беседу с рапортом, где они сами излагали свои действия в дни государственного переворота и в конце выносили себе вердикт. В большинстве случаев это были прошения об отставке, которые удовлетворялись. Некоторых руководителей я отправил в отставку сам, видя, что люди не справляются с работой.

Таким образом, в первые недели моего пребывания or занимаемых должностей были освобождены заместители Председателя КГБ Грушко, Агеев, Петровас, Прилуков, Лебедев, руководители управлений Плеханов, Генералов, Жардецкий, Расщепов, Жижин, Калгин, Беда. Глущенко, начальник группы «Альфа» Карпухин. В отношении Грушко, Агеева, Плеханова Прокуратура РСФСР возбудила уголовные дела.

У меня никогда не было желания расширять этот список или затягивать «исследования» комиссий. У меня не было и времени на спокойное изучение кадров «в работе». Менять надо было быстро, ибо тогда я еще считал, что КГБ работает и эту работу нельзя прекращать даже на день. Поэтому я все время «взывал» к

окружавшему меня генералитету: пусть профессионалы занимаются своим делом. На улицу никого не выкинут. Менять буду только руководителей. Другое дело пенсионеры. Кому пора уходить, надо уходить.

Возглавить ключевое управление, ведавшее кадрами, я пригласил Николая Столярова, полковника авиации, представлявшего реформистское крыло в Компартии России и проведшего дни путча в осажденном «Белом доме». Это спокойный, уравновешенный человек, никогда не теряющий лица и мужества. Тем не менее отсутствие опыта административной и кадровой работы помешали ему решительно отбросить старые порядки и, опираясь на прогрессивных людей Комитета, разработать план обновления кадров КГБ. В чем-то ему, видимо, мешал и мой, зачастую субъективный подход.

Первым заместителем стал Анатолий Олейников, кадровый сотрудник КГБ, который ранее работал в Московском и Пермском управлениях госбезопасности, был заместителем начальника Управления по борьбе с организованной преступностью. Исключительно трудоспособный, без амбиций, опытный, доброжелательный человек, он вскоре стал той рабочей лошадкой, которая тащила всю рутинную работу. Об этом выборе я никогда не жалел.

Другим заместителем стал Николай Шам, ранее работавший первым заместителем начальника 6-го Управления. Человек внешне медлительный, спокойный, немногословный, он привлек меня своей эрудицией, склонностью к аналитике, широким кругозором, выходившим за пределы его профессиональных обязанностей.

Последним по счету замом стал Федор Мясников, до этого работавший на должности заместителя начальника Инспекторского управления. Грамотный, интеллигентный человек. Ему была поручена вся контрразведывательная оперативная работа.

На первых порах заместителем Председателя КГБ продолжал оставаться Леонид Шебаршин, по-прежнему возглавлявший ПГУ. Он был кадровым разведчиком с большим опытом работы в странах Востока, в том числе — в Афганистане в период войны. Выдвиженец Крючкова, он тем не менее импонировал мне своей эрудицией, спокойствием, фундаментальным знанием своего дела. В путче он замешан не был, хотя как член Коллегии не мог не чувствовать ответственности за случившееся. Об этом он сам написал в конце августа в рапорте, где просил об отставке. Я попросил его продолжать работать. Но, по-видимому, это не входило в его планы. Отставка состоялась тремя неделями позже

и вызвала тогда массу недоумения и сожаления в прессе, приближенной к «разведчикам». Объяснялось все просто. Это была реакция на первый демарш старых кадров шефу-непрофессионалу.

Из моего интервью газете «Комсомольская правда»:

«Почему ушел Шебаршин? Шебаршин ушел потому, что, будучи умным человеком, захотел уйти. Но заодно решил проверить, сможет ли мне диктовать. Хотя, наверное, заранее догадывался, что не сможет. И зная, чем это кончится, хотел разыграть маленькую сцену: кто начальник разведки и почему без его ведома ему назначают заместителей. Я не обязательно должен спрашивать, кого и куда назначать. Разведке свойственна корпоративность. Чужих она не любит. Это мне понятно. Но я специально назначил туда человека со стороны. Честного человека. Шебаршин должен это понять, если хотел остаться, а он попробовал сделать маленький демарш… Плохо или хорошо, но я никогда не останавливался перед теми, кто устраивает демарши. Не могу работать? Не можешь — не работай. И без обид».

Столь быстрый уход Л. Шебаршина не входил в мои планы, но и не был трагедией. В разведке, привыкшей к самостоятельности, было достаточно опытных заместителей.

Однако ситуация, сложившаяся в этот момент вокруг КГБ, о которой я скажу позже, требовала принятия немедленных шагов по выделению разведки в самостоятельное, независимое от КГБ ведомство. Шебаршин был сторонником как этой меры, так и поэтапного сокращения разведки примерно на одну треть. Поэтому его уход несколько, но только несколько, осложнял ситуацию.

Необходимо было быстро найти крупного известного политического деятеля, способного в новых условиях возглавить самостоятельное и очень важное для Союза специфическое ведомство.

Таким человеком стал Евгений Примаков. Все, от кого это зависело и с кем советовались, считали, что это наиболее подходящая кандидатура. Сам Евгений, которому претила неопределенность неоформившихся президентских структур, с желанием шел на эту работу.

Все упиралось в позицию Ельцина.

В эти дни он был далеко за пределами Москвы. Мне удалось уговорить его по телефону, и он дал согласие. Я пишу об этом не потому, что «удалось уговорить». Это не так. Ельцина не уговоришь. Дело в другом. Президент России поверил мне. Он так и сказал. Позже он сказал Е. Примакову, что для него это было

непростое решение. А еще позже после личной откровенной встречи с кадрами разведки он убедился, что это был правильный выбор. Нападки на Примакова в средствах массовой информации будут продолжаться. Это неизбежно. И если он будет спокойно к этому относиться, я убежден, что его прекрасная осведомленность в области международной политики, опыт, оперативность, организаторский талант, открытый к новому аналитический ум будут способствовать выходу разведки на качественно новый уровень, отвечающий подлинным интересам России, СНГ и реалиям новых межгосударственных отношений.

С первых часов работы я был неприятно удивлен довольно слабой исполнительской дисциплиной и некачественной постановкой самого элементарного делопроизводства в КГБ. Любой, кто хоть немного сталкивался с управленческой работой, прекрасно понимает, как много зависит от таких, казалось бы, мелочей, как быстрая и качественная подготовка документов, контроль за исполнением решений и так далее. Пришлось заменить начальника Секретариата, теперь его возглавил начальник Управления «ОП» Дмитрий Лукин, который без особой охоты пошел на это. Было видно, что душа у него лежит не к бумажной, а практической работе. Через несколько месяцев Лукин вернулся в «ОП», уступив место бывшему председателю КГБ Украины Николаю Голушко.

Начальником Аналитического управления назначил Владимира Рубанова. В свое время тот вынужден был уйти из системы госбезопасности из-за постоянных конфликтов с Крючковым.

Анатолий Краюшкин возглавил Десятый (архивный) отдел. Сразу выяснилось, что в архивах КГБ больше интересующей меня информации, чем докладывали вначале.

Одна из идей, с которыми я шел в Комитет, заключалась в том, что, по моему убеждению, спецслужбам совершенно необязательно строиться по военному принципу — с присвоением званий и так далее. Такая милитаризованность неизбежно приводит к жесткой иерархичности, погоне за «звездами», поиску высоких «потолков», к насаждению своего рода «духа казармы». Не случайно, что во многих странах мира спецслужбы не строятся по армейскому принципу. Конечно, невозможно вот так, сразу изменить старую практику. Звания много значат для кадрового сотрудника КГБ — прежде всего в моральном плане. Да и система денежного содержания крепко с этим связана. Менять это надо. Но это — дело далекого будущего.

Сам я отказался от предложенного М. С. Горбачевым звания генерал-полковника (в бытность министром внутренних дел мне

присвоили звание генерал-лейтенанта). Я пригласил на работу в свой аппарат несколько гражданских лиц, никогда ранее не имевших никакого отношения к КГБ, но обладавших широким кругозором, демократическими убеждениями, специальными знаниями в различных областях. Моими помощниками и консультантами стали доктор исторических наук, политолог Вячеслав Никонов; кандидат экономических наук Владимир Гуров, работавший в Московском университете и рекомендованный мне Григорием Явлинским; доктор юридических наук Юрий Скуратов, ранее возглавлявший юридический факультет на Урале. Руководителем приемной стал рядовой запаса Александр Дворядкин. Все они сохраняли статус гражданских лиц. Нельзя сказать, что мой эксперимент в полной мере удался; эти люди чувствовали себя во многом инородным телом в организации, где многое продолжает определяться званием.

Забегая вперед, скажу, что одна из моих главных ошибок заключалась в том, что я пришел в КГБ без своей команды, без большой группы преданных делу единомышленников. Я переоценил свои силы. Без своей команды перевернуть эту махину, называемую КГБ, оказалось почти невозможно.

Несколько кадровых перестановок было связано с результатами расследования действий должностных лиц КГБ в период антиконституционного переворота. Приказом от 1 сентября я отстранил от руководства работой ведомственной комиссии Титова и назначил ее председателем Олейникова, а заместителем — начальника Инспекторского управления Игоря Межакова, исключительно активного, с обостренным чувством справедливости человека. Всем подраздёлениям было предписано оказать всеобъемлющее содействие в проведении расследования, предоставлении необходимых материалов.

Комиссия Олейникова работала в тесном контакте с Государственной комиссией по расследованию деятельности органов КГБ, куда помимо Сергея Степашина входили многие известные народные депутаты СССР и РСФСР — Сергей Станкевич, Юрий Рыжов, Константин Лубенченко. Государственная комиссия имела поручение Президента СССР в срок до 26 октября 1991 года представить заключение о роли органов госбезопасности в перевороте. Мое положение было сложнее. Необходимо было прекращать и без того затянувшуюся кадровую неопределенность.

Ведомственная комиссия закончила свою работу 25 сентября, и я подписал приказ по результатам служебного расследования, согласно которому от занимаемых должностей были

освобождены: заместитель начальника 3-го Главка Николай Рыжак, начальник военно-политического управления ГУПВ Николай Бритвин, его первый заместитель Борис Голышев, начальник Управления «З» Валерий Воротников и его заместители Добровольский и Перфильев, заместители начальника Московского УКГБ Корсак и Карабанов, первый заместитель начальника 12-го Отдела Геннадий Гуськов.

Должен сознаться, что, принимая решения по результатам расследования, я проявил известный либерализм. Комиссия предлагала уволить большее количество людей, чем я реально уволил. Тринадцать человек, в их числе Калиниченко, Егоров, начальник Юридического отдела Алексеев, ограничились указаниями на «проявленную политическую незрелость и недальновидность в действиях по выполнению распоряжений вышестоящих начальников, способствовавших деятельности путчистов». Руководствовался я при этом вовсе не стремлением «выгородить заговорщиков», а желанием избежать формального подхода, индивидуально внимательно разобраться с каждым человеком, кто, как мне казалось, в большей степени был жертвой, обстоятельств, а не собственных реакционных убеждений.

В приказе от 25 сентября содержалось указание моим заместителям, начальникам главных управлений, самостоятельных управлений и отделов КГБ проработать заключение комиссии с руководящим и оперативным составом, принять меры, исключающие впредь подобное. Председателям КГБ республик, начальникам УКГБ по краям и областям, где было начато служебное расследование действий должностных лиц органов госбезопасности в дни путча, предписывалось в кратчайшие сроки завершить расследование, подвести его итоги, не допуская при этом расправы и сведения счетов, имея в виду, что основную ответственность должны нести не исполнители, а руководящий состав.

По мотивам расследования на местах были отстранены от должности руководители УКГБ по Амурской, Брянской, Вологодской, Иркутской, Минской, Новосибирской, Псковской, Самарской, Саратовской областям, Приморскому краю, занимавшие в период переворота, мягко говоря, двойственную позицию.

Заключение комиссии Олейникова было передано в Государственную комиссию и Генеральному прокурору РСФСР Валентину Степанкову.

Кадровые перетряски в высшем эшелоне на этом в основном закончились. Работу следовало продолжать, но на первый план

вышли вопросы уже иного уровня — организация и проведение всего комплекса реформ системы органов безопасности страны.

Не могу сказать, что уже с первого дня, как я обосновался в кабинете на Лубянке, у меня существовала стройная, законченная концепция реформы Комитета госбезопасности. Хотя понимание общей направленности перемен, конечно, было. Детали отшлифовывались постепенно. В многочасовых встречах с названными и неназванными сотрудниками Комитета всех уровней. В ходе совещаний с руководителями КГБ республик. В беседах с представителями комиссии Степашина. В разговорах с видными государственными и общественными деятелями, представителями спецслужб зарубежных стран.

По сути, в принципиальном плане выбор предстояло сделать из трех мыслимых вариантов.

Первый вариант — пойти по радикальному — восточно-германскому или чехо-словацкому пути. То есть упразднить КГБ, всех уволить и потом набирать новые кадры во что-то новое. Должен сказать, что у этого варианта почти не было сторонников даже среди наиболее радикально настроенных политиков и теоретиков. Я тоже не считал этот путь возможным или рациональным.

Конечно, лишь одним субъективным решением можно в момент развалить всю систему госбезопасности. Но цена этого шага была бы куда больше, чем любая, даже самая серьезная ошибка, скажем, в экономической политике. Экономика функционирует по объективным законам, и, даже наделав глупостей, можно надеяться на ее самовосстановление — на основе рыночных закономерностей, свободного предпринимательства и так далее. В сфере безопасности ошибка может обойтись дороже. Сами по себе структуры, ее обеспечивающие, на создание, выработку механизмов деятельности, подготовку кадров которых ушли даже не десятилетия, уже не восстановятся. Для их воссоздания на голом месте потребуются новые политические решения, уйма времени и средств. Да, КГБ СССР был плох, но лучшего не было, а проблемы обеспечения безопасности (понимаемой, конечно, в общепризнанном смысле) никуда не исчезали. Следуя первому варианту, мы создали бы просто вакуум безопасности суверенных республик, на что я пойти не мог. Да и мандата у меня такого не было.

Второй вариант, который тоже в принципе был не исключен, особенно если бы КГБ возглавил человек, вышедший из недр этого ведомства, сводился просто к наказанию прямых участников путча и небольшому косметическому ремонту. Следуя

этому варианту, КГБ сохранил бы все свои функции, и общество никогда не было бы застраховано от того, что эта мощная организация вновь не будет использована будущими нечистоплотными политиками для удушения гражданских свобод и выступления против власти.

Я пошел по третьему пути — сделать так, чтобы КГБ не представлял угрозы для общества, не допуская при этом развала системы государственной безопасности. Мой вариант был вариантом реформ, а не разрушения. При этом я руководствовался идеей, которую в общефилософском плане блестяще сформулировал французский мыслитель Блез Паскаль: «Справедливость, не поддержанная силой, немощна; сила, не поддержанная справедливостью, тиранична. Бессильной справедливости всегда будут противоборствовать, потому что дурные люди не переводятся, несправедливой силой всегда будут возмущаться. Значит, надо объединить силу со справедливостью, и либо справедливость сделать сильной, либо силу — справедливой».

Конечно, любая реформа служб безопасности в идеале должна была базироваться на новой концепции безопасности Союза и суверенных республик. То есть теоретически структура и функции спецслужб должны органично вытекать из тех потребностей в обеспечении безопасности, которые сформулированы на уровне высшего политического руководства. Одна из наших бед, к сожалению, далеко не единственная, заключалась в том, что такой концепции у лидеров СССР и республик в тот период просто не было. Различные проекты, которые готовились в прежние месяцы группами экспертов в недрах Совета безопасности или Верховного Совета СССР, отвергались другими группами экспертов. А главное — отвергались временем, опровергались стремительными изменениями в политической обстановке, прежде всего — во взаимоотношениях Центра и республик. Может быть, и не трудно написать инструкцию по безопасности парового котла, но кому она нужна, когда сам этот котел уже взлетел в воздух.

Таким образом, реформа КГБ не диктовалась каким-то четким «государственным заказом» с союзного или российского политического Олимпа.

С первых дней пребывания в КГБ я дал поручение аналитическим подразделениям разработать проект собственной концепции, отражающей видение параметров безопасности в совершенно новой внутри- и внешнеполитической обстановке. Но работа эта затянулась. Действовать приходилось, исходя из собственного понимания и прежде всего опираясь на советы

профессионалов.

На протяжении десятилетий руководство СССР исходило из того, что для решения проблем безопасности необходимо прежде всего гарантировать страну от угрозы извне, обеспечить единомыслие в обществе, и проявляло готовность заплатить любую цену для решения этих задач. Понятие «государственная безопасность», официально появившееся в 1934 году, отражало господствующую точку зрения о приоритете государства над интересами общества и правами отдельной личности. В результате главную угрозу обществу создавал выход государства за рамки своих функций, когда оно вмешивалось в личную жизнь человека. Но что это составляет угрозу, не могло даже в голову прийти органам ГБ, озабоченным все большим и большим расширением контроля над людьми и поиском доказательств все более коварных «происков империализма».

Однако коренные преобразования в стране и мире ставили задачу переосмысления самого подхода к проблемам безопасности. Демократизация требовала создания качественно новых отношений в триаде государство — общество— личность, где именно человек должен занять центральное место. Главные цели концепции безопасности я видел в том, чтобы гарантировать неотъемлемые права и свободы граждан, в том числе от посягательств со стороны самого государства, обеспечить максимально возможную неуязвимость общества к внутренним конфликтам и кризисам, защитить суверенитет Союза и образующих его республик, создать возможности для отслеживания ситуации в зонах их интересов на мировой арене.

Эти самые общие установки обусловливали логику реформы Комитета госбезопасности. КГБ, а точнее то, что от него предполагалось оставить, должно было стать инструментом поддержания стабильности в демократическом обществе и мире.

Отсюда вытекали основные принципы реформы:

1. Дезинтеграция. Раздробление КГБ на ряд самостоятельных ведомств и лишение его монополии на все виды деятельности, связанные с обеспечением безопасности. Разорвать Комитет на части, которые, находясь в прямом подчинении главе государства, уравновешивали бы друг друга, конкурировали друг с другом — это уже значило усилить общественную безопасность, ликвидировать КГБ как КГБ.

2. Децентрализация или вертикальная дезинтеграция. Предоставление полной самостоятельности республиканским органам безопасности в сочетании с главным образом координирующей и в относительно небольшой степени оперативной работой межреспубликанских структур. Это

определялось не столько моей волей, сколько начавшимися процессами «размежевания» республик Союза.

3. Обеспечение законности и безусловное соблюдение прав и свобод человека в деятельности спецслужб. Комментарии здесь, наверное, не нужны.

4. Деидеологизация, преодоление традиций «чекизма». Избавление от сомнительной славы ведомства как карающего меча партии, организации всеобщего политического сыска и тотальной слежки.

5. Эффективность. Поворот от шпиономании и борьбы с инакомыслием к реальным потребностям общества в условиях кардинально изменившейся политической среды — к безопасности на основе сотрудничества и доверия. Главное внимание — внешнему криминальному влиянию на наши внутренние дела, борьбе с организованной преступностью, представляющей угрозу безопасности страны.

6. Открытость, насколько это возможно, в деятельности спецслужб. Действия спецслужб должны быть понятны обществу, поддерживаться обществом, а для этого — служить обществу.

7. Ненанесение своими действиями ущерба безопасности страны.

После формулирования принципов дело оставалось за «малым» — реализовать их на практике.

4. Дезинтеграция

Не в совокупности ищи единства,
но более в единообразии разделения…

Козьма Прутков

Как я уже отмечал, угроза для общества была не только в идеологии беззакония, не только в сознательно поддерживаемой сверхсекретности и бесконтрольности, но и в самой структуре КГБ. Это была всепроникающая, автономная, независимая, подчиненная одному лицу система организаций, способных вместе решать любые политические и ограниченные военные задачи. Комитет одновременно занимался разведкой, контрразведкой, охраной и обеспечением информацией и хозобслуживанием высших органов государственной власти, пресечением и расследованием государственных преступлений, борьбой с организованной преступностью, организацией специальных видов связи, шифровальной работы, обеспечением сохранности госсекретов, охраной границы, поддержанием готовности пунктов управления страной и Вооруженными Силами и имел к тому же собственные войска. Если к этому добавить мощную развитую инфраструктуру от медицины до строительства и почти монопольное право на производство и использование спецтехники, сеть особых отделов в армии, то мало кто будет сомневаться в реальной мощи КГБ. Нужна была срочная дезинтеграция. Выгодная со всех сторон. При самостоятельности и независимости каждой службы возрастает ее ответственность, проявляется действительная координация. А главное, резко уменьшается опасность сговора, антиконституционных действий.

Уже в первую неделю моего председательства Комитет стал лишаться своих подразделений. Не могу сказать, что на первых порах процесс этот был уж слишком болезненным. Как мне показалось, многие структуры с нескрываемым удовольствием уходили из-под эгиды КГБ. Да это было и понятно. Мало кому грела душу мысль о принадлежности к столь несимпатичной организации. Кроме того, уход из КГБ чаще всего приводил к повышению статуса откалывавшейся структуры в государственной иерархии, что не могло не вдохновлять сотрудников этой структуры.

Прежде всего КГБ лишился нескольких десятков тысяч войск специального назначения. Это были дивизии, которые Крючков взял под командование в марте 1991 года, вероятно, надеясь

опереться на них в период введения чрезвычайного положения. На своей первой пресс-конференции 30 августа я мог с полным основанием констатировать: «Эти войска Указом Президента СССР уже передаются в Советскую Армию, и сейчас я даже в какой-то мере счастлив, что не обладаю никакой возможностью «двинуть» какие-либо войска куда бы то ни было. Их просто у меня нет, и даже если бы я захотел, я уже не смогу этого сделать. Но, я надеюсь, вы меня не подозреваете в таком желании».

Довольно быстро решили со Службой охраны. Безусловно, было совершенно ненормально то, что организация, которая охраняет Президента, ему напрямую не подчиняется и может его изолировать по приказу Председателя КГБ, как это произошло в августе. «Девятка» была передана в непосредственное подчинение Президенту СССР и должна была также выполнять функции охраны Президента Российской Федерации. Руководителем нового органа, который получил официальное название Управление охраны при аппарате Президента СССР, стал Владимир Редкобородый.

Как я уже говорил, Управление охраны пополнилось за счет дислоцированных в Москве подразделений группы «А» 7-го Управления («Альфа»), командиром которой стал Михаил Головатов. К сожалению, из-за затянувшейся неразберихи по отлаживанию механизма использования суперпрофессионалов по их прямому назначению возникла реальная угроза развала самой «Альфы». Ведь готовилась она не для охраны, а прежде всего для решения антитеррористических задач. У ее офицеров — своя профессиональная гордость. И главное — психология не охранников. Если они будут только и делать, что сопровождать черные лимузины, то либо потеряют профессионализм, либо просто разбегутся. Пока же самые «суровые» испытания на долю «Альфы» в ее новом качестве выпали во время сопровождения Бориса Ельцина в его поездке по Армении и Азербайджану в ноябре 1991 года, когда была угроза прорыва кордонов заграждения в ходе выступления Президента России перед многочисленной аудиторией.

Без каких-либо проблем произошло выделение из КГБ комплекса управлений, отвечавших за правительственную связь, шифровку и радиоэлектронную разведку, на долю которых приходилась четвертая часть всего бюджета прежнего КГБ. Уже 29 августа по моему представлению Горбачев подписал Указ о передаче Управления правительственной связи, 8-го Главного управления и 16-го Управления в свое собственное подчинение. На их базе был создан Комитет правительственной связи (КПС) при Президенте СССР, который возглавил бывший заместитель

начальника УПС по науке Александр Старовойтов, профессионал, надежный и порядочный человек.

Теперь Председатель КГБ уже не мог своим решением отключить связь у кого бы то ни было.

Информация от КПС поступала прямо президентам Союза и России, а не через Председателя КГБ, как это было раньше. Тем самым создавался альтернативный поток информации от спецслужб, что позволяло надеяться на лучшую информированность в будущем руководителей исполнительной власти. Данные, которые поставлял КПС, были лишены какой-либо предвзятости.

Перед КПС вскоре встали проблемы, общие для всех спецслужб в тот период, — взаимодействие с республиками. Я считаю, что Старовойтов сделал единственно правильный выбор, пойдя на переговоры с республиками об образовании Координационного совета комитетов правительственной связи. В тот период удалось договориться, что делить общее информационное пространство бывшего СССР экономически невыгодно и технически сложно. В основу взаимодействия был положен принцип «связь в интересах всех президентов», который предполагал, что техническое оборудование правительственной связи (АТС, связная, канальная, коммутационная и криптографическая техника) — собственность той республики, на чьей территории она находится, но деятельность всех республиканских и региональных комитетов правительственной связи координируется из КПС.

Большой интерес у общественности, особенно у деловых кругов, вызвала инициатива КПС сдавать в аренду банкам, коммерсантам, различным предприятиям и организациям защищенные каналы правительственной связи, которые во множестве освобождались после ликвидации партийных структур. Это только начало. И скоро мы придем к пониманию, что коммерческая тайна, деловая информация нуждаются в защите ничуть не меньше, чем правительственная, государственная.

Я видел здесь еще один аспект: превращение спецсвязи из монополии обитателей высоких кабинетов в более широкое средство общения могло способствовать повышению эффективности, оперативности управления.

Что мне, откровенно говоря, не очень понравилось в КПС, так это стремление его руководства «выбить» себе побольше генеральских должностей и раздуть структуру. Там, где в КГБ было три управления, в КПС их стало 16, и количество начальников управления сразу неимоверно возросло. Впрочем, узнал я об этом поздно, когда повлиять на эту «доброту» новых

президентских структур было уже не в моей власти.

Следующим по хронологии шагом по структурной дезинтеграции центрального аппарата КГБ стало выделение из него Управления по Москве и Московской области. Переговоры на сей счет велись с Президентом России, мэром Москвы и Председателем КГБ России. На основе согласованного решения всех заинтересованных сторон был подготовлен Указ Президента СССР, по которому Управление переходило под руководство российских органов и должно было именоваться УКГБ РСФСР по Москве и Московской области. Было подписано специальное соглашение о взаимодействии и ответственности.

Гавриил Харитонович Попов позвонил мне и попросил принять для беседы кандидата на пост начальника Московского управления. Пришел бородатый красавец с мягкой интеллигентной манерой общения, явный интеллектуал, Евгений Вадимович Савостьянов.

Абсолютно гражданский человек, не имеющий никакого отношения к спецслужбам. Но я уже успел оценить его организаторские способности. Когда собирались несколько политиков и академиков, чтобы организовать движение демократических реформ, было видно, что без хорошего администратора — Савостьянова — у них ничего не получится.

Конечно, я дал согласие и не ошибся, узнав его поближе в нашем недолгом общении. Савостьянов — большое приобретение для новых спецслужб, если они все-таки станут новыми. Правда, назначили его не сразу. Были «звонки влияния», политическая возня. Кое-кто из «влиятельных» был против. Но все благополучно закончилось к пользе дела. С появлением этого гражданского человека, представителя демократического движения, в ключевом, столичном управлении пробивалась еще одна брешь в милитаризованной и консервативно-кастовой системе старого КГБ.

После первых, сравнительно небольших по масштабам структурных изменений подошла очередь самых крупных подразделений Комитета — разведки, контрразведки, военной контрразведки, пограничных войск.

Вряд ли наше поколение доживет до тех времен, когда разведки всех государств прекратят свое существование. Некоторые утверждают, что разведки вообще никогда не прекратят свою деятельность, доказывая, что они — определенный элемент доверия. Одно дело — что говорят политики, дипломаты, другое дело — когда их слова подтверждаются данными разведки, возрастает доверие к информации. Не берусь судить, насколько такое мнение

оправданно. Конечно, по мере того как мир будет становиться все более взаимосвязанным и открытым, все больше сведений можно будет узнавать из средств массовой информации и прямых контактов. Уже сейчас реализация международных соглашений об инспекциях на местах для контроля над вооружениями позволяет получить столько ранее секретных данных, сколько не снилось всем разведкам мира, вместе взятым. Но это вовсе не значит, что секретов, задевающих национальную безопасность той или иной стороны, которые можно добыть только разведывательными путями, больше не существует.

Однако из ПГУ на мой рабочий стол продолжало поступать много информационного мусора, который зачастую имел не большую ценность, чем вырезки из газет.

В новых условиях необходима была коренная реформа самой концепции разведывательной работы. Прежде всего я считал нужным избавиться от всеохватности, от стремления иметь «своих» людей повсюду, даже там, где им делать явно нечего. Познакомившись с работой ПГУ, я пришел к выводу, что резкое сокращение его штатов не нанесло бы ущерба нашим разведывательным возможностям, а сужение целей и повышение внимания «нелегалам» повысило бы их.

В сентябре 1991 года в КГБ началась паника, связанная с сообщениями ряда центральных газет о якобы достигнутой договоренности между руководством союзного Министерства иностранных дел и КГБ отозвать всех сотрудников Комитета из МИД СССР. Конечно, никакой такой договоренности с Борисом Панкиным у меня не было и быть не могло. Такое решение означало бы фактическую ликвидацию зарубежной разведки, основу которой традиционно составляли резидентуры в посольствах. Именно так, с опорой на посольские резидентуры, работают и разведки практически всех крупных западных стран. В чем министр иностранных дел был, безусловно, прав, так это в целесообразности сокращения численности представителей ПГУ в наших посольствах за рубежом.

В деятельности разведки, на мой взгляд, на первый план должны были выходить проблемы, представляющие угрозу для всего человечества: контроль за нераспространением ядерного оружия и критическими технологиями, на основе которых возможно создание оружия массового уничтожения; борьба с международным терроризмом, наркобизнесом. Нельзя было оставлять без внимания вопросы внешнеэкономической безопасности, понимаемые, конечно, не как кража передовых технологий, а предвидение мировых технологических прорывов, отслеживание случаев незаконных экономических акций,

посягавших на интересы нашего государства. Никуда не деться от разведки военной, поскольку вооружения, нацеленные на нас, продолжают производиться и размещаться. В условиях нового политического мышления, перехода от двухполюсного к многополюсному миру не только не падает, но, наоборот, возрастает значение разведки политической. Безусловно, речь уже идет не об отслеживании «реакции на официальное заявление» и сборе сплетен из официальных кругов, а о таком анализе развития политической, межнациональной, религиозной, социальной ситуации в отдельных странах и регионах, который позволял бы с большой долей достоверности прогнозировать эту ситуацию, соотнося ее с интересами безопасности нашей страны и ее граждан.

Но главное, что требовалось изменить в концепции работы разведки, это отказаться от образа врага, от взгляда на «империализм», на Запад только как на источник возможных бед и напряжений. Знаменитая формула Уильяма Гладстона об отсутствии у его страны постоянных врагов и наличии только постоянных интересов была созвучна и моим мыслям.

Таких общих принципов в организации разведывательной деятельности придерживался я в тот период, когда ПГУ находилось в составе КГБ. Однако это дело политиков и президентов ставить цели перед разведкой. Дело профессионалов — определять, в какой пропорции для их достижения наиболее эффективно использовать агентуру и электронику.

Первоочередным шагом — и прежде всего для спасения разведки — я считал необходимость скорейшего выделения ее из КГБ в независимую службу. У этой идеи было много сторонников, как и немало противников.

Противники полагали губительным разделять разведку и контрразведку, которые всегда работали в тесном контакте, часто решая общие задачи. Доказывали, что с уходом элитного ПГУ с его исследовательскими институтами снизится общий интеллектуальный потенциал Комитета. Говорили о невозможности разорвать единую инфраструктуру хозяйственных служб и обслуживающих подразделений. Все эти аргументы не имели под собой серьезных оснований. Разделение не исключает, а, наоборот, побуждает к действительно независимому полноправному сотрудничеству профессионалов. В одной же организации всегда превалирует не сотрудничество, а команда вышестоящего начальника.

Более убедительными были доводы сторонников «развода» КГБ и разведки, главным из которых выступал сам начальник ПГУ Шебаршин. По его словам, это требование уже давно вызревало в

коллективе разведчиков, и ему в прежней ситуации приходилось сдерживать своих коллег, как бы ни был он с ними согласен. Шебаршин полагал, что только создание самостоятельной службы центральной разведки позволит ей избавиться от неприятного кагэбэшного «хвоста», который за ней тянулся, и ограничить ее выполнением только тех функций, которые действительно нужны государству.

На чаше весов сторонников самостоятельной разведки были также аргументы из мировой практики, в частности, Соединенных Штатов с их независимым Центральным разведывательным управлением. Мне также импонировало то, что с выделением ПГУ будет создан еще один центр получения и предоставления информации, независимый от КГБ.

Обстоятельством, которое в первую очередь заставило меня спешить с принятием решения о «разводе», стало все более отчетливое стремление ряда республик под шумок разговоров о реформе КГБ растащить разведку по национальным углам. Такие устремления могли привести только к одному — к полному развалу разведки. Нельзя было допускать, чтобы ПГУ было разделено на киргизскую, украинскую, российскую и другие разведки. Это привело бы к полной утрате ее дееспособности. Вместе с тем я был решительным сторонником того, чтобы единая разведка обслуживала не только и даже не столько союзное правительство, как это было в прошлом, сколько республики, действуя в соответствии с запросами и потребностями их собственной национальной безопасности.

Предвидя нависшую над разведкой угрозу, я направил Президенту Горбачеву записку, в которой предлагал оперативно решить вопрос о создании независимой центральной службы разведки. Там же я предлагал, учитывая важность этой организации, назначить на должность ее руководителя одного из видных государственных или общественных деятелей.

Первой в этом списке была фамилия академика Евгения Примакова.

Как я уже говорил, Горбачев и Ельцин поддержали мою точку зрения. 1 октября Примаков, в соответствии с Указом Президента СССР, возглавил ПГУ, сначала на правах первого заместителя КГБ. Не могу сказать, что это назначение было встречено ортодоксами КГБ и политики с большим восторгом. Во главе ключевого главка появлялся еще один как будто бы непрофессионал, который сам не работал в «поле» и не знал организации. Я же был убежден, что в руководстве разведки нужен был именно политик такого масштаба, как Примаков. Разведке хватало профессионализма. Ей не хватало четкого

выбора политических приоритетов, нравственных ориентиров, понимания того, для кого и во имя чего она работает.

Перед ПГУ после путча встала проблема, связанная с публичными призывами со стороны высокопоставленных представителей спецслужб ряда стран к советским разведчикам с предложениями переходить на их сторону, с обещаниями всяческих мирских благ в обмен на информацию о нашей разведке. К чести ее сотрудников надо сказать, что эти беззастенчивые призывы, даже учитывая непростой моральный климат в разведке и безрадостную ситуацию на Родине, не встретили отклика. В конце года Примаков констатировал, что за время его пребывания в должности не было отмечено ни одного случая «бегства» из рядов разведки. Но, как известно, в последнее время ситуация несколько изменилась…

Тогда я поддерживал стремление Примакова сохранить единую службу внешней разведки, не отрицая при этом права республик создавать любые нужные им структуры, включая разведку, и прежде всего разведку с территории. Мне представлялись здравыми его указания о прекращении агентурно-оперативной работы в советских колониях за рубежом, которая являлась отголоском старой шпиономании, тотального подозрения каждого нашего гражданина в возможной «измене»; о ликвидации программы слежения за внезапным ракетно-ядерным нападением на СССР (ВРЯН). В реализации этой программы с разной степенью интенсивности в течение десятилетий участвовал почти весь загранаппарат КГБ и ГРУ Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Поглощая огромное количество средств из государственной казны, она была крайне неэффективной, показушной и сводилась по сути лишь к составлению регулярных донесений, что та или иная страна не собирается в ближайшие дни сбросить на СССР ядерную бомбу. Еще один атавизм «холодной войны» был ликвидирован.

Если реализация идеи о выделении из КГБ разведки не вызвала особых противоречий, иначе обстояло дело с 3-м Главком, который я первоначально, соглашаясь с маршалом Шапошниковым, планировал передать Министерству обороны.

Вопрос о военной контрразведке имеет давнюю предысторию. Были времена, когда она входила в военное ведомство, как, например, в период Отечественной войны. После ее окончания боязнь Сталина потерять контроль над армией вынудила его вернуть военную контрразведку в систему госбезопасности, наделив ее функциями «надсмотрщика» за Вооруженными Силами. Августовские события, когда некоторые органы военной контрразведки оказались в первых рядах путчистов, заставили

вновь вернуться к этому вопросу. Новое руководство 3-го Главного управления, которое позже возглавил Юрий Булыгин, казалось, проявляло некоторое безразличие к своей судьбе. Сначала они высказали энтузиазм по поводу перехода в Министерство обороны и даже начали готовить совместно с ним ряд соответствующих документов. Потом с неменьшим энтузиазмом Булыгин стал доказывать необходимость 3-му Главку остаться в КГБ, ссылаясь на неподготовленность перехода в организационном и психологическом отношениях.

Было еще одно соображение, которое заставляло меня не спешить расставаться с военной контрразведкой. Передача ее Министерству обороны сделала бы ее «карманной», послушной руководству министерства. Это противоречило самой идеологии создания «сдержек и противовесов», которой я руководствовался, усиливало монополизм, но только уже не КГБ, а другой силовой структуры — армии.

Но и самое главное, в чем мне пришлось убедиться с первых дней: в армейской среде из-за политической неразберихи, застарелых социальных болезней нарастала нестабильность, падала дисциплина. А какая ситуация складывалась вокруг подразделений, имеющих на вооружении ядерные боеголовки? Кто-то независимый должен был помогать министру обороны, командующим округов получить по этим вопросам объективную информацию. Взвесив все «за» и «против», вместе мы решили так. Пока армия остается единой и для того, чтобы она оставалась единой, армейская контрразведка тоже будет единой. В итоге 3-й Главк остался в моем подчинении.

Наконец, предстояло определиться с пограничниками. С самого начала я взял курс на то, чтобы они стали пограничными войсками СССР, а не погранвойсками КГБ. Такие предложения были подготовлены еще в августе.

Но если в случае со Службой охраны или Комитетом правительственной связи, которые переходили в аппарат Президента СССР, достаточно было Указа Горбачева, то выделение пограничных войск (так же, как и разведки), получавших права центральных органов государственного управления, требовало решения Государственного совета СССР и последующего утверждения Советом Республик Верховного Совета СССР. Кроме того, с отделением разведки и погранвойск фактически исчезала та структура, которая долгие годы именовалась КГБ СССР. Вопрос о ликвидации КГБ СССР также был вне рамок компетенции Президента СССР. Строго говоря, это вопрос Верховного Совета СССР, но он тоже был существенно реформирован, да и никак не мог собраться.

Конечно, начинать надо было с Госсовета. И надо было спешить, так как, судя по его первым заседаниям, мало было шансов, что он начнет регулярно и результативно работать.

Однако, когда на первом заседании Госсовета я заикнулся о необходимости выделения бюджетных средств на IV квартал и повышения денежного содержания личному составу, мне было предложено выполнить поручение, полученное при назначении. Внести эти вопросы вместе с предложениями по изменению структуры КГБ.

22 октября 1991 года вопрос о реогранизации органов ГБ рассматривался главами государств и Президентом СССР на заседании Госсовета.

Дело было в Кремле. На третьем этаже у Горбачева. Там, где не так давно заседало Политбюро ЦК КПСС.

Прошло два месяца после начала моей «деятельности по развалу КГБ». Я подготовил на Госсовет короткий доклад, в котором рассказал, что из себя представлял КГБ, чем он должен был заниматься, насколько неэффективна и небезопасна для государства его работа. Доложил о реформе КГБ и что уже в этом направлении сделано:

«Меньше всего сделано в части правового обеспечения служб безопасности, повышения эффективности работы. Нарабатывают проекты новых законов. Но пока мы в тупике. Выбор ограничен. Либо руководствоваться старой подзаконной базой, либо полностью бездействовать.

Открытость КГБ для общественности внутри страны и контакты с зарубежными спецслужбами начинают становиться более заметными.

Мы перестали искать врага в инакомыслии и «империалистической угрозе». Но еще не научились анализу.

Вместе с тем, хотя все это, по моему глубокому убеждению, является шагами в правильном направлении, серьезного, кардинального реформирования КГБ пока не происходит.

Тому имеется целый ряд субъективных и объективных причин:

1. Нет союзного договора, а следовательно — не может быть определена концепция совместной, общей безопасности.

2. Странная позиция парламентской комиссии по расследованию деятельности КГБ. С этой комиссией, по существу, нет принципиальных разногласий, но эта комиссия, с одной стороны, торопит, рекомендуя Госсовету «в ближайшие дни сделать официальное заявление о радикальной реорганизации КГБ», а с другой стороны, блокирует любые шаги. И даже не имеющее никаких правовых последствий поручение Президента

«внести предложения…» требует отменить.

Благодаря энергичному вмешательству Президента России Б. Н. Ельцина удалось удержать комиссию от принятия еще более странного решения: вначале «упразднить КГБ», а потом «незамедлительно» приступить к переговорам, в ходе которых решить вопрос о создании, условно говоря, нового межреспубликанского КГБ…

Не лучше ли наоборот?

Вначале переговоры, получить ясность что делать, а потом упразднение… Структуры безопасности разрушить очень легко, но очень опасно, и маловероятно, что после неопределенности можно будет их воссоздать вновь даже на нашем весьма невысоком уровне.

Странно выглядят рекомендации комиссии «руководству КГБ» (т. е. Бакатину) воздержаться от осуществления структурных изменений и кадровых перемещений…

Чем же заниматься?

Как известно, и то и другое является правом Председателя КГБ, а, главное, есть поручение Госсовета внести предложения по реорганизации КГБ.

В связи с возникшей ситуацией я прошу Госсовет подтвердить свое поручение и мои полномочия.

Нельзя спешить, но и нельзя терять впустую время. Безопасность государства и общества находится на самом низком уровне. Настроения после путча в коллективах очень сложные. Есть опасность реакции.

Предложения от имени КГБ мною в Госсовет внесены. Их поддерживают большинство руководящего состава и председатели республиканских комитетов.

Не все пока поддерживают передачу военной контрразведки в Советскую Армию. Поэтому этот вопрос прошу снять.

Все остальное прошу принять. Откладывать больше нельзя.

Неопределенность — худшее из того, что может быть в политике».

Доклад, как говорится, выслушан был с большим интересом, но обсуждение не было слишком бурным. Заготовленные резкие возражения белорусского лидера Станислава Шушкевича против передачи в армию военной контрразведки повисли в воздухе, так как я сам снял это предложение. Б. Ельцин позицию поддержал. Кроме того, он был, пожалуй, более других информирован о предполагаемых изменениях и обещал мне поговорить с комиссией Степашина, которая в какой-то момент попала под влияние политиков, желавших немедленно забрать в Россию все, что было «союзным», а значит, и КГБ, а уж потом разбираться.

Некоторую неясность и споры вызвала формулировка «объединенное командование погранвойск», но вопрос в конце концов прошел.

По итогам обсуждения было принято постановление № ГС-8, которое явилось первым крупным шагом к ликвидации КГБ СССР:

«1. Считать необходимым упразднить Комитет государственной безопасности СССР. Комитеты государственной безопасности республик и подчиненные им органы считать находящимися в исключительной юрисдикции суверенных государств.

2. Создать на базе Комитета государственной безопасности СССР на правах центральных органов государственного управления СССР:

Центральную службу разведки СССР — для разведывательной работы в целях обеспечения безопасности республик и Союза в целом;

Межреспубликанскую службу безопасности — для координации работы республиканских служб безопасности и проведения согласованной с ними контрразведывательной деятельности;

Комитет по охране государственной границы СССР с объединенным командованием пограничных войск — для организации охраны государственной границы на суше, море, реках, озерах и других водоемах, а также экономической зоны СССР.

Установить, что финансирование и материально-техническое обеспечение указанных органов осуществляется за счет средств союзного бюджета и союзных фондов».

В тот период в прессе начались разговоры о том, что якобы Госсовет, пойдя на поводу у Президента СССР, специально рассмотрел вопрос о реформе органов госбезопасности за несколько дней до завершения работы Государственной комиссии Степашина, чтобы принять решения, противоречащие рекомендациям этой комиссии. Президент СССР здесь был совершенно ни при чем. Как я уже говорил, противоречия были не в сути, а в той «новой» политической линии, которая в конечном счете пробила себе дорогу, ликвидировав СССР со всеми его институтами. Со Степашиным и большинством членов комиссии у нас было полное совпадение позиций по основным направлениям реформирования спецслужб — ив том, что касалось принципов, и в конкретных аспектах структурной реорганизации. В этих условиях затягивать решение об упразднении КГБ до следующего заседания Госсовета — значило просто продлевать агонию старого Комитета, не давая новым

структурам безопасности обрести официальный статус.

Хотя это решение Госсовета, с точки зрения правовых норм, требовало еще подтверждения Верховным Советом Союза, в своей практической деятельности мы с этого момента стали исходить из новых реалий. Вскоре последовали указы Президента СССР о назначении Примакова директором Центральной службы разведки (ЦСР), Калиниченко — председателем Комитета по охране государственной границы (КОГГ), меня — руководителем Межреспубликанской службы безопасности (МСБ).

С этого момента формально вопросы внешней разведки и охраны границ к моей компетенции не относились. Моя основная забота заключалась в создании дееспособной МСБ, которая по своим задачам и функциям, пожалуй, ближе всего сравнима с Федеральным бюро расследований США. Велась разработка структуры организации, подготовка положения об МСБ, налаживание координации между всеми службами безопасности.

Временное положение о Межреспубликанской службе безопасности, которое должно было заложить правовой фундамент под нашу деятельность, было утверждено Указом Президента СССР 28 ноября 1991 года. МСБ руководствовалась в своей деятельности законодательными и другими нормативными актами республик и Союза ССР (если акты не опротестованы республиками), а также собственно Временным положением. МСБ подчинялась непосредственно Президенту СССР, а контроль за ее деятельностью был возложен на Верховный Совет СССР, Государственный совет СССР. В компетенцию Межреспубликанской службы безопасности входила прежде всего выработка «общих принципов в деятельности органов безопасности республик и координация их деятельности в целях наиболее эффективного использования имеющихся возможностей в интересах безопасности Союза и республик».

Из множества возлагавшихся на МСБ функций я выделил бы в качестве приоритетной прежде всего проведение согласованной с органами безопасности республик контрразведывательной работы по предотвращению и пресечению деятельности специальных служб иностранных государств и зарубежных организаций, наносящих ущерб безопасности Союза и республик.

Что такая деятельность ведется, я думаю, ни у кого сомнений нет. В октябре в одном из своих выступлений Президент США Джордж Буш заявил: «Успех в борьбе против коммунизма не означает, что работа ЦРУ завершена. Мы можем и должны найти лучшее применение для ресурсов, которые требовались для проникновения в советские секреты. Мы не собираемся ликвидировать наши разведывательные возможности, создать

которые нам стоило стольких трудов. Однако мы должны приспособить их к новым реальностям». Ослабления активности спецслужб других стран на территории Советского Союза также не было замечено. Более того, у некоторых из них она даже возросла и все чаще проявлялась в деликатных предложениях нашим соотечественникам об оказании им помощи при каких-либо финансовых затруднениях.

Но, как и американцам, нам предстояло тоже приспособиться к новым реальностям. Мы уходили от «расширенного» понимания контрразведывательной работы, которая ранее заключалась чуть ли не в поголовном контроле за всеми иностранцами и знакомыми с ними советскими гражданами.

Слишком большие перемены произошли в мире, во внешней и внутренней политике нашей страны, чтобы продолжать проповедовать такой подход к организации контрразведки.

Кроме того, исходя из реальной ситуации в стране, я считал важным использовать профессионализм и оперативные возможности 2-го Главка для борьбы с организованной преступностью, прежде всего — международного характера. Контрабанда, валюта, терроризм, наркотики, коррупция.

Перед органами военной контрразведки ставились задачи обеспечения не только внешней безопасности Вооруженных Сил, понимая под этим контрразведку в ее традиционном смысле, но и внутренней — ограждения армии от организованной преступности, терроризма, хищения и торговли оружием.

Таким образом, в один ряд с традиционной для КГБ «ловлей шпионов» становилась вторая задача — борьба с высшими, наиболее опасными формами организованной преступности.

Актуальность этой задачи очевидна. Организованная преступность в условиях политической и экономической нестабильности в стране беспрецедентно возросла, создавая реальную угрозу безопасности не только граждан, но и всего общества, государственности как таковой. В этих конкретных условиях я отошел от своего старого предложения объединения КГБ и МВД, считая, что сегодня монополизм был бы опасен. Кроме того, надо на чем-то остановиться. Нельзя держать спецслужбы в состоянии непрерывной реорганизации. В конце концов, успех дела решают не структурные построения.

В то же время я считал необходимым срочно определить и разграничить в нормативном порядке круг правовых полномочий и компетенции различных правоохранительных органов в борьбе с организованной преступностью и коррупцией, что, безусловно, не исключало бы совместные меры и оправданный параллелизм на ряде участков этой работы.

Конечно, о каких-либо успехах КГБ или МСБ в борьбе с организованной преступностью говорить было нельзя. Тем не менее ряд операций можно назвать. Сотрудниками Управления «ОП» совместно с представителями МВД и прокуратуры была возвращена партия валюты, похищенной еще в декабре 1989 года в аэропорту «Шереметьево-2». 6-е управление и московская милиция выявили и задержали преступную группу, вымогавшую конвертируемую валюту у граждан, имевших счета во Внешэкономбанке СССР. Питательной средой для мошенничества в данном случае являлось несовершенство в функционировании учреждений Внешэкономбанка, которое делало весьма затруднительным для советских людей, работавших за рубежом, получать свою валюту с банковских счетов без «посреднических услуг» мафии. В средствах массовой информации сообщалось также о серьезной операции, проведенной совместно с германскими спецслужбами, по отслеживанию преступной группы и изъятию большой партии переправлявшихся ею на Запад через территорию Советского Союза наркотиков. Но все это — капля в море. Серьезной, системной работы, основанной на глубоком анализе закономерностей и причин взаимопереплетающегося организованного преступного бизнеса, в МСБ налажено не было. Хотя поручения и приказы по организации этой работы были подготовлены.

Надо иметь в виду, что нигде в правовых государствах спецслужбы не являются органами управления. Их важнейшая функция — добывать и поставлять руководителям исполнительной и законодательной власти информацию, которая поможет предотвратить развитие опасных для общества тенденций, выявить проявления нелегальной и экстремистской антиконституционной деятельности, зафиксировать возникновение очагов социальной напряженности.

МСБ должна была заняться координацией информационно-аналитической работы органов безопасности республик в общих интересах обеспечения безопасности, а также совместной со спецслужбами республик эксплуатацией автоматизированных информационно-аналитических систем и информационных банков Единой системы информационного обеспечения контрразведки, реализацией договорных обязательств по разработке аналитических систем. В нашем ведении оставались оперативные архивы и оперативные учеты.

Кроме того, в функции МСБ входили разработка и осуществление совместно с органами безопасности республик мер по обеспечению безопасности объектов оборонной промышленности, атомной энергетики, космоса, транспорта,

связи, других военных и стратегических объектов, находящихся на территории республик.

Разработка и осуществление во взаимодействии с органами безопасности республик мероприятий по обеспечению мобилизационной готовности пунктов управления Вооруженными Силами СССР и страной.

Учитывая ситуацию в стране, где в некоторых регионах, по сути, идет «горячая» война, а экстремисты все чаще захватывают у армии оружие и военное снаряжение, нетрудно себе представить, сколько бед могут натворить фанатики, которые прорвутся на атомную электростанцию или, того хуже, если в их руки попадут ядерные или химические боеприпасы. Исключить даже малейшую возможность этого — актуальнейшая задача спецслужб.

За МСБ оставалась и подготовка, переподготовка, повышение квалификации кадров для органов безопасности Союза и республик.

Прежняя централизованная система КГБ предполагала подготовку кадров прежде всего в Москве, далеко не во всех республиках существовали учебные заведения, готовившие кадры офицеров госбезопасности. Изменить это положение в один момент было невозможно, и поэтому было признано целесообразным сохранить подготовку кадров за МСБ, оставляя двери ее Высшей школы открытыми для абитуриентов из независимых республик.

Конечно, в кардинальных изменениях нуждалась вся система преподавания, в которой прежде явно непропорциональное место отводилось идеологической накачке, работе по пресечению «подрывной деятельности» мнимых врагов строя в лице демократов и прочих «некоммунистов», пропаганде «чекистских традиций».

Еще 21 сентября я издал приказ о первоочередных мерах по приведению содержания профессионального образования в соответствие с изменившимися задачами, стоящими перед органами госбезопасности в условиях демократического общества. Исключить идеологизацию программ, сделать упор на освоение действительно необходимых профессиональных знаний и навыков. Управлению кадров, самим учебным заведениям было поручено совместно с подразделениями центрального аппарата представить проект концепции реформы системы образования, ее научного обеспечения; перечень специальностей и квалификаций, по которым необходимо готовить кадры по заявкам республик и территориальных органов; радикально пересмотреть учебно-методические материалы, разработать проекты новых учебных планов и программ учебных дисциплин. Для реализации этой

реформы создавалась специальная программно-методическая комиссия. Председателем назначен Николай Столяров, его заместителем — Вячеслав Титаренко, который позднее стал начальником Высшей школы.

Конечно, перестройка преподавания — дело долгое, и надежд на быстрые перемены у меня не было. Но импульс к переменам был дан.

Важнейшим для МСБ, как считали многие руководители республиканских спецслужб, должна была стать разработка, изготовление и поставка органам безопасности республик по их заявкам специальных технических средств, оказание методической помощи в их использовании.

У МСБ предполагался также еще ряд функций — централизованное материально-техническое снабжение органов республик, реализация режимно-правовых мер обеспечения безопасности и безопасности специальных и военных перевозок, оказание методической помощи республиканским органам в организации их правовой работы и т. п. Всего не перечислишь.

Как мы полагали, численность МСБ могла бы вполне уложиться в цифру до 40 тысяч, а ее бюджет, в ценах декабря 1991 года, — около одного миллиарда рублей. Такая относительно компактная спецслужба вполне была способна обеспечить контрразведку и координацию работы республик в вопросах безопасности.

Проведенная дезинтеграция Комитета государственной безопасности СССР не встретила серьезных возражений со стороны Верховного Совета СССР, который, правда, почти на полтора месяца затянул утверждение решения Госсовета об упразднении КГБ и о создании ЦСР, МСБ и КОГГ. Первый законопроект, который Президент СССР без комментариев направил парламентариям и обсуждение которого почему-то прошло без участия «сторон», был с возмущением сразу отвергнут и направлен на проработку в комитеты. Последовали согласования на уровне экспертов, затем у меня было несколько встреч с председателями комитетов по безопасности Александром Котенковым, Владимиром Стадником, которые были решительными сторонниками законопроекта и, на мой взгляд, намеревались серьезно и профессионально поставить на современную правовую основу деятельность спецслужб и проблемы безопасности республик и Союза.

Наконец, 27 ноября Совет республик приступил к повторному рассмотрению проекта закона «О реорганизации органов госбезопасности». В выступлении перед депутатами я сделал упор на следующие моменты:

«Очевидная необходимость реорганизации КГБ не является самоцелью. Она логично вытекает из преобразования всего политического и национально-государственного устройства страны.

После провала августовского переворота, в подготовке которого активно участвовали некоторые руководители КГБ, эта необходимость стала неотложной, не терпящей какого-либо промедления.

К такому выводу пришла Госкомиссия по расследованию деятельности госбезопасности, потребовавшая «незамедлительно упразднить КГБ СССР и осуществить коренную реорганизацию его структур».

В условиях переходного периода, когда еще не были задействованы новые законодательные органы, Государственным советом была признана целесообразность упразднения Комитета госбезопасности и создания на его базе Центральной службы разведки, Межреспубликанской службы безопасности, Комитета по охране государственной границы.

Безусловно, целостная структура, а тем более функции спецслужб не могут быть окончательно определены, прежде чем будет подписан Договор о Союзе Суверенных Государств. Тем не менее, поскольку законодатели никогда не исходили из позиции ликвидации союзного государства и поскольку дальнейшее промедление с внесением определенности в структуру спецслужб недопустимо, прошу уважаемых депутатов рассмотреть и принять предлагаемый проект Закона. Представляется важным этот первый шаг реального правового взаимодействия между Госсоветом и Советом Республик.

В той мере, в какой это возможно в переходный период, Закон внесет ясность в вопрос государственной важности и позволит продолжить работу по реформированию спецслужб…

Важный принцип реформы, который особенно следует подчеркнуть и который, собственно говоря, и составляет суть реформы, — это полная самостоятельность республиканских органов безопасности. Союзный сверхцентрализованный КГБ в условиях независимости республик существовать уже не может. Межреспубликанская служба безопасности будет осуществлять главным образом и прежде всего функции координации контрразведывательной работы самостоятельных республиканских структур, а также участвовать в координации деятельности всех самостоятельных и независимых спецслужб страны…

Принципы сотрудничества: исходить из государственной независимости республик. Согласование действий по защите их

жизненно важных интересов и Союза в целом. Сохранение за межреспубликанскими структурами только тех функций, осуществление которых передается в их ведение республиками и которое в реальных условиях возможно только на межреспубликанском уровне.

Конечно, организационные функциональные изменения сами по себе мало что решают. Сокращение численности сегодня, возможно, и необходимо в ряде структур… И хотя деньги надо начинать считать, главное в реформе спецслужб, конечно же, не арифметика.

Главное — от идеологии вседозволенности и тайного насилия прийти к осознанию необходимости строгого соблюдения законности и прав человека. Перейти от государственной безопасности в системе партия — государство к безопасности личности, общества в системе правового государства. Видеть смысл деятельности спецслужб не в поисках внутренних и внешних врагов, а в стабилизации общественных отношений.

Спецслужба должна способствовать также становлению рынка, борьбе с искусственным монополизмом. Без этого идея «свободных» цен погибнет в зародыше, и «свободу» будет диктовать рыночная перекупочная мафия. Мы не должны быть в стороне и от борьбы с инфляцией, имея в виду, что успех здесь определяется прежде всего политической поддержкой, согласием общества, а уж потом профессионализмом экономистов».

Завершил я свою речь оставшимся незамеченным пассажем, касающимся больше Союза, чем МСБ…

«Сегодня народы республик осознали преимущества свободного суверенного развития перед прессом централизма, перед диктатом идеологической монополии. Но не все еще успели осознать преимущества экономической свободы производителя в политическом сообществе перед изоляционизмом. Еще не все успели осознать опасность национал-сепаратизма в уникальных исторических условиях нашей многонациональной страны. Совершенно очевидно, что процесс осознания идет. Важно, чтобы он не затянулся. Республикам придется добровольно взаимно поступиться частью суверенитета во имя общего блага и от «демократии вседозволенности» опять встать на путь строительства правового государства, где место спецслужб, безусловно, необходимо, но должно быть определено законом.

Сегодня в этом направлении может быть сделан первый исторический шаг.

Прошу вас, уважаемые депутаты, узаконить упразднение КГБ

СССР и начало жизни новых спецслужб».

Не могу сказать, что обсуждение было легким. Пришлось отвечать на вопросы. Разведка и Погранвойска почти не вызывали сомнений. Но не всем было ясно, зачем нужна МСБ. Обойдемся в республиках и без нее. На этот вопрос я ответил очень просто: «В той же мере, в какой вам нужен конфедеративный или какой-то иной, но Союз, в той мере, в какой нужны республикам вы — Верховный Совет Союза, в такой же мере нужна Межреспубликанская служба безопасности…»

А. Котенков от имени Комитета также призвал депутатов утвердить закон. Однако сделать этого так и не удалось. На заседании, как это часто бывало в Верховном Совете в те дни, не оказалось кворума.

Кворум собрался только 3 декабря. Заседание Совета Республик прошло без помпы и вызвало вялый интерес у журналистов. Между тем этот день можно считать в каком-то смысле историческим. В 13 часов 13 минут с принятием Закона «О реорганизации органов госбезопасности» КГБ СССР официально прекратил свое существование. Как я надеялся, чтобы никогда не возродиться вновь.

5. Децентрализация

Сосредоточение власти в центре, где скрещиваются все линии, не просто создает хаос. Избыток этих линий вызывает чувство безысходности и на периферии, откуда они исходят.

Сирил Паркинсон

Децентрализация органов безопасности в наименьшей степени зависела от моей воли или воли любой другой организации и политика. Даже если бы я очень хотел помешать децентрализации (хотя такого желания у меня никогда не было, я всегда считал децентрализацию благом), я не смог бы этого сделать. Ослабление централистского начала и усиление суверенитета республик шло во многом объективно.

Страна находилась на перекрестке двух исторически неизбежных процессов. С одной стороны, неизбежным был распад имперского сверхцентрализованного, основанного на насилии Союза. С этой точки зрения я рассматривал стремление республик к самостоятельности и независимости как явление прогрессивное.

Но, с другой стороны, столь же исторически неизбежен мировой интеграционный процесс. От него не спрятаться. Его не остановишь. С этой позиции сепаратизм и все с ним связанное — реакционно и исторически обречено.

Очень сложно плавно перейти от одного процесса к другому. Все равно что на ходу перескочить в вагон встречного поезда.

В подходе к проблемам взаимоотношений между центром и республиками и децентрализации спецслужб я исходил, как теперь оказалось, ошибочно, из того, что Союз в той или иной форме, пусть самой слабой и аморфной, будет сохранен. Основания для подобного осторожного оптимизма давали события послепутчевых дней, особенно — решения Съезда народных депутатов СССР, который собрался на внеочередную сессию в начале сентября и где прозвучало совместное заявление Президента СССР и лидеров республик.

Я прекрасно сознавал, что процессы в сфере национально-государственного устройства страны первичны по отношению к любым шагам по реформированию КГБ. Мою позицию по этому вопросу в первые дни пребывания в должности можно

проиллюстрировать выдержками из стенограммы выступления на совещании руководителей республиканских комитетов госбезопасности, которое состоялось 5 сентября:

«До путча главным было противоречие между жаждой демократического реформирования экономики, общества, которое проявлялось в большинстве республик — иногда стихийно, иногда организованно, — и фактическим саботажем, сопротивлением реформам со стороны центральных структур власти. Это главное противоречие и привело страну в то состояние развала и хаоса, в котором она сейчас, к сожалению, находится… Вместе с тем — я думаю, вы со мной согласитесь — основное препятствие, с устранением которого только и может начаться выход из кризиса, не только не устранено, но, наоборот, значительно увеличилось. Речь идет о развале Союза. К сожалению, путчистам, если можно так выразиться, удалось достичь главной цели: сорвать подписание Союзного договора, выработанного в результате ново-огаревского процесса. Своими действиями они активизировали процесс распада Союза.

Совершенно очевидно, что виноваты здесь не только путчисты с их субъективными намерениями и действиями, есть объективная основа для распада Союза. Из-за идиотизма идеологов его сохранения силой. А силой Союз сохранить нельзя. Прежнего Союза фактически не существует. Нет и не может быть никаких возможностей восстановить его сверху, какими бы грозными ни были решения парламента и Съезда народных депутатов. Это все бесполезно. Есть только один путь, который предложен в Заявлении Президента и высших руководителей республик. Это путь добровольного союза суверенных государств, в котором каждое из них самостоятельно определяет формы своего участия в Союзе. Нужно все поставить на естественную, нормальную основу, когда первичным мы считаем не Союз, а республику. И республики в результате совпадения взаимных интересов договариваются о каком-то объединении, где формы, степень связей уже не имеют большого значения.

Причем надо совершенно четко себе представлять, что без Союза и вне Союза подавляющее большинство республик, может быть, за редким исключением (сюда можно отнести прибалтов, и то у них будут определенные сложности), в ближайшее время просто развалится. Существовать республикам самостоятельно, изолированно, сепаратистски, вне какого-то союза — это иллюзия… Нетрудно себе представить, что вавилонское столпотворение, о котором мы все наслышаны из библейских сказаний, покажется в этой ситуации просто раем земным. Союз объективно необходим. Но еще раз повторяю: возможность его

сохранения существует только одна — добровольное согласие республик и никакого давления сверху».

Такая постановка вопроса и видение проблемы, не вызвавшие, кстати, возражений ни у одного из представителей республик, лежали в основе подхода к децентрализации органов безопасности. На совещании я предложил следующую схему, которая в целом также встретила понимание республик:

«Если мы не будем возводить противоречия республик в степень, если попробуем искать взаимные интересы, то увидим, что эти интересы в общем-то существуют, и выйдем на новый уровень взаимоотношений. Причем еще раз говорю, республика будет всегда первичной, центр будет обслуживать республики.

Но, наверное, надо понять, что создавать внешнюю разведку каждой республике нелепо, когда исторически уже создан единый кулак внешней разведки. У нее много своих проблем: повышение эффективности, экономия средств и т. д. Но как единую структуру для тех государств, которые поймут неизбежность создания нового Союза, разведку, наверное, надо сохранить. И здесь никакого двойного (союзно-республиканского) подчинения, по всей видимости, не должно быть.

Другое дело — контрразведка. Она может вестись на каждой территории, но вопросы координации должны быть очень четко отработаны.

Проблемы борьбы с организованной преступностью, терроризмом, коррупцией и т. п. Здесь совсем не обязательно двойное подчинение. В этих вопросах может быть полная самостоятельность республик при незначительной координации на уровне межгосударственной организации: общие учеты, общий информационный банк, обмены, поскольку преступность не знает границ и она не будет замыкаться в рамках одной республики, какой бы жесткий пограничный режим она ни установила».

К совещанию 5 сентября был уже подготовлен проект соглашения о сотрудничестве между КГБ Союза и КГБ республик, в котором речь шла о делегировании республиками полномочий Комитету госбезопасности СССР в сфере обеспечения общественной безопасности. Я видел все несовершенства этого проекта, главный недостаток которого заключался в том, что он не учитывал, да и не мог учесть всего многообразия условий, которые существовали в каждой из республик. Позднее мы пошли по пути подготовки специальных соглашений с органами безопасности отдельных республик. Тогда же меня интересовала в первую очередь сама реакция их представителей на идею существования некоего центрального координирующего органа, деятельность которого строилась бы на новой, договорной основе.

И я с удовлетворением отметил для себя, что все выступившие на совещании представители республик поддержали идею координации их работы на уровне Союза. Председатели КГБ: Украины — Голушко, России — Иваненко, Казахстана — Николай Вдовин, Киргизии — Герман Кузнецов, Армении — Усик Арутюнян, Азербайджана — Вагиф Гусейнов, Молдовы — Анатолий Плугару, председатель комиссии по законодательству Верховного Совета Белоруссии Дмитрий Булахов, государственный советник Казахской ССР Юрий Хитрин, председатель Совета при Президенте Туркмении по координации деятельности правоохранительных органов Бегжан Ниязов — все считали необходимым сохранить общесоюзные структуры безопасности.

На этом же совещании была поддержана идея создания вместо старой Коллегии КГБ Координационного совета в составе председателей комитетов республик, что и было реализовано Указом Президента СССР уже 11 сентября. Позже, 24 октября, был подписан Указ Президента СССР «О Координационном совете Межреспубликанской службы безопасности», в состав которого помимо руководителя МСБ входили директор ЦСР и руководители органов безопасности суверенных республик (государств). Решения Координационного совета должны были проводиться в жизнь приказами руководителя Межреспубликанской службы безопасности, на которого возлагалась координация деятельности спецслужб Союза и республик.

28 октября мы провели в новом составе первое заседание Координационного совета МСБ. Организовали на первое время зал с некоторым подобием «круглого» стола, в оформлении которого не было ни портретов президентов, ни «чекистской» символики, одни пейзажи. «Первый блин» не вышел комом. При очень разнообразной ситуации в республиках согласие по всем принципиальным вопросам удавалось находить. Всеми без исключения был подписан, как я считаю, очень важный протокол. Теперь это исторический документ, свидетельствующий не только об упущенных возможностях, но и подтверждающий убеждения о необходимости создания координационных механизмов в СНГ.

ПРОТОКОЛ

заседания Координационного совета Межреспубликанской службы безопасности

г. Москва 28 октября 1991 года.

28 октября 1991 года в г. Москве состоялось заседание Координационного совета Межреспубликанской службы безопасности в составе:

тт. Бакатина В. В., Примакова Е. М.

Руководителей органов безопасности суверенных республик (государств):

генерал-майора Иваненко Виктора Валентиновича (РСФСР)

генерал-лейтенанта Голушко Николая Михайловича (Украина)

генерал-майора Ширковского Эдуарда Ивановича (Беларусь)

генерал-майора Алиева Гулама (Узбекистан)

генерал-майора Баекенова Булата Абдрахмановича (Казахстан)

полковника Нинуа Тамаза Вахтанговича (Грузия)

полковника Садыхова Рафика Алиевича (Азербайджан)

полковника Плугару Анатолия Федоровича (Молдова)

полковника Бакаева Анарбека Курамаевича (Кыргызстан)

генерал-майора Стройкина Анатолия Алексеевича (Таджикистан)

генерал-майора Арутюняна Усика Сереновича (Армения)

генерал-майора Копекова Данатара (Туркмения)

Члены Координационного совета выразили общее мнение о том, что происходящие в стране процессы демократических преобразований создают реальные условия для установления подлинного суверенитета республик и взаимовыгодного сотрудничества на благо их народов. Они констатируют, что нормальная жизнедеятельность каждого государства в отдельности и всех вместе возможна лишь при условии политической, экономической и социальной стабильности, обеспечения внутренней и внешней безопасности ее субъектов.

Члены Координационного совета считают, что реальная безопасность каждого из суверенных государств может быть обеспечена лишь при условии проведения единой скоординированной политики коллективной безопасности. В этой связи они с одобрением относятся к практическим шагам суверенных республик по взаимодействию в области национальной безопасности.

Члены совета с удовлетворением приняли решение Государственного совета СССР о передаче органов государственной безопасности в исключительную юрисдикцию суверенных государств, об образовании на базе КГБ Межреспубликанской службы безопасности и о создании Координационного совета в целях выработки стратегии и

осуществления согласованных действий по обеспечению коллективной и индивидуальной безопасности государств.

Учитывая, что стремление суверенных республик к сохранению единого политического, экономического и оборонного пространства вызывает необходимость создания эффективной системы защиты их коллективных интересов, согласились в том, что действенным инструментом координации общих усилий по обеспечению безопасности субъектов сообщества может быть Межреспубликанская служба безопасности.

Члены Координационного совета рассмотрели и в основном одобрили проект Временного положения о Межреспубликанской службе безопасности. Согласовано, что Межреспубликанская служба безопасности будет осуществлять координацию деятельности подразделений службы и органов безопасности суверенных республик по вопросам, отнесенным к их совместному ведению; информационное обеспечение деятельности органов безопасности; проведение аналитических исследований по проблемам безопасности, представляющим для них взаимный интерес; согласованную с республиками оперативно-розыскную деятельность; материально-техническое и научно-исследовательское обеспечение деятельности органов безопасности; подготовку и переподготовку кадров для республиканских органов безопасности и другие функции, изложенные в проекте Временного положения.

Членами совета поддержано предложение о создании института постоянных представителей органов безопасности суверенных республик в Межреспубликанской службе безопасности.

Члены совета считают, что с учетом состоявшегося обсуждения необходимо в кратчайший срок внести на рассмотрение Государственного совета СССР и Президента СССР Временное положение о Межреспубликанской службе безопасности.

Члены совета — представители суверенных республик — признают необходимость скорейшего заключения двусторонних соглашений между органами безопасности республик и Межреспубликанской службой безопасности. Они выразили также намерение принимать активное участие в разработке межреспубликанского Договора о коллективной безопасности.

Серьезная проблема заключалась в том, что все нити управления в КГБ сходились к Москве. Председатель республиканского Комитета был вынужден согласовывать с КГБ

СССР все вопросы штатного расписания, финансирования, структурных перемен. Без визы Управления кадров КГБ СССР республиканские подразделения не могли даже переставить какого-нибудь старшего «опера» с одного участка работы на другой, не говоря уже о праве назначить начальника областного управления. Эта закостеневшая чиновничья практика ярко иллюстрировала отсутствие каких-либо перестроечных веяний в КГБ, прежнее руководство которого просто игнорировало или втихую саботировало процессы суверенизации республик.

Был подписан приказ о расширении прав руководящего состава органов госбезопасности в связи с формированием в стране принципиально новой системы отношений между республиками и центром. Председатель КГБ союзной республики получал право вносить любые изменения в штаты в пределах фонда денежного содержания и заработной платы, штатных должностей и окладов; назначать начальников областных управлений, зачислять на военную службу и увольнять сотрудников, присваивать им воинские звания и т. д.

Не видел я никаких проблем и в том, чтобы республиканские органы власти самостоятельно назначали руководителей своих комитетов. При таком подходе руководители республик ставились в совершенно иное положение и уже сами были заинтересованы согласовать со мной свою кандидатуру.

Звонит Президент Молдовы Мирча Снегур, просит принять А. Плугару, которого он намерен своим Указом назначить руководителем органов безопасности республики. Знакомлюсь с Плугару. Кстати, очень здравомыслящий человек, журналист. Договариваемся о совместной работе. Издается Указ Президента, объявляется нашим ведомственным приказом. Чьи интересы при этом ущемлены? Абсолютно ничьи. В таком духе я полагал строить отношения со всеми республиками, которые оставались в Союзе.

Иначе обстояло дело с государствами Балтии, которые в начале сентября формально обрели свою долгожданную независимость. У меня не было никаких сомнений в праве Латвии, Литвы и Эстонии на самостоятельное развитие, прерванное закулисными сталинскими сделками в 1939–1940 годах. Совершенно очевидно, что деятельность комитетов госбезопасности этих республик должна была быть прекращена.

Но, чтобы сделать это, требовалось решить целый комплекс организационных, правовых, политических вопросов.

Во-первых, надо было определиться с будущим сотрудников Комитета, которые легко могли стать заложниками и жертвами во внутриреспубликанских политических баталиях. Я считал, что

они не были виноваты в том, что, верные присяге, вынуждены были служить союзным законам и союзному органу. Не они породили эту ситуацию, а, скорее, Ландсбергис и Горбачев, которые, отстаивая каждый свои интересы, разрывали общество на непримиримые лагери. Мог ли я, оказавшийся в такой ситуации, допустить, чтобы бывшие сотрудники КГБ в отделяющихся республиках были лишены каких-либо социальных гарантий — пенсий по старости, возможности получить другую работу? Конечно, нет.

Во-вторых, предстояло решить очень болезненную проблему архивов КГБ. Они хранили в себе не только бесценные исторические материалы, но и документы текущей работы, агентурные досье, способные взорвать любое общество. Я не считал допустимым передачу агентурных дел и картотек в распоряжение местных органов власти. Но, коль скоро они на этом настаивали, вопрос мог быть решен только на межгосударственном уровне, при достаточных законодательных гарантиях их неразглашения.

В-третьих, вставала проблема спецтехники, в первую очередь — шифровальной и дешифровальной. Оставление всей этой техники на территории отделяющихся, теперь — иностранных государств грозило нанести большой ущерб всей шифровальной (и не только шифровальной) работе, на налаживание которой ушли годы и огромные суммы денег.

Наконец, важно было определиться с охраной границ. Ситуация складывалась парадоксальная: пограничные силы Союза охраняли обращенный на Запад периметр трех «зарубежных» государств, тогда как охраняемых рубежей с самими этими государствами Союз не имел вовсе.

Весь этот комплекс вопросов мог быть решен только путем переговоров всех заинтересованных сторон. Мне неоднократно приходилось беседовать с премьер-министром Эстонии Сависааром, Латвии — Годманисом, представителем Литвы Вайшвилой. Должен сказать, что лучшее взаимопонимание установилось у меня с Эдгаром Сависааром. Во все три государства я практически сразу же направил полномочные делегации для подготовки проектов соглашений, руководители комитетов госбезопасности этих стран регулярно приезжали в Москву.

Интенсивные консультации и согласования позволили достаточно быстро выйти на подписание соглашений, в которых предусматривалось полное прекращение деятельности союзно-республиканских комитетов госбезопасности в Латвии, Литве и Эстонии. Устанавливался короткий переходный период, в ходе

которого решались все спорные вопросы. КГБ Союза брал на себя гарантии по трудоустройству и выплате социальных пособий действовавшим и бывшим сотрудникам КГБ этих государств за счет союзного бюджета. Создавались возможности для их использования в органах безопасности различных республик Союза.

К сожалению, не обошлось без сложностей. Наша кадровая служба оказалась очень неповоротливой, а на местах проявлялся вполне понятный эгоизм. Пришлось несколько раз посылать своего заместителя Н. Столярова для активизации этой работы. В Литве и Латвии начались спекуляции вокруг архивов. Некоторые лидеры не смогли удержаться от соблазна использовать полученные документы для сведения счетов со своими политическими противниками. В итоге они получили только разжигание вражды, обострение обстановки в правительственных и парламентских кругах.

Судьбу спецтехники рассматривали созданные совместно с заинтересованными сторонами экспертные группы. Отдельные виды специальной техники, автотранспорта, оргтехвооружения передавались бывшим республикам безвозмездно либо за плату; другие виды вывозились на территорию СССР.

Проблемы организации пограничной охраны решались путем установления определенного переходного периода, необходимого для подготовки прибалтийскими государствами своих кадров пограничников, для определения массы правовых вопросов, связанных с установлением визового режима, порядка въезда и выезда, механизма паспортного контроля и т. д.

Прекращение деятельности комитетов госбезопасности прибалтийских стран требовало не только двусторонних соглашений, но и односторонних мер с нашей стороны. В частности, необходимо было оказать практическую помощь в вопросах дальнейшего прохождения службы военнослужащими, трудоустройства рабочих и служащих, а также членов их семей, прибывавших из этих стран, изыскивать возможности для обеспечения их жилплощадью, создания других социально-бытовых условий. Все это было не так просто, учитывая, что во всех регионах страны с жильем и со всем остальным тоже было не густо. Особенно тяжело складывалось дело с бытовым устройством сотрудников госбезопасности в и без того истощенной Чернобылем Белоруссии, куда перемещалась значительная часть сотрудников из соседней Прибалтики. В октябре я приказал оказать помощь КГБ Республики Беларусь в создании собственного военно-строительного отдела, запланировать строительство в 1992–1995 годах здания военно-

медицинской службы в Витебске, поликлиники в Могилеве, домов в Минске.

В республиках, остававшихся в составе Союза, реформы органов безопасности (кроме России) шли почти исключительно по пути усиления их независимости от Москвы. Трудно даже было назвать это реформами, поскольку чаще всего просто менялось название комитета, он переходил в подчинение республиканским органам власти, но направления, формы, сам дух и работа серьезных изменений не претерпевали. Меня не покидало ощущение, что новые власти республик рассматривали органы госбезопасности и контроль над ними как важные символы национальной государственности, не видели здесь потенциальной угрозы демократии. А может быть, к демократии еще не пришли? Может быть, я не прав (хотелось бы быть неправым), но, по-моему, темпы реформы союзного КГБ опережали эти процессы в республиках. Мои же возможности влиять на ситуацию там были весьма ограничены.

Характер взаимоотношений КГБ СССР (МСБ) с республиканскими комитетами, сферы их компетенций и объем делегированных в центр функций определялись в двусторонних соглашениях, подготовка и подписание которых интенсивно шли в октябре-ноябре. Первое такое соглашение было подписано 8 октября — со Службой национальной безопасности Украины, за ней последовали КГБ Республики Беларусь, Министерство национальной безопасности Республики Молдова, КГБ Республики Таджикистан. В середине ноября состоялся мой первый и единственный за три месяца визит за пределы Москвы — в Казахстан и Киргизию, где у меня состоялись очень интересные и полезные встречи с руководителями этих республик и были заключены соглашения с комитетами госбезопасности.

Сложнее шел процесс достижения договоренностей с закавказскими республиками. Доверия к КГБ Союза там не было и быть не могло. Грузинское руководство во главе с Звиадом Гамсахурдиа, верное политике автаркии и самоизоляции, не проявляло желания идти на установление каких-либо контактов на межреспубликанском уровне, в том числе и по вопросам безопасности. «Грузинскую стену» мне сломать так и не удалось. Что же касается служб безопасности Армении и Азербайджана, то их объективная заинтересованность в сотрудничестве оказалась сильнее предубежденности против центра — договоры с ними в начале декабря были подписаны.

Конечно, сотрудничество с этими республиками, которые фактически находились в состоянии необъявленной войны друг с другом и с одинаковым недоверием и предубеждением

относились к центру, было не таким простым делом. Точная и объективная информация о событиях в Закавказье требовалась постоянно, однако десятилетиями налаженные традиционные каналы ее получения уже не срабатывали. От комитетов безопасности Армении и Азербайджана информацию мне давали часто неполную или «подправленную».

Я считал главным принципом взаимоотношения с закавказскими республиками невмешательство в противоборство сторон. Звучавшие порой обвинения — особенно часто из уст Гамсахурдиа — по поводу «провокаций КГБ» в Закавказье — не более чем вымысел, хотя и не столь безобидный.

К началу декабря из всех республик, входивших в состав Союза, МСБ не имела соглашений с тремя. С Грузией, которая принципиально не шла на контакты, с Узбекистаном: все спорные вопросы были уже решены, и я планировал поездку в Ташкент для подписания документа. И, наконец, Россия.

Безусловно, главная проблема, связанная с децентрализацией, решалась в процессе создания самостоятельной службы безопасности РСФСР. В этом случае нельзя было сказать, что формировалась еще одна республиканская спецслужба. Возникала качественно новая ситуация, при которой КГБ Союза лишался какой-либо «своей» территории, что еще сильнее подчеркивало необходимость для союзного КГБ (МСБ) ограничиться координирующими функциями.

КГБ РСФСР был впервые образован 6 мая 1991 года, когда Председателем Верховного Совета России Ельциным и Председателем КГБ Крючковым (действовавшим по уполномочию Президента СССР) был подписан соответствующий протокол. За последующие четыре месяца для создания КГБ России не было сделано почти ничего. В его центральном аппарате насчитывалось едва ли два десятка офицеров, а все областные российские управления по-прежнему подчинялись КГБ СССР. Так что начинать пришлось практически с нуля.

Четвертого сентября 1991 года я издал приказ «О неотложных мерах по обеспечению формирования и деятельности КГБ РСФСР». В подчинение КГБ России были переданы все комитеты бывших автономных республик и управления по краям и областям. Управлению кадров КГБ Союза было поручено произвести передачу российскому Комитету штатной численности за счет подразделений КГБ СССР; передача осуществлялась одновременно с занимаемыми помещениями, имеющимися средствами связи, вычислительной техникой, транспортом и другим имуществом. Приказом запрещалось

препятствовать переводу сотрудников, изъявивших желание проходить службу на должностях в КГБ РСФСР. Устанавливалась принципиально новая практика, следуя которой руководители подразделений центрального аппарата КГБ СССР могли направлять любые указания в органы госбезопасности России только по согласованию с КГБ РСФСР. Для размещения центрального аппарата КГБ РСФСР предписано было на первых порах выделить то центральное здание КГБ на Лубянской площади, которое в течение десятилетий являлось символом КГБ.

Конечно, надо было быть очень наивным, чтобы надеяться создать новую огромную организацию одним приказом. Я помню, на создание МВД России в свое время понадобился почти год. Никто не спорит, трудно даже на базе КГБ создать принципиально новую службу. Проще поменять вывески. Тут всего-то надо молоток и четыре гвоздя.

Уже в сентябре я отчетливо почувствовал стремление ряда российских политиков полностью ликвидировать союзные структуры КГБ, просто переподчинив их России. Эта тенденция в полной мере укладывалась в логику тех людей из близкого и далекого окружения Ельцина, которые уже тогда взяли курс на полную ликвидацию союзной государственности и максимальное усиление атрибутов государственности России даже в ущерб интересам других республик. Подобная тенденция в какой-то момент проявилась и в подходах некоторых членов Государственной комиссии по расследованию деятельности органов госбезопасности, в состав которой, кстати, входили только российские политики. Как я уже упоминал, в середине сентября, более чем за месяц до официального срока представления заключения, Степашин направил в Госсовет СССР предложение о прекращении деятельности КГБ СССР и создании на его базе Комитета госбезопасности России. Речь, таким образом, шла о том, чтобы поменять вывеску с «КГБ СССР» на «КГБ РСФСР».

Мне такой путь представлялся не очень продуктивным. Не о себе я заботился. Плохо это или хорошо, но за свое кресло никогда не держался. Меня прежде всего беспокоило, что такой шаг будет открытым вызовом другим республикам и поощрением сепаратистских тенденций. Такая политика работала не на сохранение и без того хрупкого Союза, а на окончательный его развал. Именно с этим я не мог согласиться. Кроме того, это бы инициировало и без того сильные тенденции в республиках на «захват» общей для всех служб безопасности собственности (радиоперехват, связь, инфраструктура, здравоохранение, стройбаза). Все они в не меньшей степени, чем Россия, могли

претендовать на «свою» долю «наследства» от союзного КГБ. Кроме того, с корнем рушилась общая для всех республик система безопасности, а новая, «объединенная», еще не была создана даже как концепция (разведка, контрразведка, погранвойска, оборона, армия, ВПК, энергетика и т. д.).

В тот момент только с помощью Б. Н. Ельцина мне удалось отстоять свою точку зрения, которая базировалась на убежденности в необходимости сохранить межреспубликанские структуры. Комиссия Степашина также изменила эту свою случайную, извне привнесенную позицию, поддержав в конечном счете создание МСБ, ЦСР СССР и объединенных пограничных сил. До тех пор, пока существовал Союз, такой подход был единственно возможным и разумным.

Другая часть трудностей, которая возникала при создании КГБ России, могла быть отнесена к межведомственным и чисто личным противоречиям, на мой взгляд, неизбежным при выделении одной организации из другой. Я исходил из того, что КГБ России сам должен разработать структуру, функциональную подчиненность подразделений и штатную численность. Как и в других случаях, я считал интересы республики первичными. Однако следует признать, что эта общая установка не всегда срабатывала, когда дело доходило до конкретных исполнителей или вставал, скажем, вопрос о немедленном освобождении того или иного служебного помещения. Мелкие трения могли бы перерасти в конфронтацию, если бы не разумная, конструктивная позиция Виктора Иваненко, с которым у меня практически не было каких-то спорных вопросов.

К сожалению, далеко не все в руководстве КГБ России проявляли и половину такта, терпения и взвешенности, которые были присущи Иваненко. Некоторые из них свое организационное бессилие прикрывали надуманными или просто ложными обвинениями в адрес центрального аппарата и лично Бакатина. Я считал и считаю ниже своего достоинства вступать в «полемику», не считал нужным как-то специально реагировать на все эти потуги, за которыми, по моему убеждению, скрывалось одно — стремление старых кадров КГБ поменять фасад и оставить все по-прежнему. Обвиняя меня во всех смертных грехах, сами они ничего конструктивного не предлагали и предложить не могли.

Обвинения в посягательстве на прерогативы КГБ РСФСР порой причудливо и недиалектично переплетались с атаками со стороны российских структур за недостаточную активность в решении сугубо внутренних российских, входивших в компетенцию АФБ проблем. Приведу лишь один наиболее яркий пример, связанный с небезызвестными событиями в Чечено-

Ингушетии в конце октября — начале ноября 1991 года.

Как читатель, наверное, помнит, после прихода к власти Исполкома общенационального конгресса чеченского народа во главе с Джохаром Дудаевым Президент РСФСР издал неожиданный Указ о введении на территории Чечено-Ингушетии чрезвычайного положения. С самого начала я расценил эту идею как исключительно неразумную, чреватую взрывом напряженности на всем Северном Кавказе. Президента откровенно «подставили» некоторые его советники. Того же мнения придерживался и В. Иваненко. Свою точку зрения я не скрывал и Союзу вмешиваться в конфликт в Чечне не полагал возможным. Я не успел еще ознакомиться с самим Указом, как вдруг узнаю о беспрецедентном по своей неясности постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР, который поддержав Указ Ельцина, признал меры по его реализации недостаточными и возложил всю вину за это на меня, министра внутренних дел СССР Виктора Баранникова и В. С. Комиссарова. Я вынужден был обратиться к Председателю Верховного Совета России.

> «Поскольку я всегда считал, что Постановления Президиума Верховного Совета РСФСР являются документами исключительно серьезными и требуют соответствующего реагирования, довожу до Вашего сведения свое полное несогласие с содержанием подписанного Вами Постановления от 9 ноября 1991 года.
>
> Прежде всего утверждение, будто введение чрезвычайного положения является «актом благоразумия», не соответствует действительности и в реально сложившихся условиях только способствовало эскалации конфликта и сплочению антифедералистских сил.
>
> Решительно возражаю против содержащейся в Постановлении оценке деятельности Баранникова и Бакатина. Подобная оценка ничем не обоснована и является не более чем очевидной и по-человечески понятной попыткой ряда политиков, которые подвели Президента России, переложить вину на лиц, не имевших к разработке Указа и организации его выполнения никакого отношения.
>
> Прошу принять к сведению.
>
> *В. Бакатин*

12 ноября 1991 г.

P.S. В. С. Комиссарова, на мой взгляд, следовало бы поблагодарить за то, что, находясь в эпицентре напряженности, сумел предотвратить кровопролитие и тем самым оставил минимальную возможность для возобновления политического диалога, чем и воспользовались народные депутаты России, не поддержав Указ».

Тогда же 12 ноября, в Грозном, был задержан сотрудник одного из райотделов КГБ ЧИР майор Виктор Толстенев. В теленовостях в тот вечер сотрудник местного ОМОНа заявил, что судить Толстенева будет народ. Наутро труп майора был доставлен в морг. Вопиющее преступление! Но для российских «чекистов», с 4 сентября подчиненных непосредственно КГБ РСФСР, по наущению известных кадров «виновным» вновь оказался Центр, а значит, Бакатин. В телеграммах из областных, краевых, республиканских управлений КГБ, которые обильно цитировались в газетах, меня упрекали в бездеятельности и «попустительстве убийцам». А Ставропольское управление (которое, кстати, как и Чечено-Ингушское, подчинялось не Центру, а России) выразило Бакатину недоверие. Дело не во мне. Есть определенные нравственные принципы и порядочность. Можно подумать, что кто-то посчитался с мнением КГБ, когда вводил в Чечне чрезвычайное положение, заранее обреченное на провал и вызвавшее только обострение отношений между народами. Неудивительно, что и генерал Дудаев также обвинял КГБ СССР в провоцировании конфликта в ЧИР.

Вот уж поистине неистребимая привычка все свои собственные ошибки валить на КГБ.

Из письма Дудаеву: «Ваше заявление в интервью «Независимой газете» (№ 153) о некой моей причастности к событиям в Чечено-Ингушетии вызывает у меня по меньшей мере удивление. Со всей ответственностью заявляю, что каких-либо действий в Вашей республике по моему указанию или с моего ведома не предпринималось.

Выступая принципиальным сторонником решения политических, национальных и иных проблем только мирным путем, за столом переговоров, полагаю, что это особенно важно в таких сложных процессах, как обретение суверенитета и самостоятельности. Не силовое давление, а только здравый смысл, благоразумие, полное соблюдение прав человека могут обеспечить свободное развитие всех народов страны.

Вместе с тем хотел бы обратить Ваше внимание на недопустимость фактов самосуда над кем бы то ни было, тех

действий, которые привели к трагической гибели В. Толстенева».

В случае с Чечено-Ингушетией как в капле воды отразилась вся сложность и противоречивость моего положения все эти месяцы работы на Лубянке. Люди, даже облеченные властью, по-прежнему по инерции считали КГБ Союза (МСБ) ответственным за все, что происходит в любой точке СССР. Хотя республики стали самостоятельными, КГБ изменился и никакого прямого влияния на ситуацию в каком-либо регионе страны оказывать уже не мог. Но при любой конфликтной ситуации сыпались одновременно обвинения либо в недоработках МСБ («Куда Бакатин смотрит?»), либо в происках МСБ («комитетские провокации из Москвы»). Положение постоянно виноватого неизвестно за что — не из самых приятных. Противно, но что поделаешь. Не без основания приобретенная давнишняя привычка всю политическую грязь «валить» на КГБ долго, наверное, еще будет жить. Даже тогда, когда новые спецслужбы ничего общего со старым КГБ иметь не будут.

Пока пресса выискивала столь любимые ею «непримиримые противоречия» между КГБ Союза и России, а политики искали, на кого бы свалить вину за политические трудности, неуклонно шел процесс наращивания российских структур безопасности.

Я считал нецелесообразным раскалывать отдельные управления КГБ на союзную и республиканскую части. За исключением тех случаев, когда это было неизбежно (например, контрразведка, которой, как предполагалось, должны были заниматься и республиканские, и межреспубликанские органы), управления и отделы либо целиком переходили в КГБ России, либо оставались в МСБ. По моему убеждению, всегда можно было бы договориться о задействовании возможностей МСБ в мероприятиях КГБ России и наоборот.

1 ноября 1991 года в целях ускорения формирования структур Комитета госбезопасности РСФСР я приказал передать ему полностью 7-е Управление КГБ СССР, 12-й Отдел, Следственный изолятор, ряд служб Оперативно-технического управления, Военно-строительное управление с инженерно-строительными частями, военно-строительными отделами с имеющейся штатной численностью и личным составом, вооружением и техникой. Было установлено, что порядок использования сил и средств наружного наблюдения, оперативной техники определяются отдельным соглашением между Межреспубликанской службой безопасности и КГБ РСФСР, которое было накануне подписано Олейниковым и Иваненко.

К 26 ноября, когда был издан Указ Президента РСФСР № 233 «О преобразовании Комитета государственной безопасности

РСФСР в Агентство федеральной безопасности РСФСР», в центральном аппарате российской службы безопасности работали 20 тысяч сотрудников и 22 тысячи — на местах. Это была уже полноценная организация, способная самостоятельно решать крупные задачи.

После создания АФБ разговоры о «смертельных схватках» между АФБ и МСБ не окончились. Отличилась даже глубокоуважаемая мною «Би-би-си», в радиопередаче которой прозвучала жутко детективная «история». По сообщению «Би-би-си», которое было перепечатано многими советскими газетами, у меня со стола была якобы похищена секретная структура будущей МСБ. «Так как документ оказался в руках Президента РСФСР, указ о реорганизации российского КГБ был подписан Ельциным гораздо раньше намеченного срока, чтобы поспеть прежде Горбачева предъявить претензии на обладание основными боевыми силами старого союзного КГБ и поставить точку в вопросе, какой КГБ главнее».

Прочитав или услышав подобный, мягко говоря, бред, каждый профессионал, мало-мальски знакомый с «кухней» ведомственного и «президентского» нормотворчества, конечно, посмеется, но авторы подобных фальшивок хорошо знают, что среди читающей публики далеко не все профессионалы и она (публика) с ходу клюет на подобные «сенсации», тем более касающиеся КГБ. Но здесь авторы явно перебрали. Только полный идиот мог поверить, что Президенту России могло прийти в голову засуетиться, получив «в руки» выкраденную(?!) структуру МСБ.

Во-первых, в той мере, в какой это интересовало Бориса Николаевича, я информировал его и советовался с ним о вариантах структуры МСБ.

Во-вторых, эта «секретная» схема была абсолютно несекретной и широко обсуждалась всеми, кто проявлял к этому интерес, включая журналистов и депутатов.

В-третьих, нет и не может быть никакой связи между структурами МСБ и АФБ — это принципиально разные организации.

В-четвертых, все, что просило руководство АФБ передать из старого КГБ в ее ведение, было передано, и здесь абсолютно не требовалось вмешательства Президента России. Это слишком мелко для его уровня.

Я не настолько наивен, чтобы считать, что надо опровергать газетную чепуху, что после опровержения очередной теле- или газетной «утки» средства массовой информации прекратит заниматься дезинформацией. Конечно, нет. Для профессионала-

дезинформатора опровержение все равно, что масло в огонь. Пока будут политики, будет спрос на дезинформаторов. Конца этому не будет. Так что лучше не возмущаться. Как писал в свое время Марат, «поскольку клевета на меня возводилась продажными перьями, я противопоставлял ей презрение». Как видим, времена меняются, но нравы не очень.

Чтобы лишить политиканствующих деятелей в аппарате МСБ и АФБ удовольствия распространять сплетни и побудить их заняться будничной тяжелой работой, мы с В. Иваненко решили выступить с совместным заявлением:

«В последнее время в средствах массовой информации появляются многочисленные сообщения по поводу якобы существующих непримиримых противоречий между Межреспубликанской службой безопасности и Агентством федеральной безопасности России. В распространение этих домыслов вносят вклад и некоторые сотрудники бывшего КГБ СССР.

Со всей ответственностью хотели бы заявить, что подобные заявления лишены каких-либо серьезных оснований. Руководство и МСБ, и АФБ максимально заинтересовано как в скорейшем становлении сильных и дееспособных органов госбезопасности России, которая, единственная из всех республик, не имела службы безопасности, так и в обеспечении координации деятельности спецслужб всех суверенных государств. АФБ России формируется на основе части центрального аппарата бывшего КГБ Союза, ему предоставляются необходимые кадровые и материально-технические возможности.

Конечно, формирование АФБ и реформирование МСБ — процесс сложный, не исключающий возможности известных разногласий по частным вопросам. Но эти разногласия вовсе не носят принципиального характера и разрешаются на основе взаимосогласованных договоренностей.

Полагаем, что информация о «соперничестве» МСБ и АФБ России имеет целью посеять семена раздора между этими двумя организациями и наносит вред общему делу обеспечения безопасности России и других суверенных государств.

В. Бакатин В. Иваненко.

29 ноября 1991 г.»

Однако будущее МСБ и АФБ России зависело уже не от Бакатина и Иваненко. Оно решалось в тех драматических политических схватках, которыми был отмечен последний месяц 1991 года, последний месяц существования Союза Советских Социалистических Республик.

Вадим Викторович Бакатин с матерью Ниной Афанасьевной и дядей Владимиром Афанасьевичем Куликовым, 1970 г.

На стройке в Кемерово после окончания института, начало 60-х годов

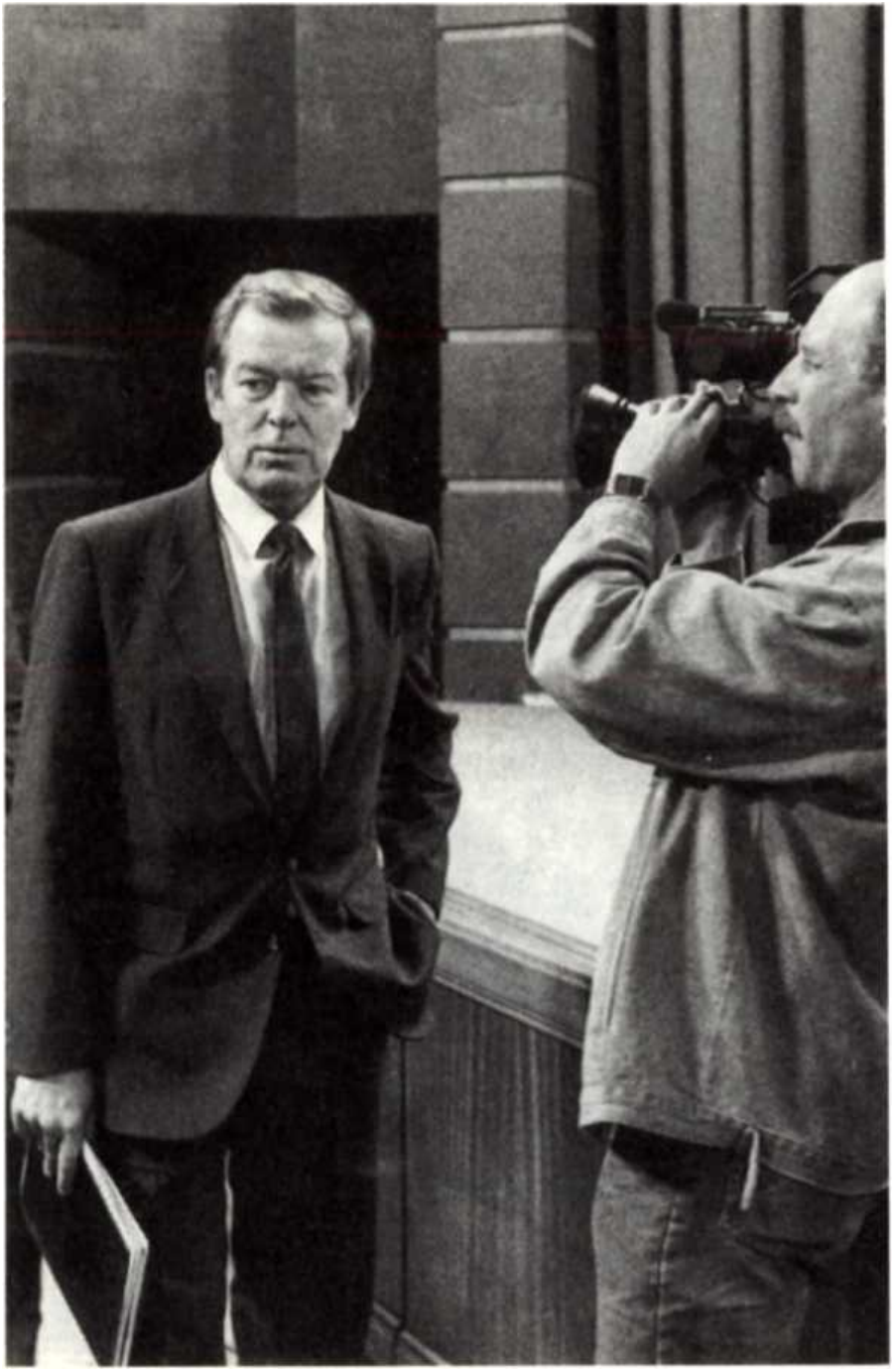
Семья Бакатиных, 1970 г.: Людмила Антоновна (жена), Александр (старший сын), Дмитрий (младший сын), Вадим Викторович

В редкие минуты отдыха с женой

По традиции минувшего времени первый секретарь обкома КПСС должен был инспектировать заводы, фабрики, фермы…

С председателем колхоза «Путь Ленина» Кировской области Александром Червяковым, 1986 г.

На сессии Верховного Совета СССР, 1989 г.



После первой пресс-конференции В. Бакатина в качестве Председателя КГБ, 31 августа 1991 г.

Перед «выходом» на трибуну Мавзолея 1 мая 1990 г.

Перед «выходом» на трибуну Мавзолея 1 мая 1990 г.

Возложение венка к могиле Неизвестного солдата, 10 ноября 1990 г.

Во время визита на Украину в 1990 г. в качестве министра внутренних дел СССР

Подписание соглашения с Председателем Комитета госбезопасности Армении У. Арутюняном, 11 декабря 1991 г.

Подписание соглашения с Председателем Комитета госбезопасности

Азербайджана И. Гусейновым, 11 декабря 1991 г.

Передача документов по делу Р. Валенберга представителям Посольства Швеции в СССР, 1991 г.

Во время визита председателя Национального собрания Франции Л. Фабиуса в Москву, май 1990 г.

Во время беседы с госсекретарем США Дж. Бейкером в КГБ, сентябрь 1991 г.

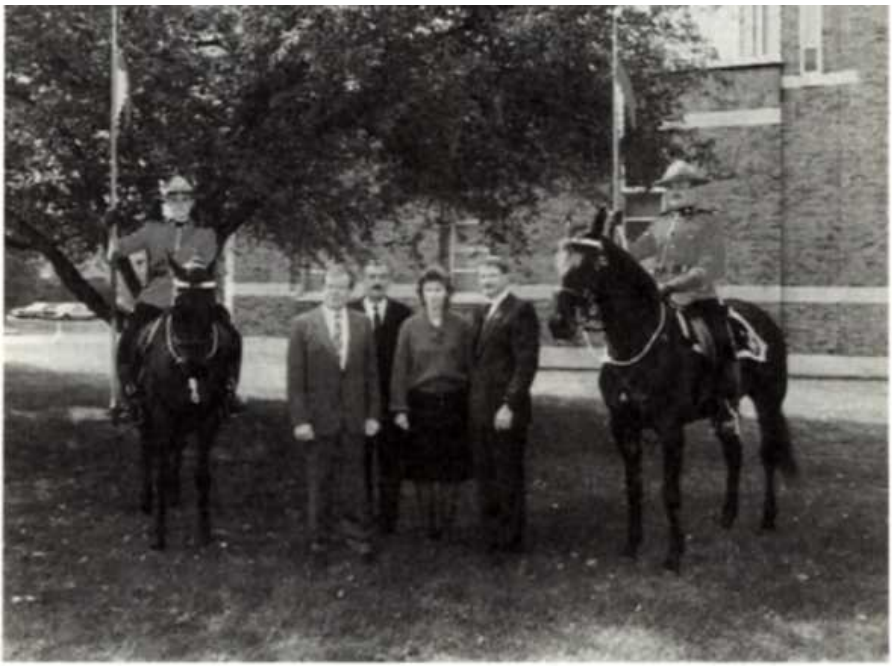
Встреча с министром юстиции ФРГ К. Кинкелем, октябрь 1991 г.

С министрами внутренних дел России В. Баранниковым (справа) и

Австрии Ф. Лешнаком, ноябрь 1990 г.

Подписание соглашения с премьер-министром Эстонии Э. Сависааром о будущем органов безопасности этого государства, 1991 г.

Во время беседы с министром внутренних дел Франции П. Жоксом у А. Яковлева, 1990 г.



Делегация СССР на сессии Интерпола с начальником Королевской канадской конной полиции комиссаром Н. Инкстером

6. Законность

…святыня личности — именно в живой свободе ее, в пребывании выше всякой схемы.

Павел Флоренский

Всемогущество КГБ в советской системе определялось в первую очередь тем, что он стоял над законом. Любое нарушение закона недопустимо. Но все оценки становятся слабыми, когда это нарушение совершается государством. Когда это делается систематически и тайно. Когда при этом, фарисейски глядя в глаза, лгут о «святости» закона для «чекиста». И, главное, закон нарушается в отношении основополагающих прав и свобод человека. Сколько десятилетий в Конституциях СССР — и сталинской, и брежневской — были записаны права граждан на свободу слова, печати, собраний, вероисповедания. Но ни одного из этих прав у граждан не было, и именно КГБ специально следил за тем, чтобы эти свободы никогда не были реализованы. Работала система, основанная на насилии и лжи, взаимосвязь которых блестяще определил в своей Нобелевской лекции Александр Солженицын. «…Насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а лжи нечем удержаться, кроме как насилием. Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом».

Немало мужественных людей, журналистов, публицистов, писателей, жертв и свидетелей раскрыли и гражданам, и миру весь ужас системы КГБ. Конечно, методы работы Комитета менялись. Есть разница между расстрелом заложников и информацией-доносом в Политбюро. Но беззаконие как сущность оставалось.

Соединить то, что еще не было соединено в советской истории — деятельность спецслужб с законностью, — в этом я видел одну из главных задач.

Задача оказалась архисложной. Законы принимают законодатели. Истина банальная. Но законодателям в те месяцы, которые я проработал в КГБ, было не до законов. Комитет работал в условиях отсутствия правовой базы и в годы застоя, и в годы перестройки, и в месяцы «пост-перестройки». Майский 1991 года закон о КГБ являлся осколком прошлого. Тем не менее и он формально и фактически не действовал.

Ситуация правового вакуума ставила сотрудников Комитета

перед дилеммой: либо руководствоваться старой подзаконной, не соответствующей демократическому государству базой, либо бездействовать. Дилемма решалась просто. Бездействие при старой подзаконной базе.

Особое мое беспокойство вызывало отсутствие закона об оперативно-розыскной деятельности, где были бы в первую очередь оговорены те вопросы, которые вызывали наибольшую озабоченность в обществе, — использование наружного наблюдения, прослушивание телефонных разговоров и т. д. Принятия такого закона я добивался, еще будучи министром внутренних дел, но воз был и ныне там[1].

В одном из первых приказов я дал поручение «в установленном порядке внести на рассмотрение законодательных органов предложения по созданию правовой основы и усилению контроля за использованием в определенных видах оперативно-розыскной деятельности наружного наблюдения, оперативно-технических и других средств. Внести необходимые изменения в инструкции КГБ СССР, регламентирующие порядок их использования». При разработке этих законодательных предложений юристы Комитета использовали и имевшиеся в самом КГБ здравые наработки, внимательно изучали мировой опыт правовой регламентации оперативно-розыскной деятельности, активно взаимодействовали с соответствующими комитетами в Верховных Советах Союза и РСФСР.

Беда заключалась в том, что эти законы некому и некогда было принимать. Клубок нараставших проблем в социально-экономической, государственно-политической областях, стремительная дезинтеграция Союза вынуждали российских законодателей заниматься неотложными проблемами выживания республики, а союзных — вопросами собственного выживания. У парламентариев не нашлось времени для определения каких-либо правовых основ деятельности спецслужб. А. был ли парламент?

По существу, все изменения в законодательстве об органах госбезопасности, которые произошли во второй половине 1991 года, были связаны лишь с деятельностью Комитета конституционного надзора СССР во главе с Сергеем Алексеевым. Еще в июле комитет признал несоответствующим Конституции пункт 19 статьи 12 Закона СССР о советской милиции, согласно которому правоохранительные органы имели право выносить «официальные предостережения» о недопустимости нарушения законности в сфере экономики. Узаконенная форма запугивания и шантажа предпринимателей. После моего прихода в КГБ с удивлением узнал, что и там действовала инструкция, которая подобную практику разрешала. Инструкцию я отменил.

В декабре Комитет конституционного надзора проанализировал указы и законы об органах госбезопасности и милиции и признал, что многие их положения входят в противоречие с международными обязательствами нашей страны, нарушают права человека и нуждаются в изменении. Так, члены комитета сочли необходимым оградить частные и государственные предприятия от неограниченных проверок органами госбезопасности и милиции, в ходе которых они имели право изымать документы, опечатывать предприятия и склады. Тогда же ККН принял постановление о признании не имеющими силы ряда пунктов в законах о милиции и госбезопасности. В частности, это касалось права беспрепятственного входа в квартиры граждан, пользования их телефонами и т. д. Скажем прямо, изменения эти были очень важны, но совершенно недостаточны для создания надежной правовой основы для деятельности спецслужб.

Что оставалось делать? Оставалось взывать к гражданской совести своих подчиненных, как я это делал на одном из совещаний руководства Комитета: «Работая в правовом вакууме, мы должны обладать достаточным внутренним чувством общей демократичности, общей правовой культуры, пониманием прав гражданина, человека, чтобы не перешагивать нормы и рамки, которые у нас пока определены только подзаконными актами, подзаконными ведомственными инструкциями». Оставалось также менять сами эти инструкции.

Одно из главных нарушений прав человека, которое допускало КГБ, заключалось в бесконтрольном прослушивании телефонных разговоров граждан. Законодательной основы для подобного рода деятельности в СССР не существовало никогда. Был подзаконный акт, утвержденный Советом Министров в 1959 году, который оставлял широкое поле для злоупотреблений.

В принципе, я мог бы запретить прослушивание вообще. Но я полагал, что тем самым парализовал бы разработки по многим опасным преступникам, которые вели и КГБ, и МВД. Надо было проявить выдержку. Подождать, когда будет принят закон, четко очерчивающий круг преступлений, по которым прослушивание допустимо, и круг лиц, имеющих право дать санкцию на прослушивание. Например, в Англии, если мне не изменяет память, таким правом обладают всего три министра — иностранных, внутренних дел и по делам Ольстера. Правильно было бы также выделить 12-й Отдел из КГБ в самостоятельное ведомство, действующее строго с санкции уполномоченных на то законом лиц.

Однако закона не было. Пришлось наводить хоть какой-то

порядок самому, исходя из реалий. Запросил список всех прослушиваний. Откровенно говоря, я ожидал большего беспредела. Оказалось, что всего прослушивают 700 телефонов, причем в представленном мне списке каждый случай был вроде бы благопристойно обоснован: подозрение в шпионаже, махинаторы, террористы, валютчики. В списке не было и намека на тех лиц, которые, как выяснилось позднее, прослушивались по политическим мотивам до и во время путча.

26 августа я издал приказ, которым приостановил до особого распоряжения исполнение заданий на проведение мероприятий, осуществляемых по линии 12-го Отдела, за исключением мероприятий по делам оперативного учета, заведенных на разведчиков и агентов иностранных государств, а также по делам с окраской организованная преступная деятельность в сфере экономики и управления, контрабанда, терроризм. Уровень санкции был поднят до начальников и первых заместителей начальников управления КГБ. Инспекторское управление получило задание осуществить проверку оперативной деятельности 12-го Отдела в период с 15 по 22 августа.

Через месяц в связи с ограничением функций и сокращением объема оперативной деятельности 12-го Отдела я отдал приказ о сокращении его численности на 30 процентов.

Проверки, проведенные Инспекторским управлением, комиссиями Олейникова и Степашина, выявили полную картину существовавшей практики использования Комитетом госбезопасности оперативно-технических средств, перечень которых далеко выходит за рамки только аппаратуры прослушивания. Были вскрыты факты, для меня не неожиданные, подтвердившие ранее отрицавшуюся и замалчивавшуюся практику неправомерного проведения негласных оперативно-технических мероприятий, в ходе которых нарушались конституционные права и свободы граждан, осуществлялось вмешательство в частную жизнь, ставилась под угрозу личная безопасность, велась политическая слежка. КГБ фактически проигнорировал принятые в 1990–1991 годах решения Комитета конституционного надзора о прекращении действия всех неопубликованных правовых актов и продолжал осуществлять прослушивание и другие оперативно-технические мероприятия на основании постановлений и инструкций, которые почти никто за пределами КГБ никогда не читал.

По результатам проверок появился приказ Председателя КГБ от 9 октября 1991 года. Согласно ему, категорически запрещалось использование оперативно-технических средств для получения информации, не относящейся к компетенции органов

госбезопасности и не связанной с выявлением фактических обстоятельств по конкретному делу. Любые оперативно-технические мероприятия могли проводиться только по делам оперучета и уголовным делам в целях выявления и пресечения разведдеятельности иностранных спецслужб, преступлений, борьба с которыми относилась к ведению органов госбезопасности в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, а также тяжких форм организованной преступности, включая терроризм, наркобизнес, хищения в особо крупных размерах, совершенных должностными лицами, коррупцию, контрабанду и незаконные валютно-банковские операции.

Этим же приказом я прекратил порочную практику, согласно которой, в нарушение конституционного принципа равенства всех перед законом, запрещалось проведение оперативно-технических мероприятий в отношении лиц, занимавших руководящие посты в КПСС и государственных органах. Сколько преступлений, выходящих на верхние (и даже не самые верхние) эшелоны власти, никогда не были расследованы, прекращались из-за того, что существовали подобные инструкции, ограждавшие «крупных птиц»! Вместе с тем приказом было предписано строго выполнять предусмотренные законом нормы о депутатской неприкосновенности, неприкосновенности судей и народных заседателей.

Были также предложены меры, призванные ознакомить людей с их правами, гарантировать их доступ к относящимся к ним данным. Руководителям органов госбезопасности всех уровней было приказано обеспечить в случае обращения граждан разъяснение мотивов предусмотренных законом ограничений их прав, предоставление любой касающейся их лично информации, если ее разглашение не нанесет ущерба интересам других лиц, госбезопасности.

Юридическому отделу КГБ было предписано в месячный срок совместно с МВД СССР и Министерством юстиции СССР доработать проект Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и подготовить предложения о внесении его на рассмотрение Верховного Совета СССР. Одновременно во исполнение требований Комиссии конституционного надзора СССР приказывалось за тот же период переработать и подготовить к опубликованию ведомственные нормативные акты о применении оперативно-технических средств.

Из газеты «Рабочая трибуна» от 28 ноября 1991 года:

«Нетелефонный разговор с руководителем

Межреспубликанской службы безопасности Вадимом Бакатиным.

В последнее время телефонные собеседники часто прерывают себя на полуслове: это не телефонный разговор, говорят они. Но почему же?

В ответ на это напоминание обычно следует усмешка знатока: знаем, мол, как в КГБ чтут законы. Так вот теперь чтут.

На прямой вопрос о возможности подслушивания чужих телефонных переговоров Вадим Викторович ответил, что служба безопасности прослушивает меньше ста абонентов. Абсолютно все эти действия согласованы с органами прокуратуры и связаны с конкретными уголовными делами, возбужденными в связи с проявлением организованной преступности и шпионажем.

— Значит, с девушками можно договариваться без огласки?

— Не только с девушками. Коммерческие или политические переговоры тоже вне сферы интересов наших служб».

КГБ изначально и прежде всего был органом политического сыска. Без этого КГБ как КГБ представить себе было невозможно. Не расформировать подразделения, прямо занимавшегося политическим сыском, — Управления «З», было невозможно.

Начал я с 4-го отдела Управления «З», который осуществлял наблюдение за религиозными организациями, оказывал негласное влияние на их деятельность через вербовку агентов в церковной среде. Нарушения конституционных норм — об отделении церкви от государства и о свободе совести — здесь были наиболее вопиющими. Приказом от 4 сентября я упразднил 4-й отдел, его дела были сданы в архив, а еще через две недели все Управление «З» прекратило свое существование. Управлению кадров было поручено либо решить вопрос об использовании его бывших сотрудников с учетом их деловых и личных качеств на действительной службе, либо принять меры по трудоустройству высвобождающихся работников в соответствии с действующим законодательством. Там было немало специалистов, знающих межнациональные отношения, или почерковедов, их профессиональные качества могли быть использованы.

С этого момента слежка, или политический сыск, или надзор по политическим мотивам — назовите как угодно, — были прекращены полностью. За это я мог ручаться. Конечно, следовало выработать четкую концепцию, опирающуюся на закон, определяющую задачи спецслужб по исключению и пресечению нелегальных политических группировок, запрещенных законом, ставящих цели насильственного свержения власти, вынашивающих человеконенавистнические планы, пропагандирующих фашизм, шовинизм, насилие.

Важное место в системе КГБ занимал институт, на

профессиональном языке именуемый «офицерами действующего резерва». Это были сотрудники Комитета, официально работавшие во всех более-менее значимых государственных учреждениях и общественных организациях. Чаще всего о том, что эти люди были сотрудниками КГБ, в самих ведомствах знал широкий круг лиц, если не все. Офицеры действующего резерва выполняли широкий круг функций — от обеспечения режима секретности до отслеживания умонастроений сотрудников и принятия «соответствующих мер» в отношении инакомыслящих.

Я считал необходимым прекратить подобного рода практику. Исходил при этом из того, что только там, где руководитель самого ведомства полагает нужным по тем или иным соображениям иметь у себя офицера безопасности, мы будем его держать. В тех же случаях, когда та или иная организация просила избавить ее от присутствия офицеров действующего резерва, ее просьба незамедлительно выполнялась. Хотя должен сказать, что мне приходилось сталкиваться с ситуациями прямо противоположными, когда руководители организации желали оставить или настаивали на прикомандировании к ним сотрудников КГБ.

В конце концов, если спецслужбе требуется иметь по оперативным соображениям своего сотрудника или агента в каком-то ведомстве (а такой возможности в принципе исключать нельзя), она может иметь его негласно, так, чтобы об этом никто в ведомстве не знал. Что же это за секретная служба, если в ее сотрудников тычут пальцем?

Еще одна проблема, прямо связанная с правами граждан, касалась свободы въезда и выезда из страны. Не секрет, что долгие годы КГБ вместе с партийными органами были главным ситом, которое просеивало выезжающих из СССР и приезжающих в Советский Союз. Посещение других стран, особенно «капиталистических», десятилетиями являлось недоступной привилегией для большинства граждан, а любой выезд сопровождался многократными проверками на политическую лояльность. Разрешение поехать в другую страну получали те, кто обладал, по мнению «инстанций», иммунитетом против «разлагающего влияния Запада».

Настоящим позором являлось существование списков бывших советских граждан, эмигрировавших или вынужденных эмигрировать в другие страны, которым въезд в СССР был запрещен по чисто идеологическим мотивам. В результате мы сами лишали себя, как сейчас совершенно ясно, животворных связей с российским (и не только российским) зарубежьем.

В годы перестройки, когда железный занавес рухнул и

международные контакты количественно и качественно поднялись на новый уровень, пересмотр всей прежней практики в этой области стал неизбежным. Были приняты новые законодательные акты, которые заметно либерализовали режим въезда и выезда. Но, на мой взгляд, явно недостаточно. По-прежнему существовал ряд ограничений на выезд, связанных, например, со знакомством выезжающих с какой-то сверхсекретной информацией. Можно было не соглашаться с теми или иными положениями законов, говорить, что секретную информацию передают, и не покидая территории СССР, что многие носители секретов (хотя бы те же члены правительства) все равно ездят за границу, но эти законы ни КГБ, ни я, как его руководитель, преступить не мог. Тем более что контроль за их соблюдением был законодательно возложен на органы госбезопасности.

Из декабрьского интервью «Литературной газете»:

«Вопрос. Через вашу службу по-прежнему проходят документы на тех лиц, которые выезжают за рубеж, а также списки людей, которых не хотят впускать к нам из-за границы. Прежнего ведомства, считай, уже нет, а порочная практика все еще продолжается?

Ответ. Я сегодня же отказался бы от проверки лиц, выезжающих за границу. Но существует закон о выезде, там упоминаются люди, знающие государственные секреты, и контроль за тем, чтобы такой «секретоноситель» не выехал за рубеж, возложен на КГБ. Согласен, что это не наше дело. Пускай проверкой занимаются руководители предприятий. Пускай человек, поступающий на секретный завод, дает подписку, что он отказывается от удовольствия пройтись по улицам Парижа. Что же касается въезда, то во всех странах существуют списки нежелательных лиц: скажем, шпионы, террористы.

Вопрос. Но какой террорист бывший диссидент Гинзбург, которого ваши службы отказывались впускать сюда?

Ответ. Александр Гинзбург и еще более чем 140 человек получили разрешение на въезд. Запрет был по идеологическим мотивам. Инерция, опять же вредная, тяжелая инерция… Последние три месяца таких запретов не было».

По вопросам разрешений на выезд и въезд я получал множество запросов — от посольств, организаций, частных лиц. В ряде случаев, когда дело упиралось в какой-то пункт закона или препятствием для выезда являлась непробиваемая позиция какого-нибудь министерства, я был бессилен помочь и мог лишь передавать документы в специальную комиссию при Президенте

СССР, которая разбирала подобного рода дела. Иногда претензии в отказе на выезд предъявляли лица, якобы политически гонимые, которые на самом деле находились под следствием за совершение вполне конкретных уголовных преступлений — вплоть до убийства. Таким помогать я не имел права.

Но тогда, когда речь шла о чисто комитетских идеологических запретах, как в случае с Гинзбургом или другими бывшими диссидентами, вопрос о въезде и выезде решался незамедлительно.

Много пересудов в свое время вызвало мое решение выпустить на Запад семью Гордиевского, которая в течение шести лет не могла к нему выехать. Я вовсе не берусь оправдывать самого Гордиевского. Но со старой идеологией, когда за преступление одного человека ответственность несла его семья, оставленная в заложниках, я мириться не мог. Есть же общепризнанная гуманитарная практика, которую СССР, к тому же официально, признал, подписав документы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

В один из первых дней моего пребывания на Лубянке по вопросу о Гордиевских ко мне обратился посол Великобритании сэр Брейтвейт. Я написал на его обращении резолюцию: «Прошу решить положительно».

На это моментально получил отписку, что это, мол, невозможно, так у нас все разведчики разбегутся. Я был лучшего мнения о наших разведчиках и настоял на своем решении. Семья Гордиевских выехала в Англию.

Одной из главных опор, на которых держался старый КГБ, была слабая информированность людей о его работе. Все, что касалось Комитета, было тайной за семью печатями, и это скрывало и преступные действия, и порой столь же преступное бездействие. В свете гласности КГБ было неуютно, он не привык считаться с общественным мнением. Конечно, далеко не все стороны деятельности спецслужб могут являться достоянием гласности, но граждане-налогоплательщики имеют право знать, на что расходуются бюджетные средства. 2 октября я подписал приказ, обязывающий регулярно информировать общественность о деятельности органов госбезопасности. В тех случаях, когда сведения имели гриф секретности, но их публикация являлась оправданной и целесообразной, предписывалось в установленном порядке решать вопрос о рассекречивании таких сведений. Было приказано оказывать всемерную помощь органам власти и управления, общественным организациям и гражданам в использовании архивных материалов органов госбезопасности для выяснения истинных обстоятельств прошлого,

восстановления доброго имени незаконно репрессированных.

Я и сам старался, как мог, доводить до сведения общественности информацию о деятельности спецслужб, об основных направлениях их реформы. Не думаю, чтобы какой-либо Председатель КГБ в прошлом, даже проработавший много лет, столько раз встречался с представителями средств массовой информации. В моем кабинете побывали корреспонденты ТАСС, Интерфакса, «Известий», «Независимой газеты», «Московских новостей», «Комсомольской правды», «Труда», «Рабочей трибуны», «Красной звезды», «Совершенно секретно», «Правды», «Московской правды»; журналисты из США, Японии, Швеции, ФРГ, Дании; команды тележурналистов из «Вестей» Российского телевидения, «ТВ-информ» Центрального телевидения, «Пятого колеса», американских «Си-би-эс», «Эй-би-си» и «Си-эн-эн», английской «Би-би-си», французской «Т-эф-1», шведского телевидения. Думаю, еще не всех вспомнил.

А еще я хотел бы принести извинения тем десяткам журналистов, просьбы которых об интервью я так и не успел выполнить.

Внутри Комитета мои выступления в прессе воспринимались как острый нож. В октябре группа анонимных «офицеров КГБ» выступила в «Российской газете» с заявлением, в котором в числе прочего мне инкриминировалась «влюбленность в масс-медиа».

С анонимами не спорят. Это обязанность любого руководителя — сотрудничать со средствами массовой информации. Кроме того, это и большой труд, и нервные перегрузки. Да и учесть надо, какое было это время после путча. Но действительно грешен — люблю общаться с умными людьми, и кто виноват, что среди журналистов их больше, чем среди нашего брата.

Встреч, интервью действительно было много. Но нередко я имел возможность убедиться, что даже журналисты, пишущие о КГБ, имели далеко не полное представление о шедших в нем преобразованиях. Что уж говорить об остальных людях, имеющих полное право на информацию. И о тех журналистах, которые встреч со мной не искали, но дезинформацию черпали «из компетентных источников».

За четыре месяца работы в госбезопасности я встречался со многими людьми. Особый отпечаток в памяти оставили беседы с теми, кто в прежние годы вступил в конфликт с КГБ, пострадал от него. Не могу сказать, что я чувствовал какую-то личную ответственность за беззакония прошедших лет. Однако порой трудно было избавиться от ощущения вины перед теми, кто самоотверженно боролся тогда, когда подавляющее большинство

людей, и я в том числе, продолжали плыть по течению.

Незабываемы встречи с Еленой Боннэр, вдовой академика Сахарова, разделившей с ним и годы преследований, и горьковский плен. К своему стыду, я даже не знал всего о той мужественной борьбе за человеческое достоинство, которую вела Елена Георгиевна вместе со своими, по нашим союзным масштабам, не очень многочисленными соратниками — людьми совести (для нас «диссидентами»). Ее, человека исключительной интеллигентности, врожденной порядочности, тяготы беспричинных опалы и изгнания не только не ожесточили, но сделали еще более чувствительной к любой неправде, несправедливости. Чем мог, я старался оказать ей поддержку. Искали документы об Андрее Дмитриевиче, о других близких ей людях, которых не обошел жернов преследований старого режима.

Генерал Олег Калугин, уже в годы перестройки лишенный воинского звания, пенсии за то, что осмелился честно рассказать о порядках и нравах, царивших в КГБ. Он один из первых попросил о встрече, и в дальнейшем откровенные разговоры с ним немало помогли мне в работе по реформированию Комитета. Калугин был полностью восстановлен в своих правах.

Интересной была встреча с Владимиром Буковским, своеобразным символом советского диссидентства. Около десяти лет провел в психиатрических лечебницах, тюрьмах, лагерях за выступления в защиту Даниэля, Синявского, Гинзбурга, Галанскова, за предание гласности материалов о политических злоупотреблениях в психиатрии, пока его не обменяли на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана.

Буковский в моем кабинете. Интерес к столь необычной встрече проявило телевидение, благодаря которому за ней наблюдали миллионы людей. Приведу комментарий этой встречи А. Плутника из «Известий», которой, на мой взгляд, неплохо «схватил» ее атмосферу:

«Не допрос, с одной стороны, и не обличение — с другой. Просто дружеская беседа, в которой участвовали Владимир Буковский и Вадим Бакатин, два известных человека. Обмен любезностями при знакомстве: «Вы — первый Председатель КГБ, с которым я встречаюсь». — «Я — первый Председатель КГБ, который совсем мало знает о вас».

При том, что беспрецедентной встречу, пожалуй, не назовешь (о прецеденте позже), она, несомненно, стала подлинной сенсацией на телевидении. Не так-то часто при жизни нашего поколения руководитель видного ведомства на наших глазах вел спокойный и мирный диалог с тем, кому деятельность Комитета

так хорошо знакома. Не только с лица, но и с изнанки.

Показалось, правда, что участники разговора излишне нервничали, взволнованные и смущенные присутствием друг друга. А более всего — некоей искусственностью, если не сказать театрализованностью, поставленностью действия, по своей сути менее всего рассчитанного на публичность…

…Невозможное вчера становится возможным. Такое время — время ломки стереотипов. Но в принципе, как не трудно вспомнить, похожая встреча на нашей памяти уже была — разрекламированная в свое время встреча тогдашнего министра внутренних дел с «серым волком», вором в законе, тоже впоследствии писателем Ахто Леви… Как выяснилось с годами, та встреча оказалась чистейшей воды показухой. Что будет сейчас? Другое время. И подозрительность теперь вряд ли уместна. Впрочем, окончательный вывод на этот счет еще предстоит сделать. Со временем».

Журналист «Известий» был прав: делать выводы о необратимости перемен было рано. Трудно было давать гарантии ненарушения прав граждан со стороны спецслужб, пока жива приверженность, хотя бы части их сотрудников, старым традициям «чекизма».

Конечно, когда я пришел в КГБ, он уже не был прежним монолитом, слепо выполняющим любые распоряжения компартии и любые приказы любого начальства. И августовские события 1991 года это хорошо продемонстрировали. Комитет не был однороден, перестройка привела к тому, что там, как и во всем обществе, были люди самых различных идейных ориентаций. Но столь же очевидно и то, что в целом его состав, куда подобрались люди, «проверенные партией», был более консервативен, чем общество в целом.

Традиции «чекизма» живучи, бороться с ними трудно, и это я в полной мере испытал на себе. Недостаточно было распустить партком КГБ, который 19 августа на своем заседании поддержал ГКЧП, а 23 августа в том же составе осудил путч. Недостаточно было уволить консервативную верхушку Комитета.

Необходимо, чтобы изменилась психология людей, которые работают в органах. Нужна деидеологизация, иначе будут возникать проблемы при любой смене власти. Будут у власти, скажем, социалисты, так спецслужбы начнут гоняться, к примеру, за христианскими демократами.

С кем бы из сотрудников Комитета я ни беседовал, почти все они говорили, что были против путча, против марксизма-ленинизма, все они — за рынок, за плюрализм, за демократию. Но у меня были все основания, чтобы сомневаться в их

искренности.

Из интервью журналу «Шпигель»:

«Вопрос. Вам приходится работать со старыми сотрудниками, и, вероятно, в них живет старый дух?

Ответ. Как везде, в обществе и здесь, есть люди разные. Много есть профессионалов и экспертов очень достойных. Я надеюсь, что могу опереться на это твердое ядро. А идеологических догматиков придется отправить на покой.

Вопрос. Это значит, что Вам немалая работа предстоит.

Ответ. Ситуация неблагоприятна для КГБ. Как новый руководитель, вышедший не из недр этой службы, я не всегда щажу профессиональную гордость наших людей и многим при этом рискую. Но мне бы не хотелось приспосабливаться, хочу оставаться самим собой.

Вопрос. Что Вы говорите тем из Ваших сотрудников, которые заявляют, что они наследники традиций ЧК, что они чекисты?

Ответ. Им я говорю — традиции чекистов искоренять надо, чекизм как идеология должен исчезнуть. Руководствоваться нужно законом, а не идеологией. По-другому не может быть, особенно в таком учреждении, как это…

Вопрос. Получается, что люди, воспитанные в духе чекистов, должны сейчас встать на защиту демократии?

Ответ. Но других-то профессионалов у нас нет. Нельзя же всех уволить со службы. Сейчас вся страна, воспитанная в тоталитарном духе, должна встать на путь демократии. Так что это проблема не только наша».

Да, не самое приятное — работать с теми самыми людьми, которые преследовали диссидентов, травили Сахарова, пусть даже они выполняли приказы. Но ведь все мы в Советском Союзе из одного мира, из одного общества, из одной системы. Все. И что же? Убрать всех тех людей и откуда-то взять новых? Куда убрать? Кто возьмет на себя ответственность быть судьей? Я думаю, все люди, каждый из нас, меняются. По крайней мере, должны меняться. По сути. И вопрос был в том, способны ли люди, остающиеся в спецслужбах, измениться или нет. Большинство, я полагаю, способно, а иного горбатого, как говорят, могила исправит.

Насколько успешно мне удалось справиться с задачей искоренения чекизма? Неуместен сам вопрос. То, что насаждалось 74 года, за три месяца не искоренить. Это люди. Психологию, привычки, убеждения можно и нужно менять. Бывают драматические дни, события, которые ускоряют этот процесс, но все равно здесь нужно другое «бытие» и время. А

после того как «кадры» поняли, что я не буду щадить дутого «чекистского» самовозвеличивания, почувствовал скрытую, тайную внутреннюю оппозицию. Неоднократно приходилось сталкиваться с фактами волокиты, нарочитого непонимания, дезинформации, утаивания какой-то информации. Один генерал сказал как-то в своем узком кругу: «Захотим, он вообще ничего не узнает». И он был прав. Но со временем я бы узнал. Узнал же я об этом генерале.

20 декабря в клубе бывшего КГБ отмечался день чекиста, как обычно, звучали речи о «славных традициях». Единственное, чего не было — это традиционного поздравления Председателя. Я не мог считать день подписания декрета 1917 года о создании ЧК праздником. Этого мне тоже простить не могли.

Человек, который пришел упразднять КГБ, упразднять «чекистский дух», такой человек не может быть «своим». Это совершенно понятно. И хотя у меня появилось немало единомышленников, начала налаживаться реальная работа, я не считал, что в Комитете меня поддерживает большинство.

И я не считаю, что спецслужбы уже стали безопасными для граждан. Нет законов, регламентирующих их деятельность, нет системы контроля, идеологической перестройки, адекватной нормам демократического правового государства. Этого не удалось довести до конца мне, пусть это удастся кому-то другому.

7. Архивы

Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу.

Евангелие от Марка

Пожалуй, ни один вопрос, связанный с КГБ, не вызывал такого внимания со стороны журналистов, ученых, общественности, как архивы Комитета. Просьбы о допуске к тем или иным архивным фондам чуть ли не ежедневно поступали в КГБ и к его Председателю. По поводу «архивов Лубянки» ломались копья различных мнений, громоздились домыслы и слухи.

Едва ли ни одним из первых своих послепутчевых Указов Президент России Б. Ельцин потребовал немедленной и полной передачи архивов КГБ на государственное хранение. Но, ознакомившись с моими доводами, согласился дать возможность разобраться с этой непростой проблемой.

Что же такое архивы КГБ?

Прежде всего это Центральный архив КГБ, в котором хранятся приказы ВЧК — КГБ с 1917 года, архивные следственные дела на граждан, подвергшихся незаконным преследованиям за политические убеждения, копии протоколов заседаний несудебных органов ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ, материалы о деятельности разведывательно-диверсионных групп, действовавших в тылу фашистских войск, и т. п. Вместе с филиалами но областям ЦА КГБ располагает около 650 тысяч дел. Аналогичные по составу и содержанию архивные фонды имеются в КГБ бывших республик и управлениях КГБ по краям и областям. Суммарный объем их составляет 9,5 миллиона дел.

Кроме того, в архивах бывших главных управлений КГБ — около 470 тысяч дел, отражающих специфику их работы.

Таким образом, архивы бывшего КГБ включают в себя более 10,6 миллиона единиц хранения материалов различных по содержанию и актуальности. Существенная часть их включает сведения государственной важности, а не только «ведомственные секреты».

По архивам КГБ проходят граждане нашей страны и иностранные граждане, чьи интересы должны быть защищены. И наоборот, интересы огромного числа граждан и общества в целом

требуют раскрытия архивов, организации к ним доступа.

Бесценные подлинные документы трагической истории великой страны, практически не введенные в научный оборот. Разгадки множества тайн, ключ к выяснению судеб миллионов безвинно пострадавших. Материалы оперативных дел и агентурной работы. Святая святых государства. Огромное богатство, которое обязательно следовало сохранить для будущих поколений.

Задача сохранения архивов сразу же встала для меня в практическую плоскость. В первые послепутчевые дни в газетах появились сообщения из «достоверных источников» о массовом сожжении архивов на Лубянке. Первое указание нового Председателя КГБ касалось категорического запрета на уничтожение каких-либо материалов из архивов. Конечно, это не спасало и не могло спасти документы, относящиеся к путчу: любому понятно, что их не было в архивах, они находились в сейфах и рабочих столах руководителей. И, нет сомнений, многие документы были уничтожены.

Но что делать с архивами? С разных сторон шли призывы открыть сведения на агентуру, чтобы народ знал «кто есть кто», и сделать архивы общедоступными. Одновременно с этим мест от сотрудников КГБ поступали десятки предложений, чтобы не допустить невосполнимого «ущерба госбезопасности» в случае их захвата и обнародования, все архивы сжечь.

Опасность вандализма в отношении архивов тогда действительно существовала. Слишком многие были заинтересованы в их уничтожении или, наоборот, надеялись на использование материалов КГБ для политического шантажа. Но я категорически выступал против такого радикального предложения. Архивы надо сохранить и ни в коем случае не позволить «под шумок» спрятать «концы в воду».

Другое дело, как в последующем поступать с архивными материалами. Безошибочная позиция — нужен закон об архивах, который все расставит по местам.

Что же касается самого острого в те дни требования — немедленно открыть досье на агентуру и, как выражались «вольные» журналисты, на «стукачей». Я категорически был против этого.

Первый раз свою позицию в вопросе об архивах я изложил в заявлении «Независимой газете», которое было напечатано уже 29 августа:

«В связи с выступлениями в «Независимой газете» и ряде других изданий по поводу необходимости обнародовать досье на «миллионы тайных агентов и осведомителей КГБ» считал бы

необходимым заявить следующее. Я уверен, что открытие этих досье не только нецелесообразно, но и крайне опасно.

Виноваты не люди, а система, которая в годы тоталитаризма с пионерских лет воспитывала людей в таком духе, что они нередко становились добровольными или невольными осведомителями. Подавляющее большинство из них — честные люди, ничем иным себя не запятнавшие. Призывы «открыть архивы» могут только еще больше расколоть наше и без того больное общество. Одержав решительную победу, демократическим силам сейчас самим важно не опуститься до постыдной «охоты на ведьм». Сейчас время собирать камни, время залечивать раны, а не бередить их.

Ни в одной стране, где победили демократические революции, подобные досье не были открыты[2]. Не будет этого и у нас, пока я нахожусь на посту Председателя КГБ. Это, разумеется, не относится к «тайнам», связанным с преступлениями против народа, репрессиями, преследованиями инакомыслящих и т. п. К этим архивам будет немедленно, в соответствии с Указом Президента России, обеспечен в установленном порядке доступ всех заинтересованных лиц».

Я убежден в правильности такой позиции.

Мне кажется, я понимаю и тех, кто в свое время пострадал от слежки КГБ, за свои убеждения поплатился лагерем, высылкой, издевательствами и теперь желает одного — справедливости. И еще озабочен тем, чтобы в новое свободное общество, за которое эти люди боролись и которое начинаем строить, входили наравне со всеми бывшие «агенты КГБ». А кто может выразить мнение безвинных и безгласных, кого расстреляли, сгноили в лагерях, «психушках»? Отмщения?! К тому и призывают некоторые публицисты, тем не менее стыдясь самого этого слова. Предлагаются разные меры. От простого — «страна должна знать своих героев» — до требований непонятного «всенародного» суда.

Нет, эти рецепты не годятся. Они сами отдают сталинизмом. И трудно сказать еще, что страшнее — моральное осуждение, а по-русски — «травля», или новый ряд на скамье подсудимых — носителей «не той», чуждой уже «демократам» идеологии.

Это было бы трагической ошибкой. Создание демократического свободного гражданского общества отодвинулось бы на десятки лет. В общественном сознании появились бы новые «мученики и жертвы», опять требующие отмщения.

Эти рецепты годятся только в том случае, если мы намерены следовать большевистскому примеру. И на развалинах тоталитарного коммунизма намерены воздвигнуть тоталитарный

антикоммунизм.

Много ли надо благородства и демократизма для того, чтобы открыть дорогу шантажу и расправам над людьми, которые когда-то, может быть десятки лет назад, сотрудничали с КГБ. Расправам не только моральным, ведь во многих районах страны отнюдь не бабушкиной сказкой остается кровная месть, и сведения о доносе старейшины одного рода на старейшину другого рода пятьдесят лет назад — более чем достаточное основание для межродовой войны.

Кроме того, я прекрасно сознавал, что спецслужба, какие бы аморальные цели она ни преследовала, станет еще более аморальной, если выдаст своих агентов. Тех людей, кто сотрудничал или сотрудничает с разведкой, ни одна разведка не выдает.

К чему приводит «утечка» информации о сотрудничестве с КГБ, можно видеть на примере, скажем, Казимиры Прунскене, уважаемого мною человека, мужественной женщины, в прошлом главы литовского правительства. Устроили ей провокацию, обвинив в «сотрудничестве» с КГБ в студенческие годы. Или взять провокационную возню вокруг одного из руководителей «Саюдиса» Чепайтиса, вызвавшую правительственный и парламентский кризис в той же Литве. Если кто от этого всего и выиграл, то только правые, реакционные силы, но отнюдь не демократия, которой у нас, правда, еще не было, а если так пойдет, то долго еще не будет. Демократии чужды политиканство и спекуляции.

Естественно, речь не идет о конкретных лицах и конкретных уголовных преступлениях. Здесь для следствия не может быть ведомственных секретов.

Если человек хочет знать, какими материалами располагает на него КГБ, это тоже его право. Но обязанность спецслужбы при этом защитить интересы других лиц.

Мне хорошо запомнилась беседа с известным молдавским писателем Ионом Друце. В годы его молодости КГБ вел на него досье, как на человека, подозреваемого в национализме, неоднозначно относящегося к советской действительности, критиковавшего колхозы и т. п. Дело было давно прекращено, но накопился солидный том подслушиваний, подглядываний, «экспертных» оценок, если не сказать доносов…

Друце попросил разрешения ознакомиться с этими материалами. Пришел ко мне. Я положил этот том перед ним. Мы провели интересную, на мой взгляд, беседу о несчастном нашем обществе, о путях выздоровления. Я был поражен глубиной его суждений. Ион Друце ушел. Досье он не открыл.

Не могу сказать, что моя позиция в отношении архивов встретила всеобщее понимание и поддержку. Критиковали. За то, что «продался комитетчикам», что «выгораживаю преступников». В самом Комитете считали, что и исторические документы открывать нельзя — все-таки государственная безопасность. Хотя какая уж там «безопасность». Развалились экономика, государство, общество под «неусыпным оком» КГБ— КПСС. Потому и развалились.

Благодарен тем, кто принял мою позицию с пониманием. Благодарен Владимиру Буковскому, который говорил корреспонденту «Известий»: «Бакатин, вступив в должность, сделал абсолютно логичное заявление о том, что он не станет вскрывать агентурные дела. Прекрасно понимает, чем это грозит. Думает о том, как все это сделать, чтобы не осталось могучей сети, но вместе с тем не устроить в обществе очередной трагедии, новых репрессий, судов на площадях. Все это очень тонко и должно быть продумано во всех деталях». Благодарен той же «Независимой газете», которая, не настаивая больше на своей изначальной позиции, 22 октября писала: «К новому начальнику КГБ то и дело обращаются разные достойные люди с требованием немедленно напечатать списки всех, кто сотрудничал с этой конторой по всей империи и за ее пределами. Отчего бы не поставить вопрос шире: перечислить всех, кто так или иначе поддерживал этот преступный режим. Вот уже вышел бы списочек!»

Реализуя Указ Ельцина, необходимо было значительную часть архивов КГБ передавать в систему государственных архивов Российской Федерации — вместе со зданиями, архивариусами, финансированием и т. д. Для этого надо было решить огромный комплекс правовых, научных, организационных, морально-этических вопросов. Была создана специальная комиссия. Первоначально в ее состав вошли представители Главархива РСФСР и КГБ. Аналогичные комиссии создавались в областях. Впоследствии в ходе моих встреч с представителями комиссий, в частности, с известным историком Юрием Афанасьевым, с членами общества «Мемориал», была высказана и реализована мысль об участии в работе народных депутатов России, экспертов в области архивного дела и археографии, представителей общественности, специалистов. Не исключалась возможность привлечения ученых из других стран, о чем ставили передо мной вопрос и Юрий Афанасьев, и Владимир Буковский.

Чем больше работали комиссии, тем больше проблем перед ними вставало. Речь ведь шла не просто о фондах, штатах и зданиях. Предстояло определиться с миллионами документов, на

которых в соответствии со старыми государственными инструкциями и постановлениями правительства — оправданно или нет — стояли грифы «секретно», «совершенно секретно», «особой важности». Действовать надо было в условиях отсутствия в стране закона о государственной тайне, закона о свободе информации и даже закона об архивах. Передаваемые документы принадлежали действующей структуре (а вскоре — и нескольким структурам спецслужб), и одно дело — документы исторической и культурной значимости (кто будет определять эту значимость?), а другое — оперативные электронные архивы или личные дела сотрудников. Какие установить сроки для рассекречивания документов? Как быть с материалами, наносящими явный ущерб чести и достоинству граждан? Как поступать с документами, относящимися не к России, а с другим республикам? Как быть с материалами временного хранения, а их большинство? Что делать с областными архивами — переводить в Москву или оставить на месте? Где хранить архивы — у Главархива свободных помещений нет, а в зданиях КГБ, где они находятся, занимаются и другими делами? Как защитить документы от разворовывания? В какой степени допустима коммерциализация? Вот лишь немногие из тех десятков проблем, над которыми комиссиям пришлось ломать голову.

Я исходил из того, что главным принципом всей работы должна быть охрана прав личности на основе принятых Верховным Советом законодательных норм. Для всех документов, составляющих государственную тайну, я считал возможным установить 30-летний срок рассекречивания с возможными отступлениями в ту или иную сторону в зависимости от характера и важности информации. Для сведений, касающихся частной жизни людей, — 70-летний.

В ноябре Президиум Верховного Совета РСФСР образовал дополнительную парламентскую комиссию по организации приема архивов КПСС и КГБ во главе с генералом, профессором Дмитрием Волкогоновым. Одним из первых вопросов комиссия обсудила проект Закона «Об архивном фонде РСФСР и архивах», который был вполне созвучен моим мыслям.

Но жизнь опережала неспешный ход комиссий и график работы законодателей. Не дожидаясь принятия этого закона и определения многих других формальностей, я вынужден был делать то, что было в моих силах, для удовлетворения общественного интереса к событиям прошлого, для восстановления исторической справедливости.

Как и раньше, работники архива КГБ вели большую работу по реабилитации незаконно репрессированных, поднимали и

добивались пересмотра тысяч сфабрикованных дел, громких и малоизвестных, но от этого не менее трагичных.

С помощью сотрудников архивов КГБ комиссии Моссовета по поиску тайных мест захоронения жертв репрессий удалось установить точные адреса 87 мест захоронений военнопленных и интернированных лиц в Подмосковье, списки захороненных.

Для увековечения памяти жертв незаконных репрессий в местах их захоронения на Донском, Ваганьковском, Калитниковском, Рогожском и Гальяновском кладбищах, в Ново-Спасском монастыре, Бутове, на территории совхоза «Коммунарка», в Александровском саду решено было установить памятные знаки. Субподрядчиком работ по их возведению выступило военно-строительное управление КГБ СССР, а точнее — его преемник.

В сентябре по протесту Генерального прокурора СССР Верховному суду РСФСР было предложено отменить постановление Петроградского ЧК от 1921 года в отношении поэта Николая Гумилева. Он был расстрелян по фальшивому обвинению в «активном содействии петроградской боевой организации, в составлении для нее прокламаций контрреволюционного содержания, в обещанном личном активном участии в мятеже и подборе враждебно настроенных советской власти граждан для участия в контрреволюционном восстании в Петрограде, в получении денег от антисоветской организации для технических нужд».

Группа народных депутатов СССР и представителей творческой интеллигенции обратилась ко мне публично, через прессу, с просьбой решить вопрос о материалах из архивов КГБ, относящихся к Максиму Горькому. 10 сентября был опубликован мой ответ:

«Я внимательно ознакомился с Вашим обращением, опубликованным в «Независимой газете» 29 августа с. г., относительно документов М. Горького, хранившихся в архиве КГБ СССР. По моему поручению сотрудники архива уточнили ситуацию с этими материалами.

Действительно, в сентябре 1961 года Комитет госбезопасности передал в Институт мировой литературы им. Горького АН СССР письма писателя, его рецензии и заметки, всего 70 документов. Среди них пять рецензий на книгу «Трехгорная» из цикла «История фабрик и заводов», а также на художественные произведения «Елизар Дыбин» И. Шухова, «Испытатель» М. Колосова, «Люди Сталинградского тракторного» и другие. В числе переданных документов находились и пять писем Р. Роллану, девятнадцать писем секретарю РАППа Л.

Авербаху, в которых затрагиваются вопросы литературного творчества и политические процессы 1929–1930 годов, письма Л. Каменеву, М. Томскому, Г. Ягоде и другим деятелям того времени.

В письме на имя директора Института мировой литературы, сопровождавшем переданные документы, руководство КГБ выразило пожелание, чтобы некоторые из них хранились в специальном фонде, а при допуске к ним исследователей не сообщался источник поступления. Это было вызвано тем, что в то время некоторые из корреспондентов Максима Горького еще не были реабилитированы.

В настоящее время в архиве Комитета госбезопасности хранятся копии трех писем Горького Ленину (о конфликте с Заксом по поводу договора с издательством Гржебина и о ходатайстве по делу арестованного кооператора Л. П. Воробьева), а также копии писем другим адресатам в Советском Союзе.

В архивах КГБ находится и история болезни М. Горького вместе с документами о его смерти. В 1938 году обвинения в «причастности к убийству» писателя предъявлялись профессору Д. Плетневу, врачам Л. Левину и И. Казакову, осужденным по делу так называемого «правотроцкистского блока» и впоследствии реабилитированным, а также наркому внутренних дел Г. Ягоде.

Что касается остального литературного наследия и переписки М. Горького, то судьбу этих материалов решала правительственная комиссия, созданная в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР в июне 1936 года. В архиве КГБ СССР сохранились копии протоколов двух ее заседаний, а также инструкции по описанию и хранению документов М. Горького. Иных материалов правительственной комиссии в архивах не обнаружено.

Учитывая большой интерес общественности к хранящимся в архиве Комитета госбезопасности документам, относящимся к творчеству, жизни и смерти Максима Горького, и откликаясь на обращение «Независимой газеты», я дал указание передать их в Институт мировой литературы и снять ограничения на материалы, направленные туда в 1961 году.

С уважением.

В. Бакатин».

Я старался идти навстречу, когда ко мне обращались с просьбами о документальном освещении тех или иных событий. По инициативе народного депутата СССР Юрия Карякина была достигнута договоренность со студией «Контакт-фильм» о начале

съемок многосерийного документального фильма об истории органов безопасности с 1917 года с привлечением специалистов и архивов КГБ. Дважды я имел возможность встретиться с творческой группой фильма, рассматривая концепцию будущего сценария картины. Контракты на создание фильмов с использованием архивов заключал Центр общественных связей КГБ, хотя об этих контрактах меня не ставили в известность.

Буковский получил возможность ознакомиться с делами многих диссидентов для съемок документального фильма о Ю. Галанскове. Журналистам из «Рабочей трибуны» попытались помочь в поиске следов знаменитой Янтарной комнаты, бесследно исчезнувшей в конце войны. Планы создания серии документальных публикаций архивных документов КГБ были разработаны в его Высшей школе. По просьбе Его Святейшества Патриарха Алексия представители патриархии получили полный доступ к делам о репрессиях религиозных деятелей, в частности Патриарха Тихона и митрополита Вениамина. В соответствии с запросом Председателя Верховного Совета Латвии Горбунова директору латвийского института истории Райнису была предоставлена возможность изучить все интересующие досье на репрессированных в 40-е годы видных политических и общественных деятелей этой республики.

Архивы в той степени, в какой это было возможно, становились достоянием гласности. В ряде случаев журналистов и исследователей ждало разочарование. Документов, которые, как предполагалось, должны были бы находиться в архивах КГБ, там, вероятнее всего, никогда не было. Так, не обнаружено никаких следов и ничего похожего на «досье Шолохова», отыскать которое просили меня его родные. Другие документы были уничтожены в рутинном порядке по истечении срока хранения. Третьи — уничтожались целенаправленно и сравнительно недавно, чтобы избавиться от нежелательной для прежнего руководства КГБ информации. В этой организации когда хотят, умеют хранить тайны.

Из всех связанных с архивами вопросов наибольший интерес у обращавшихся ко мне вызывали дела, связанные с Андреем Сахаровым, Александром Солженицыным, Ли Харви Освальдом, судьбой американских военнопленных во Вьетнаме, Раулем Валленбергом, обстоятельствами покушения на папу римского Иоанна Павла И. И с каждым из этих дел возникали какие-то проблемы.

Когда Елена Боннэр попросила меня помочь в розыске рукописей и дневников Андрея Сахарова, я дал задание найти досье академика. Мне доложили: на Сахарова «бумаги» не

собирали. Пришлось перепроверять офицеров. Как и следовало ожидать, оказалось, солгали. Было досье на Сахарова — 550 томов. Все, что от них осталось, это акт об уничтожении всех томов дела на «Аскета», одна магнитофонная кассета, на которой записано его интервью 1974 года ливанской газете, да четыре заключения разного рода экспертов о том, насколько секретна та информация о советском ядерном оружии, которая содержалась в его выступлениях и заявлениях. И это все. А ведь записи и дневники Сахарова бесценны, уничтожать их — верх глупости. Неужели кто-то мог на такое пойти? До сих пор не могу поверить. Надо продолжать поиски. Единожды (?) солгавшему веры нет.

За что же травили Сахарова? За какие высказывания он должен был подвергнуться уголовному преследованию? 28 сентября 1973 года в Записке в ЦК КПСС КГБ приводит наиболее опасные из mix, которые не подлежат разглашению: «Наше общество заражено апатией, лицемерием, мещанским эгоизмом, открытой жестокостью. Большинство представителей его высшего слоя — партийно-государственного аппарата управления, высших преуспевающих слоев интеллигенции — цепко держатся за свои явные и тайные привилегии и глубоко безразличны к нарушениям прав человека, к интересам прогресса, к безопасности, к будущему человечества.

…Необходима большая идеологическая свобода, полное прекращение всех форм преследования за убеждения.

…Состояние образования и здравоохранения для народа это нищета общедоступных больниц, бедность сельских школ, переполненные классы и придавленность народного учителя, казенное лицемерие в преподавании, распространяющее на подрастающее поколение дух равнодушия к нравственным, художественным и научным ценностям.

…Необычайно опасным по своим последствиям для общества и совершенно недопустимым нарушением прав человека является использование в политических целях психиатрии…»

Ну и кто сейчас возьмется указать, где в этих словах хоть капля неправды! Преследовали именно за правду, потому что ее власти предержащие боялись больше всего и потому «засекречивали».

Очевидно это и по досье Солженицына, вернее по тому, что от него осталось.

Передо мной Постановление об уничтожении дела оперативной подборки на «Паука»:

«Я, ст. оперуполномоченный (фамилии называть не буду, человек выполнял приказ, как и другие люди, документ визировавшие. — В. Б.), рассмотрев материалы оперативной

проработки на «Паука», № 14 271 — Солженицын Александр Исаевич, нашел: в настоящее время находящиеся в оперативной подборке материалы, а также приобщенные к ней материалы дела оперативной разработки на «Паука» (арх. № 33 518) и дело формуляра ПФ архивный № 11 375 утратили свою актуальность, оперативной и исторической ценности не представляют.

Постановил: тома дела (длинный перечень — 105 томов) уничтожить путем сожжения. «Паука» с оперативного учета КГБ СССР снять».

«Приговор» делу был приведен в исполнение 3 июля 1990 года. Совсем недавно мы лишились возможности узнать во всех деталях историю преследований Солженицына в 60–70-е годы.

Однако сохранилось досье, относящееся к его первому аресту в 1945 году и к его реабилитации в 50-е годы. Не буду приводить документы из этого дела. Считаю, что право на их обнародование имеет только один человек — Солженицын. В этом деле были его фронтовые письма и рукописи, в том числе фронтовой дневник. Бесценные документы было решено передать Солженицыну через Президента СССР Горбачева. Тот, в свою очередь, попросил это сделать писателя Сергея Залыгина. Надеюсь, что рукописи через 46 лет уже вновь обрели своего законного владельца.

Некоторые документы секретариата КГБ, относящиеся к выдворению Солженицына из СССР, я приводил выше. Немного в продолжение этой истории. Записка Андропова от 9 февраля 1974 года в ЦК КПСС:

«Комитет госбезопасности приступил к реализации мероприятий в отношении Солженицына. С этой целью 8 февраля с. г. сотрудник Прокуратуры СССР был направлен на квартиру жены Солженицына для вручения повестки о вызове его к заместителю Генерального прокурора СССР, которому поручено предупредить Солженицына о том, что прокуратура изучает материалы о его антисоветской деятельности.

В связи с тем, что Солженицына дома не оказалось (временно проживает на даче Чуковской в Передел-кино), повестка была вручена его жене. Характерно, что последняя не впустила посыльного в квартиру и вела разговор с ним через приоткрытую дверь. Ознакомившись с повесткой, жена Солженицына пыталась отказаться принять ее на том основании, что из повестки не видно, по какому делу вызывается ее муж. Однако в конце концов она взяла повестку, но отказалась расписаться в ее получении и заявила: «Я не убеждена в том, что передам ее мужу».

Этот визит заметно обеспокоил жену Солженицына, и она долго не решалась сообщить мужу. Когда же это произошло, он посоветовал жене не скрывать от окружения факт вызова его в

прокуратуру, заметив: «Я уже знаю, что отвечу».

Комитет госбезопасности продолжает осуществление мероприятий в отношении Солженицына».

Следующая записка Андропова в ЦК на 12 листах «О выдворении Солженицына» от 9 февраля 1974 года заменена в деле на справку-заместитель, из которой явствует, что документ был уничтожен 31 декабря 1989 года. (Чем занимались люди под Новый год!)

В дальнейшем КГБ информировал (а точнее — дезинформировал) партийное руководство о реакции на изгнание Солженицына из страны. Вот пример подобного рода документа — записка, датированная 15 февраля 1974 года:

«В Комитет госбезопасности продолжают поступать сведения о реакции членов дипломатического корпуса и аккредитованных в Москве иностранных журналистов на Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении советского гражданства и выдворении из Советского Союза Солженицына.

Дипломаты и журналисты обращают внимание на «разумность решения советских властей». Они отмечают, что «судебное преследование могло бы вызвать отрицательные политические последствия»…

Дипломаты и журналисты отмечают высокую эффективность принятого Советским правительством решения. После появления на Западе сообщений об аресте Солженицына иностранные корпункты в Москве получили задание подготовить тенденциозные материалы, однако его высылка спутала карты буржуазных пропагандистских центров и «лишила их возможности развязать готовившуюся антисоветскую кампанию»…

Абсолютное большинство иностранных дипломатов и журналистов полагают, что выдворение Солженицына снимает с него «ореол героя и мученика». По их общему мнению, предпринятый Советским правительством гуманный шаг послужит дальнейшему укреплению международного авторитета СССР».

И это писалось в тот момент, когда весь мир буквально бурлил по поводу судьбы писателя и выражал возмущение действиями советских властей.

Ли Харви Освальд, официально обвиняемый в убийстве Джона Ф. Кеннеди, и КГБ. Сколько лет эта тема будоражила умы исследователей обстоятельств гибели Президента США. Ведь Освальд в течение почти трех лет жил в Советском Союзе, и предполагалось, что он мог быть завербован Комитетом госбезопасности.

О том, что Освальд не был агентом КГБ, неопровержимо свидетельствуют пять томов дела оперативного наблюдения под общим номером 31 451, которые чудом сохранились благодаря записи одного из руководителей Комитета, сделанной уже после убийства Кеннеди, о том, что дело представляет историческую ценность.

20-летний Освальд прибыл в качестве туриста в Москву 15 октября 1959 года и сразу же возбудил ходатайство о приеме его в советское гражданство, мотивируя это приверженностью марксистско-ленинской идеологии. Последовал отказ, и он предпринял попытку самоубийства, вскрыв себе вены. После выписки из Боткинской больницы он посетил посольство США в Москве и заявил об отказе от американского гражданства. Потребовалась записка министра иностранных дел Громыко и Председателя КГБ Шелепина в ЦК КПСС, чтобы решить вопросы о предоставлении ему права на временное проживание в СССР, обеспечении работой и жильем. ЦК поручил белорусскому совнархозу трудоустроить Освальда по специальности электротехника (поскольку, по его словам, он был связан с радиотехникой во время службы в армии) на Минском радиозаводе, а обществу Красного Креста выделить ему 5 тыс. (500) рублей на обустройство квартиры и выплачивать пособие в размере 700 (70) рублей в месяц.

КГБ проявил к Освальду особый интерес. Но разрабатывался он не для вербовки, а по подозрению в шпионаже в пользу США. Комитет использовал весь имевшийся в его распоряжении арсенал средств: минская квартира Освальда прослушивалась, за ним почти постоянно велось наружное наблюдение, с ним работали на близкой дистанции несколько агентов КГБ, вся его переписка досматривалась. Благодаря этому известен почти каждый шаг Освальда на советской земле.

«Налим», или «Лихой», как его называли (вероятно, по созвучию — дело «на Ли» и «Ли Харви Освальд») в оперативных донесениях, должен был действительно вызывать подозрение у контрразведки. Вопреки его собственной мотивировке причин иммиграции в СССР он не проявлял ни малейшего интереса к марксизму, не посещал политзанятия или профсоюзные собрания. Его политические взгляды, которые он изредка высказывал, также не вполне вписывались в советскую догматику, и КГБ разрабатывал меры по разъяснению Освальду «преимуществ советского образа жизни». Он также, как оказалось, слабо разбирался в радиотехнике.

«Налим» вел образ жизни, характерный для людей его возраста: ходил на вечеринки, назначал девушкам свидания. На

работе ленился, за что ему приходилось выслушивать замечания. В Минске Освальд увлекся охотой, записался в охотничий клуб и купил тульское ружье. В досье зафиксировано, что меткостью в стрельбе он не отличался.

В Минске Освальд встретился со своей будущей супругой Мариной Прусаковой, которая работала провизором в аптеке. Вопреки высказывавшимся в США подозрениям она не была агентом КГБ.

Постепенно Освальд стал тяготиться пребыванием в СССР. С января 1961 года он начал настойчиво добиваться разрешения на выезд из СССР, восстановил постоянную переписку с жившими в Техасе матерью и братом. В 1962 году Освальду вместе с женой и родившейся дочерью был разрешен выезд в США.

Незадолго до трагических событий в Далласе он обратился в советское посольство в Мексике с просьбой выдать ему визу на въезд в СССР на постоянное жительство. Его просьба была отклонена.

В анализе обстоятельств гибели Джона Кеннеди, который проводил КГБ, в том числе с использованием разведывательных каналов, делался вывод о том, что покушение «было организовано реакционными монополистическими кругами в союзе с профашистскими группами Соединенных Штатов с целью усиления наиболее реакционных и агрессивных аспектов в политике США». Имя Освальда называлось в качестве возможной подставной фигуры или соучастника широкого заговора.

У меня нет сомнений в подлинности имеющегося досье на Освальда. Сфальсифицировать его было невозможно да и незачем — ведь никто в 60-е годы не предполагал, что оно когда-нибудь станет достоянием гласности.

С «делом Освальда» у меня оказалось немало хлопот. К нему рвались многие представители советских и зарубежных средств массовой информации, требуя эксклюзивного доступа. В общих чертах с содержанием дела мы могли их ознакомить и знакомили, не допуская какой-то эксклюзивности. Но ответы на все вопросы могло бы дать только рассекречивание всего досье. Я полагал, что это возможно, за исключением тех материалов, которые раскрывали бы агентуру или нарушали права граждан. Была создана специальная комиссия по официальному рассекречиванию, которая сперва вообще отказывалась дело открывать (под предлогом недопустимости раскрытия методов оперативной работы), а потом представила заключение, где допускала возможность рассекречивания весьма незначительной части документов. Заключение я вернул, начался новый тур проволочек, когда был найден «гениальный» бюрократический

прием — привлечь к работе представителей КГБ Белоруссии, где составлялось большинство документов. Не поставив меня в известность, досье отправили на экспертизу в Минск, где оно и оказалось к моменту моей отставки. Так что дело Освальда еще ждет своих исследователей.

Вопрос об американских военнослужащих, захваченных в плен во Вьетнаме и якобы находившихся в Советском Союзе.

Откровенно говоря, мне трудно поверить сообщениям наших и американских аналитиков, что в советских лагерях и тюрьмах могли содержаться чуть ли не тысячи американских военнопленных. Даже при всем том, что мы узнали о преступлениях режима, подобное не укладывалось у меня в голове. Тем не менее я сделал соответствующие запросы в службы разведки, контрразведки и военной контрразведки. Последние две вообще не располагали данными на этот счет. Центральная служба разведки после неоднократных проверок архивных материалов и действующих дел, опроса бывших руководителей резидентур, находившихся в 60–70-е годы во Вьетнаме, обнаружила только один факт поездки во Вьетнам О. Нечипоренко для беседы с находившимся в плену сотрудником советского отдела ЦРУ. И это — все. хотя и подозрительно мало. Но об этом теперь О. Нечипоренко намерен рассказать сам.

Что же касается заявлений Олега Калугина о том, что контакты, подобные названному, были более частыми, то я не располагаю никакими документами, чтобы их подтвердить или опровергнуть.

Дело Рауля Валленберга. Позорная страница в нашей истории. Шведский дипломат, спасший жизни сотням евреев в Венгрии в годы фашизма, был захвачен советскими военными властями в 1945 году, и о его дальнейшей судьбе мировой общественности долгие годы ничего не было известно. Почетный гражданин многих стран, чье пребывание на территории СССР до 1957 года официально отрицалось. В середине 50-х годов, когда на Запад стали возвращаться военнопленные, которые имели контакт с Валленбергом в Лубянской (Внутренней) и Лефортовской тюрьмах, и дальнейшее запирательство стало бессмысленно, было сделано заявление Громыко о том, что Валленберг умер от инфаркта во Внутренней тюрьме 17 июля 1947 года, а его тело было кремировано без вскрытия. В качестве подтверждения этого представлялся соответствующий рапорт начальника медицинской службы МГБ Смольцова министру госбезопасности Абакумову. Долгие годы это был едва ли не единственный документ из архивов КГБ, фигурировавший в деле Валленберга. В последующем появилось множество свидетельств

людей, якобы видевших его в различных лагерях и тюрьмах СССР. География самая широкая — назывались едва ли не все известные места заключения. Уже это само по себе не вызывает доверия этим «очевидцам». В 1989 году в архиве КГБ (судя по всему, действительно случайно) были найдены личные документы и некоторые принадлежавшие Валленбергу вещи. Недостатка в версиях о судьбе Валленберга, которые разрабатывали десятки международных комиссий и независимых исследователей, не было. Отсутствовала лишь ясность в отношении его судьбы.

С делом Валленберга я впервые столкнулся еще в МВД, когда ко мне обратились из Посольства Швеции в СССР с просьбой разрешить членам международной комиссии ознакомиться с картотекой заключенных во Владимирской тюрьме, где, по некоторым сведениям, мог содержаться Валленберг.

В КГБ я запросил из архива все материалы по этому делу. Доложили, что есть около десятка документов, из которых пять неизвестны общественности. 4 сентября эти пять документов были переданы шведскому послу г-ну Бернеру. Среди них была копия донесения начальника политотдела 151-й стрелковой дивизии от 14 января 1945 года о том, что в Будапеште на улице Бенцур, 16 задержаны секретарь шведского посольства Рауль Валленберг и шофер его автомашины. Секретарь с шофером «помещены и охраняются». В журнале регистрации заключенных Внутренней тюрьмы была обнаружена запись кладовщика о приеме его вещей 6 февраля 1945 года. В тюремном деле немецкого ефрейтора Яна Лойда найдено было упоминание о том, что в свое время он сидел с Валленбергом на Лубянке; а в следственном деле служащего посольства Швеции в Будапеште Г. Томсона-Гроссгейма-Крысько — протокол его допроса о Валленберге. Наконец, было передано письмо зампреда КГБ Лунева в МИД от 1957 года, в котором согласовывался текст ответа на запрос МИД Венгрии относительно судьбы Вильяма Лангфельдера (шофера Валленберга). В письме говорилось, что все документы на Лангфельдера так же, как и на Валленберга, были уничтожены по распоряжению бывшего руководства МГБ.

Таковы были отправные точки дальнейшего поиска. Я дал указания о создании специальной внутриведомственной комиссии по расследованию этого дела, которая работала во взаимодействии с МИДом и МВД СССР, посольством Швеции в СССР, независимыми экспертами. До конца 1991 года были проведены три заседания советско-шведской комиссии, на которых согласовывался план поиска, шведской стороне передавались вновь найденные документы.

Работа проводилась по всем возможным направлениям.

Проверялись все мыслимые фонды в архивах КГБ, в архиве военнопленных и интернированных Главархива СССР, в государственных и партийных архивах, в тюремных учетах, в списках пациентов психиатрических клиник, в книгах регистрации захоронений и кремирований. Был намечен список из более чем 20 лиц, которые могли в прежние годы хоть как-то соприкасаться с делом Валленберга. Каждому из них я лично подписал письмо с просьбой поделиться любой информацией о Валленберге, которая могла быть им известна, и с каждым из них беседовали члены советско-шведской комиссии в присутствии заместителя председателя Комитета по правам человека Верховного Совета РСФСР Николая Аржанникова. Проверялись показания свидетелей, утверждавших, что видели Валленберга в различных местах. Были сделаны запросы во все республиканские и областные управления КГБ с просьбой заняться поисками данных о Валленберге. Обрабатывались и проверялись все возможные версии, ничего не отвергалось и ничего не принималось на веру.

В ходе четырех месяцев этой работы, которую я поручил возглавить моему помощнику В. Никонову, было найдено и обнародовано, пожалуй, больше документов, чем за прошедшие 45 лет. Но тем не менее я не могу сейчас с полной уверенностью говорить о реальной судьбе Валленберга.

Что наиболее существенно из того, что удалось установить неопровержимо? Прежде всего то, что все документы о пребывании Валленберга на Лубянке тщательно и методично уничтожались, судя по всему, еще в 40–50-е годы. Его тюремного дела нет, а следственного дела на него не заводилось. То, что найдено, — результат какого-то недосмотра тех лет и плоды труда наших кудесников-криминалистов. По какой-то случайности уцелели журналы регистрации заключенных и вызовов их на допрос во Внутренней и Лефортовской тюрьмах, сроки хранения которых давно истекли. В этих журналах внимание наших архивистов привлекло то, что некоторые записи густо замазаны тушью, чернилами или подчищены. Подключили экспертов-криминалистов, и они обнаружили там имена и Валленберга. и Лангфельдера. Сейчас мы точно знаем, что Валленберг был доставлен во Внутреннюю тюрьму 6 февраля 1945 года. Он вызывался на допросы 8 февраля, 28 апреля 1945 года. 29 мая 1945 года Валленберга перевели в Лефортовскую тюрьму, где он находился до 1 марта 1947 года. Там его допрашивали 17 июля и 30 августа 1946 года. 11 марта 1947 года его допрашивали на Лубянке, после чего никаких упоминаний о Валленберге в тюремных гроссбухах нет.

Надежда узнать всю правду о его судьбе мелькнула в тот момент, когда в книге исходящих бумаг секретариата МГБ была обнаружена запись о том, что 17 июля 1947 года Молотову была направлена записка за подписью Абакумова «О деле шведского поданного Р. Валленберга». Найдя сам этот документ, мы могли бы явно приблизиться к истине. Но ни в архивах КГБ, ни в архивах ЦК КПСС, МИДа или Совмина СССР записки или ее копии не оказалось.

Большим разочарованием было и то, что нигде не удалось найти тех материалов, которые готовились в КГБ в обоснование дипломатических нот, которые в разные годы направлялись от имени МИД шведскому правительству.

В целом разочаровывающими были результаты опросов свидетелей. Люди, работавшие после войны в 3-м Главном управлении или в тюрьмах МГБ, знали о существовании такого заключенного, как Валленберг, который относился к категории «особых заключенных». Но о его судьбе никто точно сказать не мог. Не вспомнил о Валленберге только один бывший следователь, который, как было точно установлено, лично дважды его допрашивал… Сотрудники, работавшие по «шведской линии» в 60-е годы, вспоминали, что их старшие коллеги исходили из того, что Валленберг был казнен в 1947 году.

Документы, полученные по запросам из архивов МИД СССР, ЦК КПСС, «кремлевского» архива, добавили красок к известной картине политической возни в советском руководстве по поводу дела Валленберга. 16 решений Политбюро, по утверждению текстов дипломатических нот, о Валленберге с 1952 по 1986 год! Такого я не ожидал. До 1957 года утверждается одна стандартная нота («о Валленберге ничего не слышали»), после 1957 года — другая («умер в 1947 году, и добавить к этому нечего»).

Никаких документальных свидетельств того, что он был жив после 1947 года, нам найти не удалось. Свидетельства очевидцев, заявлявших, что видели его после этого времени, подтверждения не нашли.

Из того, что мне докладывали о деле Валленберга, у меня сложилась своя версия, которая, однако, не претендует на то, чтобы быть окончательной.

Валленберг был захвачен органами СМЕРШ 2-го Украинского фронта в 1945 году скорее всего по подозрению в шпионаже (хотя не известно в чью пользу). Абакумов, руководивший СМЕРШем, а затем возглавивший МГБ, скрывал факт его доставки в Москву даже от Министерства иностранных дел (о чем свидетельствуют документы МИДа). Когда факт ареста и содержания на Лубянке известного дипломата нейтральной страны всплыл наружу, у

советского руководства, изначально отрицавшего этот факт перед всем миром, возник соблазн спрятать концы в воду. Вероятно, письмо Абакумова Молотову содержало предложение уничтожить Валленберга. Конечно, такой вопрос мог быть решен только на уровне Сталина. «Есть человек — есть проблема. Нет человека — нег проблемы». Вероятно, Валленберга «убрали». Точно, что все документы приказано было уничтожить. Никаких записей о «приведении приговора в исполнение» быть просто не может, потому что не было приговора, и в июле 1947 года в СССР официально не существовало смертной казни. Кремация могла состояться в единственном действовавшем тогда крематории в Москве — в Донском монастыре. Но тела, доставлявшиеся гуда с Лубянки, чаще всего не регистрировались («примите 50 трупов для кремации»). Я абсолютно убежден, что Р. Валленберга уже нет на этой земле. Но ради памяти об этом мужественном человеке, гуманисте надо все-таки докопаться до истины.

Наконец, о покушении на Иоанна Павла II в мае 1981 года. Поручение о поиске новых данных, касающихся этого события, я получил от Президента СССР Горбачева. Были изучены материалы оперативных подразделений и архивы КГБ. Кое-что найти удалось. Но это «кое-что» вряд ли можно признать существенным. В основном это были записки руководства Комитета, в которых излагалась политическая оценка событий, связанных с покушением и последующими судебными разбирательствами, предлагались меры пропагандистского противодействия «предпринятой на Западе шумихе» по поводу «болгарского следа». Каких-либо материалов, прямо или косвенно свидетельствующих о причастности КГБ к покушению, обнаружить не удалось. Сенсация не состоялась. Думаю, это соответствует истине.

Я открыл эту главу оптимистическим эпиграфом из Евангелия.

Закончить хотел бы более реалистической выдержкой из интервью, которое взял у меня в конце декабря 1991 года корреспондент «Известий»:

«Вопрос. Насколько известно, Вы довольно много внимания уделяли архивам и досье, хранящимся в КГБ. Вероятно, это самое сокровенное, чем располагает эта организация. Будучи шефом КГБ, Вы действительно имели доступ абсолютно ко всей имеющейся информации и могли запросить ее. Вам пытались в этом препятствовать? У Вас есть твердая уверенность, что в Комитете нет секретного досье на Вадима Бакатина и членов его семьи, других крупных политических деятелей?

Ответ. У меня нет твердой уверенности. Но думаю, что на членов моей семьи нет в КГБ досье, хотя еще раз говорю, что ни в

чем нельзя быть уверенным. Я не согласен, что много внимания уделял архивам. Скорее это относится к журналистам, ученым, политикам и общественности. Я в какой-то мере хотел им помочь. Насколько это удалось — судить уже не мне. Наверное, далеко не в полной мере. Нужен комплекс законов об архивах».

8. К сотрудничеству

Патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что он исключает всякую международную вражду, и человек, одушевленный таким патриотизмом, готов трудиться для всего человечества, если только может быть ему полезен.

Николай Добролюбов

Начало 90-х годов принесло миру перемены разительные и беспрецедентные. Человечество с облегчением сбрасывало оковы «холодной войны», уходили в прошлое десятилетия недоверия и противоборства. Общечеловеческие ценности преодолевали границы, обретали права гражданства там, где еще недавно безраздельно царили тоталитарные режимы.

В результате реализации нового политического мышления сломлен «железный занавес», который разделял мировую цивилизацию на два противостоящих друг другу в смертельной схватке лагеря. Псевдокоммунистические принципы, во многом провоцировавшие международную напряженность, отправлены на суд истории. Бессмысленная логика конфронтации все более и более перестает быть определяющей в отношениях между Востоком и Западом.

Преодолевается своего рода психоз сверхмилитаризации, что позволило совершить серьезные прорывы в области ограничения и сокращения вооружений. Силовое начало в обеспечении безопасности все более и более уходило на задний план, уступая место преимущественно невоенным средствам: дипломатическому диалогу, достижению разумных соглашений по всем спорным вопросам, мерам по укреплению доверия.

Отказ от силовых подходов и идеологической зашоренности позволил развиваться ткани гуманитарного сотрудничества. Сделан большой шаг к единому глобальному социуму, живущему по законам разума и демократии. Возрастание взаимозависимости мира, взаимной заинтересованности стран в стабильном развитии друг друга создают дополнительные опоры безопасности каждой из них.

Тенденции последних лет по мере обретения необратимости неизбежно должны сказаться и на спецслужбах. Создались

условия для того, чтобы от деятельности, прямо направленной друг против друга, на дестабилизацию обстановки в районах влияния «противника», переходить к сотрудничеству и взаимодействию по обеспечению стабильности. Конечно, какими бы глубокими ни были перемены в отношениях Востока и Запада, Севера и Юга, вряд ли можно ожидать, что в ближайшее время службы безопасности станут ненужными. Но очевидно, что эти службы должны не только действовать под демократическим контролем, но и способствовать развитию доверия между народами и правительствами, а не дезинформации и разжиганию конфронтации. Естественно, подобные идеи могут реализовываться только в случае достаточных международных и внутренних гарантий демократического развития, политики разоружения и отказа от применения силы при разрешении любых конфликтов.

Не могу сказать, что старый КГБ действовал именно в этом ключе. Информация, которой он снабжал высшее политическое руководство, никак не способствовала прекращению гонки вооружений, укреплению доверия между государствами. Международные контакты Комитета ориентировались в основном на спецслужбы «дружественных» стран. Связи с обществами развитой демократии носили спорадический характер и ограничивались весьма специфическими вопросами.

Расширению международного сотрудничества спецслужб в противодействии угрозам, носящим глобальный характер, я придавал большое значение. Это было необходимо также для того, чтобы привести в соответствие уровень взаимодействия служб госбезопасности с новыми геополитическими реалиями, с тем характером межгосударственных отношений, который сложился на политическом уровне.

Кроме того, я не мог допустить мысли о развале Союза. Помимо чисто внутренних неприятных последствий раскол такой «большой массы» в геополитике, как СССР, привел бы к потрясениям глобального характера. Из чего следовали совершенно новые проблемы безопасности и работы спецслужб.

В этот короткий временной отрезок, когда, казалось, Союз действительно обретет демократические, свободные, добровольные черты, международные контакты КГБ осуществлялись как по государственной линии, так и по линии спецслужб. И, если быть честным, это направление работы принесло мне наибольшее удовлетворение. Хотя, как оказалось позже, и наибольшие неприятности — тоже.

Считаю важными и полезными встречи с такими видными государственными и политическими деятелями, как министр

иностранных дел Великобритании Дуглас Хэрд, вице-канцлер и министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер, министр обороны Франции Пьер Жокс, Президент Республики Кипр Г. Василиу и министр иностранных дел Кипра Джордж Якову, государственный секретарь США Джеймс Бейкер и заместитель министра обороны США Дональд Этвуд, генеральный директор Венского отделения ООН Маргарет Энсти, представители дипломатического корпуса.

Примечательным был сам факт этих встреч. Как заметил во время наших переговоров 13 сентября 1991 года Джеймс Бейкер, «на самом деле, нет ничего, более ярко символизирующего перемены, происходящие в СССР, как то, что сегодня возможна встреча государственного секретаря США с Председателем КГБ СССР в кабинете последнего. Эта встреча действительно исключительно знаменательна».

Что было самого важного в этих контактах? Конечно, всего рассказать нельзя — обсуждалось немало конфиденциальных вопросов. Но запомнилась прежде всего добрая воля к сотрудничеству, искреннее стремление зарубежных партнеров помочь нашей стране в решении ее социально-экономических проблем, в демократическом реформировании общества.

Порой у меня складывалось впечатление, что гости проявили большую озабоченность ситуацией в Советском Союзе, чем некоторые наши видные политики. Практически для всех из них осенью 1991 года характерным было желание способствовать сохранению в какой-либо форме единства республик, тогда еще входивших в состав СССР, что полностью совпадало и с моим видением проблемы.

«У меня есть возможность посмотреть на положение в вашей стране со стороны, и я, как и многие люди за рубежами Советского Союза, считаю, что его распад — это опасно, — говорил мне Дуглас Хэрд. — Конечно, не надо командовать из центра, нужно отказаться от административно-командной системы, но вместе с тем некоторые важные функции у центра должны быть. В общем, мы на Западе думаем так: «Развал не нужен».

Джеймс Бейкер, воспринимая как данность процесс обретения республиками Союза политического суверенитета, подчеркивал важность сохранения единого экономического пространства: «Экономическая революция может быть наиболее успешной в том случае, когда сохраняется единое экономическое пространство. Провести ее — дело трудное, поэтому, как нам представляется, республики должны сотрудничать с Центром, идя к экономическому договору или соглашению. Это позволит

облегчить осуществление политических изменений. В этом случае они будут проходить мирно».

Здравые, мудрые мысли, в справедливости которых до сих пор приходится убеждаться.

От зарубежных политиков я немало узнал об опыте их стран в деле установления политического и общественного контроля за деятельностью спецслужб; создания правового фундамента, на котором строится их работа; в разрешении конфликта между необходимостью соблюдения прав личности и спецификой работы секретных служб. Я признателен и Джеймсу Бейкеру, и Дугласу Хэрду, и Пьеру Жоксу за проявленную ими готовность предоставить в наше распоряжение нормативные материалы, которые могли бы помочь в разработке наших собственных законов о спецслужбах, направить к нам соответствующих экспертов.

Конечно, я понимал, что приглашение в КГБ экспертов из-за рубежа приведет в ужас тех, кто привык от всех иметь секреты. У нас многие еще с предубеждением относятся к приглашению иностранных советников. Помню, какое замешательство вызвало у некоторых сотрудников Комитета известие о том, что получившие независимость государства Балтии прибегают к услугам специалистов из ЦРУ, создавая свои новые службы безопасности. Я это воспринимал совершенно спокойно. Зачем изобретать велосипед там, где можно использовать чужой опыт. И нельзя, ошибочно, вредно считать опыт КГБ высшим достижением спецслужб мира. Учиться нам явно бы не помешало.

Некоторые западные государственные деятели ставили вопрос об объеме операций советской разведки, которая превышала размеры разумной достаточности. Такие проблемы с нашей стороны предполагалось решать в общем контексте реформ КГБ и в свете новых представлений о реальных потребностях национальной безопасности.

Представители всех государств, с которыми я встречался, проявляли большой интерес к прямому сотрудничеству по линии специальных служб. И эта заинтересованность придала развитию таких контактов новый, совершенно беспрецедентный импульс.

За три с лишним месяца работы на Лубянке я встречался с руководителями или видными представителями разведывательного сообщества и служб безопасности Республики Польша, Чехо-Словацкой Федеративной Республики, США, Великобритании, Италии, Аргентины, Франции, Пакистана и другими. Результатами этих встреч становились формальные и неформальные соглашения о взаимодействии по широкому спектру проблем, представляющих взаимный интерес.

Конечно, набор вопросов, которые обсуждались в ходе переговоров на уровне спецслужб, как и содержание достигнутых договоренностей, были различными, зависели от интересов той или иной страны, и не все подлежит огласке. Но о некоторых следует рассказать.

В разговорах с польскими коллегами наибольшее внимание уделялось проблемам поиска документов о польских военнопленных, трагически погибших в Катыни, Козельске, Осташкове, деятельности КГБ в Польше, вывода советских войск с территории этой страны. Представители Аргентины наибольший упор делали на вопросы взаимодействия в сфере борьбы с наркобизнесом и терроризмом, где у них имелся большой опыт.

Руководство Службы информации и военной безопасности Италии активно помогало нам в поиске достоверных данных о судьбе пропавших в Югославии советских журналистов Геннадия Куринного и Виктора Ногина.

Особый вопрос — возвращение в страну наших парней, используемых как политическая разменная монета, дважды преданных в Афганистане.

Я быстро обнаружил, что вокруг этой очень острой проблемы немало искренних и разных помощников и политиков. Царит разнобой и спекуляция. Кто-то с кем-то договаривался. Кто-то хотел лететь, чтобы договориться. Кому-то нужны были деньги для выкупа, кому-то — самолет, кому-то — гарантии безопасности… Все занимались, а результат был крайне незначительным. КГБ, а точнее, ПГУ могло бы стать координирующим центром, естественно, опирающимся на дипломатическую активность МИДа.

В начале октября мною был подписан приказ о создании в рамках ПГУ специального отдела по розыску, вызволению и возвращению на Родину военнопленных, заложников и пропавших без вести советских специалистов в ходе боевых действий в Афганистане и других регионах. В имевшемся в ПГУ списке было более трехсот человек, и существовала надежда, что многие из них живы. Работа в этом направлении была связана с большим риском для сотрудников Комитета. Я не считал возможным, что КГБ может здесь поскупиться. Например, одного из освобожденных вызволили за 12 миллионов афгани. Однако надо было отдавать себе отчет в том, что все наши действия будут неэффективными, если мы не наладим сотрудничество со спецслужбами Пакистана и Соединенных Штатов. Я считаю, нам удалось продвинуться в этом направлении. Помог и приезд моджахедов в Москву.

О контактах с представителями центральной разведки США

следует сказать особо, хотя бы в силу беспрецедентности самих этих контактов. В развитие договоренностей, достигнутых с госсекретарем США, 2 октября 1991 года Председатель КГБ впервые в истории принял видных представителей ЦРУ. Я был согласен со словами, произнесенными тогда послом Соединенных Штатов в Москве Робертом Страуссом: «С точки зрения нашего правительства, это не обычная встреча, а начало нового процесса, который откроет новые перспективы для двух стран и для всего мира». Мы действительно вступали в новую эру взаимоотношений, основанных на возможности реального сотрудничества. Основные направления этого сотрудничества были определены в Москве, а их конкретное наполнение — 26 октября—2 ноября в Вашингтоне, где по приглашению ЦРУ находилась делегация советских служб безопасности и разведки во главе с моим заместителем Федором Мясниковым. Сотрудники КГБ также впервые в истории перешагнули порог штаб-квартиры Центральной разведки в Лэнгли. Советские представители встретились с исполнявшим тогда обязанности директора ЦРУ Ричардом Керром, с ответственными работниками его ведомства и Федерального бюро расследований. В качестве приоритетных направлений сотрудничества были определены борьба с наркобизнесом, терроризмом, организованной преступностью, контроль за распространением ядерного оружия. Объединение усилий двух государств открывало хорошие перспективы для того, чтобы снизить угрозу этих поистине глобальных вызовов.

Но, конечно, направления взаимодействия с каждой спецслужбой учитывали как их, так и наши интересы. Стремиться к какой-то универсальности не имело смысла. Но общих, хорошо известных глобальных проблем, которые с большим успехом могли быть решены во взаимодействии со службами безопасности всех государств, было немало.

Для нашей страны, как и для других стран Восточной Европы, характерно стремление организованных преступных групп переносить свою деятельность на экономически более развитые страны. Используя эмиграционные каналы, современные средства связи, транспортировки товаров и перевода денежных средств, преступные формирования, действующие на территории республик бывшего Союза, приступают к созданию своих зарубежных анклавов. Осенью 1991 года члены более 10 действовавших в СССР преступных групп совершали довольно интенсивные «гастрольные» поездки в европейские страны. Их активность на территории некоторых стран (в частности, в Германии, Венгрии, Финляндии) уже начинала вселять опасения. Обычно эти группы начинали там с рэкета в отношении выходцев

и туристов из СССР, а затем стали угрожать и коренному населению, обладая возможностью осуществлять самый широкий набор операций — от заказных убийств до транспортировки наркотиков, оружия и, что вызывало наибольшую тревогу, радиоактивных веществ.

Вместе с тем, являясь невольным «экспортером» организованной преступности за рубеж, наша страна сама все больше становилась объектом деятельности зарубежных преступных сообществ. Беспокойство вызывала и безопасность соотечественников, выезжающих в другие государства.

Растущую тревогу внушала проблема незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Известно, что около 1/3 мирового производства наркотиков приходится на страны, граничащие с республиками нынешнего СНГ. То, что еще недавно рассматривалось у нас как отдаленная угроза и головная боль для одного лишь Запада, стало явью. С 1985 по 1990 год правоохранительными органами было пресечено 1597 попыток контрабанды и транзита наркотиков, конфисковано около 16 тонн наркотических средств. Можно было с абсолютной очевидностью предполагать, что с большей открытостью в экономике и политике наркообстановка существенно осложнится. Наш рынок может стать привлекательным для международных наркосиндикатов, а отечественный наркобизнес, в свою очередь, попытается стать конкурентоспособным — прежде всего на Европейском континенте.

Особая опасность действий наркомафии, а также вся мировая практика борьбы с ней указывают на то, что эффективными могут быть лишь комплексные меры — общенациональные и транснациональные. Поэтому, используя совместные наработки с МВД, мы предусматривали взаимодействие с зарубежными коллегами в обмене оперативной информацией по наркопроблематике, проведении совместных операций, а также в подготовке и переподготовке специалистов, оказании взаимного технического содействия.

В несколько иную плоскость, чем прежде, переместилась для нашей страны проблема международного терроризма. Это связано прежде всего с изменениями в ее отношениях с Израилем. Участились угрозы со стороны мусульманских террористических группировок в знак протеста против эмиграции советских граждан в Израиль совершить террористические акты против авиакомпаний, осуществляющих их перевозку. Экстремистские акции, имевшие место в Афинах и Бейруте в 1990 году, свидетельствовали о серьезности этих намерений. В качестве возможных мест проведения последующих акций назывались

Бухарест, Будапешт, Афины, Алжир, Ларнака. Эти же группировки, высказав явное недовольство позицией СССР в связи с войной в районе Персидского залива, дали понять, что опасность совершения терактов против учреждений нашей страны за границей и ее граждан значительно возрастет. Подобного же рода угрозы звучали со стороны ряда европейских левоэкстремистских организаций, обвинявших нас в отказе от принципов марксизма-ленинизма, прекращении поддержки национально-освободительных движений и т. п.

Вызывала большую озабоченность консолидация различных террористических формирований мира в региональные объединения, осуществление «стратегии взаимной поддержки», проведение скоординированных акций. Особую опасность представляло стремление ряда террористических группировок овладеть оружием массового поражения и ядерными технологиями для осуществления политического шантажа, осуществить диверсии на объектах атомной энергетики. Кроме того, по имевшимся прогнозам, в ближайшие годы следовало ожидать всплеска активности на рынке обычных вооружений и появления большого числа желающих платить очень дорого за самое простое оружие.

И против этих зол все цивилизованные государства и их спецслужбы обязаны работать сообща.

Международное сотрудничество спецслужб необходимо и для того, чтобы развязать многочисленные узлы межгосударственных противоречий, завязанные не без их помощи в годы «холодной войны», расчистить завалы, препятствующие развитию доверия между народами и мешающие людям различных стран честно смотреть в глаза друг другу. Теперь, когда льды «холодной войны» стаяли, эти завалы смотрелись особенно безобразно.

Квадратное здание красного кирпича в глубине улицы Чайковского в Москве. Новое помещение посольства США, которое вот уже более десяти лет стоит пустым, являя собой символ прежней советско-американской вражды, дипломатических тупиков и недипломатичной лжи. Символ тем более неуместный на фоне заявлений бывшего советского и нынешнего российского руководства о наступлении эры партнерства в отношениях с Соединенными Штатами.

Десять лет американская сторона, после того как она обнаружила подслушивающие устройства, ждала от нас честных объяснений относительно установки их в новом здании своего посольства, заморозив его строительство, а заодно запретив нашим дипломатам вселяться в новый комплекс зданий советского посольства в Вашингтоне. Десять лет советская

сторона врала (иначе не скажешь), что ничего там нет.

В первые же дни передо мной встал этот вопрос. Продолжать линию Крючкова, скрывать один из крупнейших скандальных провалов КГБ, лгать или все-таки разобраться еще раз по существу и выработать свою линию с учетом новой политической ситуации. После бесед с начальником оперативно-технического управления А. Быковым я узнал, что это недостроенное здание действительно с 1976 по 1982 год тайно оснащалось подслушивающей системой, которая в настоящее время не представляет секрета для американцев. Большая часть элементов ими обнаружена. В 1982 году, после того как операция провалилась, руководством КГБ было принято решение работы прекратить и уничтожить все, что представлялось возможным. Система стала неработоспособной. Тайно восстановить ее невозможно. Однако можно считать, что американцам до сих пор не удалось обнаружить микрофоны, они предполагают применение с нашей стороны каких-то неизвестных им способов прослушивания. Поскольку мы отрицаем и то очевидное, что обнаружено ими, они укрепляются в своем заблуждении и, не имея оснований нам доверять, намерены перестраивать здание.

Все блоки системы съема информации, использованные при оборудовании нового (строящегося) здания посольства США, в настоящее время не являются секретными. Передача американцам схемы позволит им при желании избежать абсолютно бессмысленных затрат. Но это уж их дело. Наше дело, как я считал, прекращать лгать и начинать строить свои отношения, опираясь на межгосударственную политику сотрудничества и доверия. Согласен, что это можно делать только на основе взаимности, но кому-то надо сделать первый шаг. Тем более что эта гроша ломанного не стоящая история с «жучками» в посольстве была далеко не первым шагом. Дипломаты и политики давно ушли вперед КГБ. И ведомственные «интересы» КГБ (а были ли они здесь?) не могли вставать поперек государственной политики и государственных интересов.

Принимая такое решение и начиная его реализацию, я понимал, что вызову волну возмущения со стороны реакционных псевдопатриотических кругов как в самом КГБ, так и среди политиков. Но был уверен, что это правильные, полезные для страны действия и что в конце концов логика здравого смысла восторжествует, меня поддержат. А волков бояться — в лес не ходить.

Я не ошибся только в первом предположении. Та, как выразился один журналист, «буря возмущения» в «патриотической», консервативной и «желтой» прессе

действительно превзошла все ожидания, используя мыслимую и немыслимую дезинформацию, досужие предположения, заключения «экспертов», знатоков гебистской «этики». Я не учел главного, что национал-большевизму нужны были такие «беспрецедентные» факты для разжигания ненависти, дискредитации новой власти, оболванивания масс, борьбы с «т. н. демократами», «жидо-масонами», «шпионами иностранных разведок», «ставленниками мирового империализма»… А кому охота подставляться?

Скандал в отечественной прессе разразился после того, как посол США Ричард Страусс в середине декабря заявил в Вашингтоне, что американской стороной получены от МСБ схемы установки подслушивающих устройств в строящемся здании посольства. В интерпретации ТАСС, перепечатанной многими изданиями, это событие стало выглядеть так, будто Бакатин неожиданно вызвал Страусса в свой кабинет и вручил ошарашенному послу схемы всех технических устройств во всех зданиях, где живут и работают американские дипломаты, вместе с образцами этих устройств.

Не прошло и пары дней, как вся пресса была полна материалов, тон в которых задавал некий Общественный комитет обеспечения государственной безопасности (ОКО ГБ), созданный в недрах МСБ ее же собственными сотрудниками. Воззвание ОКО ГБ, начинавшееся словами «Чекисты! Товарищи! Соратники!», цитировалось едва ли не всеми газетами. Там уже излагалась версия о личной и тайной явке Бакатина в американское посольство вместе со схемами и образцами, передача которых «беспардонно закончила одно из сложнейших оперативно-технических мероприятий органов госбезопасности» и является актом государственной измены. «Чекисты, товарищи, соратники» наверняка знают, что это «сложнейшее мероприятие» бесславно было провалено в 1982 году, когда, заметая следы, из того, что с таким рвением воздвигалось, все, что возможно, было навеки безвозвратно уничтожено их коллегами. И после этого осталась только ложь, которая была очевидна даже детям.

Со страниц «Правды» и шовинистической газеты «День» в мой адрес следовали ушаты грязи, а эпитеты типа «предатель» и «изменник» были едва ли не самыми мягкими. От сотрудников госбезопасности, являвшихся депутатами в Моссовете, поступила инициатива возбуждения против меня уголовного дела по статье «Измена Родине», предусматривающей наказание вплоть до смертной казни. Генеральный прокурор России поручил провести соответствующее служебное расследование[3].

В газетной лихорадке первых дней скандала меня поразило

прежде всего то, что, охотно цитируя мнение безымянных «чекистов», ни одно издание не опубликовало полного текста официального заявления МСБ об этом событии. Наглядное свидетельство того, насколько старый КГБ не потерял еще возможности управлять средствами массовой информации.

Приведу полностью текст этого заявления, чтобы читатель впервые мог с ним познакомиться:

«В связи с заявлением посла США в СССР г-на Р. Страусса о факте передачи Межреспубликанской службой безопасности американской стороне технической документации, относящейся к использованию подслушивающих устройств при строительстве нового здания посольства США в Москве, МСБ считает необходимым сообщить следующее.

Заявление посла США в СССР г-на Р. Страусса соответствует действительности.

В 1969 году руководством СССР было принято решение об установке в намеченном к строительству новом комплексе зданий посольства США средств специальной техники для съема информации, что и было реализовано в ходе возведения этих зданий в 1976–1982 годах.

В дальнейшем с обнаружением этих устройств и протестами правительства США оборудование зданий спецтехникой было прекращено, кабели для соединения внедренных элементов с аппаратурой регистрации изъяты, что сделало всю систему съема информации нежизнеспособной.

Однако до последнего времени компетентные органы СССР отрицали сам факт установки спецсредств. Недоверие, долгие годы существовавшее между нашими странами, способствовало принятию Конгрессом США законодательных решений, запрещающих задействование новых зданий посольств США в Москве и СССР — в Вашингтоне. На перестройку практически готового комплекса в Москве Конгресс США вынужден был выделить ассигнования в размере до 300 миллионов долларов.

Качественно новый уровень отношений между двумя странами, основывающийся на взаимном доверии и открытости, установившийся в последнее время, позволил принять решение, которое в полной мере отвечает духу нового политического мышления.

По инициативе руководителя МСБ В. Бакатина в ходе его переговоров с послом США г-ном Р. Страуссом была достигнута договоренность о передаче американской стороне исчерпывающих сведений об элементах и местах расположения спецтехники в новом здании посольства Соединенных Штатов. Эта договоренность была согласована с Президентами СССР и

РСФСР, министерствами иностранных дел Союза и России. Такое решение полностью делает бессмысленными огромные затраты американской стороны на перестройку здания и с учетом духа и перспективы наших новых отношений может быть с пониманием встречено американским народом».

Передача схемы уже нежизнеспособной и невосстановимой подслушивающей системы вовсе не было спонтанным и волюнтаристическим решением «спятившего» руководителя МСБ. Вопрос тщательно прорабатывался как на политическом уровне, так и на уровне экспертов.

Вопреки утверждениям прессы передача документации вовсе не была неожиданностью ни для Страусса, ни для высшего государственного руководства двух стран. Сам акт передачи, состоявшийся 5 декабря, был намного скромнее, чем его описывала печать: в нем не участвовали ни Бакатин, ни Страусс, а только эксперты. При этом никакие образцы техники американская сторона не получала, поскольку она давно их имела.

Это была очередная ложь, впрочем, не имевшая особого значения.

При принятии этого нетрадиционного, беспрецедентного в мировой практике, но все-таки частного — по конкретному объекту и известной ситуации — решения превалировали, конечно, политические соображения. Никто не ставил под сомнение, что этот акт доброй воли поможет продолжать укреплять двусторонние отношения. Вряд ли кто-нибудь сможет отрицать, что этот шаг давал нашей стране определенный политический выигрыш, хотя, конечно, несравнимо меньший, чем односторонние российские инициативы в области разоружения. Но все равно это шаг в правильном направлении.

Предложения о том, чтобы рассекретить техническую документацию КГБ по новому зданию посольства США, я впервые направил Горбачеву еще в сентябре 1991 года. Он согласился с моими соображениями и 19 сентября предложил решить вопрос после согласования с министром иностранных дел СССР Борисом Панкиным. Тот откликнулся в самом позитивном духе.

Коль скоро вопрос самым непосредственным образом затрагивал интересы России, я предварительно доложил об этом Б. Н. Ельцину и получил абсолютное его одобрение. Министр иностранных дел Российской Федерации Андрей Козырев также однозначно поддержал инициативу передачи.

После того как Панкина на его посту сменил Эдуард Шеварднадзе, я связался с этим опытнейшим дипломатом. У Шеварднадзе, когда я сообщил ему о возможности разрубить

посольский узел, как мне показалось, вырвался вздох облегчения: «Это давно надо было сделать! Если бы ты знал, как этот вопрос мешал нам на всех переговорах, заставлял юлить и оправдываться».

Наконец, непосредственно накануне передачи, я еще раз позвонил Ельцину и услышал в его голосе что-то вроде раздражения; чего, мол, воду в ступе толчем. Договорились — надо делать.

Американская сторона была поставлена в известность о нашей готовности предоставить техническую документацию, если это поможет задействовать новые здания посольств США в Москве и СССР в Вашингтоне, также еще в сентябре. Об этом я писал Бейкеру. Посол Страусс специально выезжал в Соединенные Штаты для необходимых согласований. В начале декабря он официально заявил о согласии высшего руководства США в цивилизованном духе разрешить конфликт вокруг посольских зданий в случае представления «в полном объеме той информации, о которой шла речь».

S декабря был наконец сделан еще один реальный шаг (а не пустые разговоры) на пути к установлению тех подлинно дружественных отношений между двумя странами, о которых Президент Ельцин так ярко говорил во время его недавнего визита в США.

Позднее один из главных упреков, которые адресовала мне даже демократическая пресса, заключался в том, что не была соблюдена взаимность и американцы тут же не отдали нам схемы своих подслушивающих устройств в новом посольском здании в Вашингтоне. Что же, это справедливый упрек. Но он тоже из прошлого, когда на аптекарских весах на переговорах годами уравнивали взаимные уступки. Политика — не базар, где обязательно надо сразу отдавать пятерку за пучок укропа, и политический выигрыш не всегда приходит немедленно.

Новая политика доверия, если она политика доверия, не может продолжать руководствоваться этим аптекарско-базарным принципом. Нельзя оскорблять партнера недоверием. Мы делаем первый шаг, ничем его не обусловливая. Но я был уверен, что американская сторона также пойдет навстречу и я смог бы довести эту проблему до полного разрешения.

Наконец, кто возьмется сейчас отрицать, что в том числе и передача документов по посольству, продемонстрировавшая реальную искренность нашей позиции, способствовала принятию председателями комитетов по разведке сената и палаты представителей Конгресса США предложения о сокращении вдвое штата ЦРУ, коль скоро Америка больше не рассматривает СНГ

своим врагом. Кстати, со стороны США это тоже будет шаг односторонний. Важно сейчас не заблудиться в естественных в это переходное время сложностях и возможных недоразумениях. Тем более немало «патриотов» с той и другой стороны эти «недоразумения» создают. Необходимо продолжать политику доверия, ибо ничто другое не имеет перспективы.

При проработке вопроса о передаче документов на уровне наших экспертов первостепенное внимание уделялось соблюдению принципа ненанесения урона безопасности нашей страны. Те сомнения в целесообразности этого акта, которые высказывали в последнее время на страницах печати некоторые специалисты, имевшие определенное представление о технической стороне дела, вовсе не были для меня каким-то откровением. Те же сомнения на различных подготовительных этапах возникали и у меня. Но я опирался на мнения тех экспертов, которые имели прямое отношение к внедрению спецтехники в здание посольства, а не просто что-то «знали понаслышке».

Наиболее серьезные аргументы технического свойства, которые приводились на стадии проработки и приводятся сейчас для обоснования нецелесообразности передачи, можно свести к трем:

1. Американцам выдали новейшую сверхсекретную технику, которая не имеет аналогов в США. «Аналогов» в США она, наверное, не имеет, так как это вчерашний день даже для нас. А американская техника, как выразился один специалист, «поизящнее».

Установленная в здании посольства США техника — новинки в лучшем случае середины 70-х годов, а вовсе не 90-х. Морально она уже устарела. Кроме того, американцы и ранее имели информацию о местонахождении спецсредств и доставали их образцы и без нашей документации. С помощью тех радиоизотопных томографов с кобальтовой «пушкой», которыми они «просвечивали» здание в 80-е годы, они уже имели полное или 95-процентное представление о всех наших хитростях. Во всяком случае, таким было однозначное мнение советских экспертов, моделировавших эффективность применения этих томографов при «просвечивании» конкретного строения.

2. Получив эти документы, представители спецслужб США смогут разработать методику обнаружения аналогичных подслушивающих систем в других зданиях.

Американцы с успехом обнаружили систему, и не имея схемы. Кроме того, «специалисты» должны знать, что такие «дела» настоящие специалисты по «типовым проектам» не делают.

Аналогов нет.

3. Спецслужбы США узнают, откуда пришли отдельные блоки со встроенной спецтехникой (а часть из них привозилась из-за границы), что поможет им вскрыть наших зарубежных агентов.

И без схем, просветив конструкции, еще несколько лет назад американцы знали, в каком блоке что находится. И уж, конечно, если это их интересовало, узнали, где они изготовлялись. Мы им таких сведений не представляли. Что же касается сообщения «Аргументов и фактов» о якобы состоявшейся высылке нескольких работников совучреждений из Финляндии в связи с передачей схем американской стороне, то его можно отнести к разряду откровенных газетных «уток». При чем здесь наши специалисты в Финляндии? Пусть это «рассекречивание» останется на совести «АиФ» и тех мафиозных структур, которые дали эту информацию.

Нельзя сказать, что все без исключения эксперты в МСБ были за передачу, да иного и трудно было ожидать. Никому не хочется признаваться в собственных ошибках, которые много лет назад привели к провалу операции.

Сторонники привлечения меня к ответственности за «разглашение важнейшей государственной тайны» заявляли, будто, принимая решение о передаче документации по посольству, я нарушил законодательство о государственной тайне. При этом приводился аргумент сколь убийственный, столь и наивный: «Если бы эти данные разгласил рядовой сотрудник спецслужб, ему бы не избежать тюрьмы».

При этом как-то забывают, что руководитель МСБ, реализующий политическую волю высшего руководства страны, — не рядовой сотрудник. Для сравнения: если рядовой сотрудник ракетной базы пускает туда людей из Пентагона, он совершает преступление. Если их привозит с собой министр обороны — то какие к нему претензии? Закона о государственной тайне у нас нет, так что нарушить я его при всем желании не мог. Действуют старые постановления Совета Министров и ведомственные инструкции, которые утверждает Председатель КГБ и согласно которым сам имеет право самостоятельно принимать решения по рассекречиванию любых документов по его ведомству. Но только Председатель, а не рядовой сотрудник. Но в любом случае никакой «тайны» не выдавалось. Был подтвержден давно известный факт неудачной операции КГБ.

Вся эта травля и шумиха в связи с посольством доставила мне и прежде всего моим близким немало тяжелых минут. Никому бы не пожелал оказаться на месте человека, на которого лгут самым бессовестным образом из-за идеологических соображений. Истина здесь очевидна, но она никому не нужна. Нужен скандал. Поэтому

оправдываться бесполезно. Оправдания только подливают масла в огонь.

Та кампания, которая велась против меня по этому поводу в отечественной прессе, была мне понятна в том смысле, что было совершенно ясно, откуда у нее «растут уши» — от «чекистов» и, мягко говоря, «социал-патриотов». Понятны мне и выступления в американской прессе, в которых говорилось, что «Бакатин отдал не все». Конечно, трудно поверить в искренность такого партнера, как КГБ, который еще вчера был злейшим врагом. Но от стереотипов пора отказываться. Не для того я проводил политику реформирования КГБ, чтобы играть в старые игры. Не для того, чтобы заменять неправду на полуправду. От недоверия к доверию — трудный путь. Но его надо пройти, хотя будут мешать те, кто паразитировал на конфронтации, жил и кормился за счет недоверия, потому и стерегут его как зеницу ока.

И государству, и тем более спецслужбам, многое еще предстоит преодолеть, пройти «минные поля холодной войны» так, чтобы не подорваться. Надо делать свое дело. Не унижаться до оправданий. Но сказать, что не стоит реагировать на нападки реакции, неверно. Демократии надо иметь активную наступательную позицию, не потерять темпа, не создать вакуума, ибо недоверие, которое еще не исчезло, может вновь быстро его заполнить.

9. Сто семь дней

Бывают пьяные дни в истории народов. Их надо пережить, но жить в них всегда невозможно.

Тэффи

Как оказалось, сто семь дней было отпущено мне на реформирование КГБ. Отсчет начался с 23 августа. На сто первый день, 3 декабря 1991 года, КГБ формально прекратил свое существование. Формально, но не по сути поручение Госсовета было исполнено. Родилась принципиально иная Межреспубликанская служба безопасности.

Через пять дней, 8 декабря, в Минске руководители Белоруссии, РСФСР и Украины заключили соглашение о создании Содружества Независимых Государств. СССР не стало. Вместе с ним, как оказалось, стала ненужной концепция МСБ, представляющая собой механизм координации совместной работы спецслужб республик. Все эти 107 напряженных дней прошли, как теперь оказалось, во многом зря… Я не жалею о них. Лично я по-другому не смог бы их прожить и не знаю, как в той обстановке можно было бы действовать иначе. Конечно, построение и реализация концепции реформы спецслужб в конечном счете зависели не от воли какого-то человека, даже Председателя КГБ, а от характера и совокупности тех политических процессов, которые происходили в стране. От тех целей, которые ставили политики.

Это были беспрецедентные по драматизму, насыщенности и политической непредсказуемости дни.

Первого сентября, в воскресенье, Михаил Сергеевич Горбачев первый раз собрал то, что позже будет названо Политсоветом. В Кремле, в Ореховой комнате, присутствовали Гавриил Попов, Юрий Рыжов, Анатолий Собчак, Александр Яковлев, Егор Яковлев, Георгий Шахназаров, Григорий Ревенко, Иван Лаптев… Речь шла о предстоявшем Съезде народных депутатов. Конечно, недопустимо в вольном пересказе передавать, кто и что говорил (стенограммы у меня нет). Я и не буду этого делать. Скажу только, что был поражен общей нашей беспомощностью. Позиция каждого, кто считал нужным ее выразить, была ясна, но механизмов реализации любых предложений не было… Не было и достаточно достоверной информации и прогноза. Масса вопросов повисала в воздухе. Соберутся депутаты или нет? Кого не будет?

Сорвут съезд? Потребуют отставки Президента? Самому подать в отставку? Кому вести съезд? Какой доклад? Чей? Какова позиция России? Плохо, что опять их здесь нет. Какие документы можно предложить съезду?

Наиболее уверенно чувствовали себя Г. Попов и А. Собчак.

Ситуация исключительная. Прежний Союз разваливается. Страна в хаосе. Была высказана идея начать съезд совместным заявлением руководителей республик. Призвать к заключению нового Союзного договора и немедленно подписать краткое соглашение об экономических отношениях. Создать временные союзные структуры. Определиться по новым выборам и готовить новую Конституцию. Немедленно заключить соглашение о коллективной безопасности, единстве вооруженных сил. Подтвердить соблюдение всех международных обязательств.

На этом и разошлись. Михаил Сергеевич попросил каждого передать ему, если возникнут, соображения к съезду… Но было ясно, что времени уже нет.

В соответствии со своей давно приобретенной привычкой «номенклатурного чиновника» на каждый «форум» идти с заранее заготовленной речью я в тот же вечер набросал на всякий случай тезисы.

Привожу их здесь исключительно для того, чтобы избежать осовременивания оценок.

Как отмечал мудрый французский историк Марк Блок, «… у человека, который, сидя за письменным столом, не способен оградить свой мозг от вируса современности, токсины этого вируса, того и гляди, профильтруются даже в комментарии к «Илиаде» или к «Рамаяне». Думаю, что я из тех, кто не способен. Поэтому даю оценки ситуации, как я считал в те дни, без комментариев:

«1. Победа над путчистами — это революционный прорыв в заведшей в тупик политике перестройки. Демонтаж авторитарных структур, на который в нормальной обстановке потребовались бы годы, свершился за считанные дни. Политическая обстановка в стране кардинальным образом изменилась, но, к сожалению, не только в лучшую сторону.

2. Путчисты, если можно так выразиться, фактически добились одной из главных своих целей — подписание Союзного договора сорвано. Вполне объяснимый гнев на центральные государственные структуры вылился в «парад независимостей». Сейчас создалась парадоксальная ситуация. В условиях резкой демократизации центральной власти, когда Союз мог бы быть наполнен истинно демократическим содержанием, созданы гарантии неповторения прошлого, проявилось отчетливое

стремление отмежеваться от этой новой власти, от обновленного Союза со стороны отдельных республик.

Я уверен, Союз нужен. И не ради какой-то абстрактной государственной идеи, а во имя интересов каждого человека в каждой республике. Сейчас невозможно реанимировать прежний проект Союзного договора, но я уверен — нам надо стремительно двигаться к новому Договору и подписывать его. Причем всем республикам должно быть предоставлено право оговаривать свои особые условия членства в Союзе в случае их несогласия с тем или иным положением Договора. Наконец, необходимо немедленно заключить экономическое соглашение между всеми заинтересованными республиками безотносительно того, подписывают ли эти республики Союзный договор или нет.

3. Что касается республик Прибалтики, то их право на независимость должно быть реализовано и оформлено соответствующими правовыми решениями. Но при этом нельзя допускать ошибку, перешагивая через целый ряд проблем, которые обязательно должны быть решены до обретения Прибалтийскими государствами полной независимости: судьбы людей, желающих сохранить союзное гражданство, прав меньшинств, собственности, обеспечения безопасности.

4. Провал государственного переворота создал ситуацию вакуума центральной власти. В тюрьме находятся ключевые фигуры из руководителей государства. Структура союзной исполнительной власти развалилась. Это положение далеко не так безопасно, как может показаться некоторым в эйфории победы. Страна осталась без каких-либо рычагов воздействия на кризисные процессы и прежде всего в хозяйственной сфере. В условиях фактического отсутствия рыночных механизмов это грозит полным экономическим коллапсом.

Где выход? Рынок, но это дольше и сложнее, чем кто-то думал. Быстро создать структуры новой союзной исполнительной власти не удастся. Единственная возможность — временно вручить власть Государственному совету, состоящему из глав государств всех республик, наделив этот Совет распорядительными функциями.

5. Провал путча создал для демократических сил небывалые возможности для консолидации, для того чтобы они взяли в свои руки судьбу страны, пользуясь поддержкой народа. К сожалению, мы наблюдаем сейчас немало тенденций к новому расколу демократических сил. В эту трудную минуту многие демократы оставляют без поддержки Центр, Президента СССР да и Президента России. Лидеры КПСС давно предали идеи реформации. Они никогда не были «в центре», и сейчас

политический центр пуст… Там только личный авторитет Ельцина… Если не найти идей и лозунгов для формирования новых конструктивных политдвижений, то процессы экономической и политической дезинтеграции примут такой стремительный и необратимый характер, что вскоре придется иметь дело не с восьмью бездарными заговорщиками, а с озлобленным и голодным народом.

6. Радуясь успеху демократии, нельзя закрывать глаза на возможность очень скорой консолидации сил реванша, которые временно ушли со сцены, но в любой момент могут выйти из-за кулис или действовать нелегально. Кстати, возрождение активности этих сил чувствовалось уже в ходе работы сессии Верховного Совета СССР. Было бы трагедией, если такие настроения станут доминирующими на этом Съезде»…

Съезд начался с «Заявления», с которым выступил Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Прошел он очень драматично, но в конце концов, как мне тогда представлялось, принял единственно возможные и правильные решения. Лично я был с ними согласен.

Начался «переходный период». Никто, по-моему, не знал, от чего, к чему и чем он закончится. Это тем более трудно было представить, поскольку решения Съезда стали нарушаться сразу же, как только депутаты разъехались по стране.

Надежды, порожденные провалом путча, победой демократии, Съездом, завершившимся на удивление конструктивно… надежды эти стали таять… осыпаться вместе с осенними листьями этой красивой, затянувшейся осени, последней осени Союза ССР.

6 сентября было первое заседание Госсовета. Присутствовали руководители всех республик. Был даже представитель Грузии, который, после того как выяснил, что никто не намерен сегодня рассматривать вопрос о признании ее независимости, покинул собрание.

Очень долго и сумбурно рассматривался вопрос о внешней задолженности. Никто никого не слушал. Горбачев блистал глубиной знания проблемы и был бесспорным лидером. Фактически он подавлял всех своей эрудицией и энергией. Это было плохо. Возникшие противоречия и споры между руководителями республик не получали своего разрешения. Горбачев выступал арбитром, оставляя последнее слово за собой. На слабые возражения всегда был испытанный прием: «Хорошо, давайте будем считать, что в принципе договорились, а «детали» доработаем «в рабочем порядке»…

Положение наше было плачевным. Объяснения причин вроде

того, что, планируя валютные поступления, считали, что будем продавать нефть по 105 долларов за тонну, а продаем за 68, были неубедительны. Кто же это так «планировал»?

Такие наивные вопросы оставались без ответа. А в заключение Михаил Сергеевич сказал, что самое опасное — разгласить эти проблемы.

Воспользовавшись ситуацией, после обсуждения главного вопроса, я попросил принять Указ Президента СССР о правовой и социальной защите сотрудников упраздняемых КГБ Прибалтийских государств. Согласие было получено, но позднее аппарат комитета не смог представить по этому вопросу сколько-нибудь приемлемый проект.

В одном из перерывов подошел к Ельцину и обговорил с ним принципы подчиненности Московского управления, а также просил поддержать кандидатуру Евгения Савостьянова на должность его начальника.

4 сентября, накануне заседания Госсовета, назначенного на 16-е, Михаил Сергеевич вновь собрал Политсовет. Обсуждался «текущий момент». Все активно критиковали Председателя Верховного Совета Украины Леонида Кравчука и позицию некоторых российских политиков, направленную на поглощение союзных структур, а фактически на иллюзорное усиление России за счет развала Союза. Предлагали Президенту активизироваться в вопросах, жизненно важных для всех людей. Например, издать Указ о земельной реформе, которая зашла в тупик. Стимулировать продажу земли. Или Указ о приватизации, о содействии мелкому предпринимательству, формировании частного права. Вопросы конверсии… Гарантии иностранных инвестиций и т. п.

Говорили и о необходимости немедленной президентской реакции на акты, подобные действиям Украины, в отношении союзной армии. Сейчас самое страшное — застой, который явно наметился. Надо же все использовать, не взирая на реакцию президентов, для усиления настроений в пользу Союза.

Госсовет, который обсуждал вопросы продовольствия и заслушал доклад Григория Явлинского об экономическом союзе, прошел по тому же сценарию. Доминировал Президент СССР. Объективно он действительно лучше других знал ситуацию. Но он не должен был это демонстрировать, следовало дать выговориться другим и, помолчав, поставить руководителей республик перед необходимостью договариваться. Горбачев же хотел, как ему казалось, как лучше, а в итоге вызывал недовольство членов Госсовета, которые в коридоре махали руками: «Опять та же говорильня»… После Госсовета я зашел к

Михаилу Сергеевичу и сказал, что мне представляется, он делает большую ошибку. Ему надо быть председателем, и только, проводя заседание так, чтобы каждый руководитель республики ощущал себя хозяином, ответственным за Союз в целом, а не затыкать ему рот и не навязывать свои решения. Михаил Сергеевич согласился со мной.

На этом заседании меня поразила энергичная позиция Ельцина, аргументированно, но немногословно, по сути говоря, потребовавшего скорейшего подписания экономического соглашения, немедленного (до конца сентября) заключения продовольственного соглашения, а также создания МЭКа (Межреспубликанского экономического комитета). Удивила и позиция уважаемого мною и всегда уравновешенного Президента Киргизии Аскара Акаева, который оппонировал Явлинскому, выступая против экономического союза.

Как же так? Ведь еще двух недель не прошло, как президенты подписали Заявление, где говорилось о необходимости «безотлагательно» (!) заключить экономический союз…

Надежды таяли… Проблемы обострялись. История, конечно, потом все расставит по местам. Но мне кажется, в этой драме «роль Мефистофеля» неожиданно сыграл Леонид Кравчук, как-то быстро изменившийся. Никто не спорит — надо меняться. Нельзя же вечно быть комидеологом. Все бы ничего, да плох национал-сепаратизм, который используют политики в своих предвыборных интересах борьбы за президентское кресло.

В сентябре «борьба с центром», которая велась по инерции лидерами республик, была бы смешна, если бы не приводила к углублению общего кризиса…

Дело не двигалось с места, тонуло в разговорах.

Б. Н. Ельцин вскоре уехал в отпуск. М. С. Горбачев фактически уже не обладал реальной властью. Центральные исполнительные структуры во главе с Силаевым находились в каком-то ложном положении: «царствуют, но не правят». Все вопросы так или иначе для верности надо было согласовывать с Ельциным. Прошел месяц после путча. Ситуация все более и более вызывала беспокойство. Я решил подготовить для печати статью. Поделиться своим «непониманием» ситуации. Публикация затянулась. В газете «Известия», где статья была опубликована 25 октября, заголовок «Мы продолжаем праздновать победу заговорщиков» почему-то поменяли на более спокойное: «Мы продолжаем праздновать. Мы не приступаем к делу», но в остальном по тексту изменений не было. Приведу основные фрагменты статьи.

«…Умер старый центр. Окончательно развалился тандем

правительства и Политбюро ЦК КПСС. Закончились мучительные поиски того, чего, как выяснилось, не было. Не было у лидеров КПСС желания, а главное — способности к самообновлению. Слепые, они бодро шагнули в пропасть заговора и, сами того не желая, сделали доброе дело, ускорив очищение дороги реформам от идеологического саботажа.

В те дни на улицах России люди праздновали победу наконец-то свершившегося прорыва в начавшей было загнивать революции — перестройке.

Закончились праздники. Прежняя бестолковость будней. Но не могу избавиться от странного ощущения, что мы продолжаем праздновать. Мы не приступаем к делу.

Беспечно, в который уже раз теряя время, мы не замечаем, как идеи демократии и здравый смысл, победив реакционный догматизм, теряют демократические черты, утрачивается чувство здравого смысла. И новые лидеры, расталкивая друг друга локтями, бодро движутся к не менее губительной пропасти.

Страна, люди объективно находятся в сложнейшей ситуации. Аргументы — за окном. В тысячных очередях за сахаром, мукой, водкой. Налицо экономический хаос, справиться с которым возможно будет, только добившись минимальной политической стабильности и доверия к власти, общего понимания неизбежных трудностей на единственном пути их преодоления через свободное предпринимательство, инициативу и энергию. В противном случае этот хаос приведет к мощнейшему взрыву людского недовольства, который похоронит и нашу государственность, и нашу едва народившуюся демократию. Последнего путчисты как раз и добивались.

Заговорщики собирались сорвать оформление новых отношений между республиками. И оно сорвано, Союз распадается. Я имею в виду не старый унитарный Союз, сцементированный одной идеологией, насилием и ложью. О нем жалеть не стоит. Распадается многонациональный организм, связанный тысячами экономических, культурных, человеческих отношений. Именно человеческих. Потому что вопреки официозу идеологов старой системы, изобретавших сухие схемы «единой общности», человеческие отношения между русскими, грузинами, узбеками, украинцами, казахами, таджиками, евреями, осетинами, татарами… между всеми нами были. Были, когда не было права на иную идеологию, кроме официоза. Были как естественная реакция самозащиты от удушения. Они были естественны, потому что были человеческими, а не «межнациональными» или «межгосударственными».

Сейчас же, обретая идеологическую свободу, естественное

право быть демократом, консерватором, христианином или иудеем, мы за этим наконец-то обретенным правом быть личностью стали забывать сущность человеческого и обязанность быть человеком. «Классовые» подходы сменяются не «приоритетом общечеловеческих ценностей», а всеобщим эгоизмом.

Мы пропадем, если будем прежде всего не людьми, а русскими или армянами, верующими или атеистами, демократами или читателями «Советской России». Из труднейшего положения, в котором мы находимся, по-другому не выбраться…

Ситуация усугубляется многочисленными субъективными и объективными факторами, коренящимися в прошлом и настоящем.

Это — коммунистическая идеология и порожденная ею уродливая милитаризированная экономика. Уповая на силу, они тормозили естественный эволюционный процесс в национально-государственном строительстве, а в итоге привели к взрыву старой государственности, поставив всех перед фактом лавинообразного разрушения страны.

Это — фактическое отсутствие демократических политических структур, социальной базы демократии, низкая общая, политическая культура, неразвитость рынка, рыночной психологии, предпринимательской этики, уродливая структура экономики и многое другое, что говорит о незрелости условий для естественных интеграционных процессов.

И все же… Можно было бы разделиться и ждать, пока все эти условия для объединения созреют. Я бы хотел ошибиться, но беда в том, что это невозможно. То, что срасталось столетиями, не разделить голосованием парламента или митингом. Против естественного хода истории безнаказанно не пойдешь.

Все здравомыслящие люди давно поняли, что жить нам без крови и насилия можно только при взаимной доброжелательности вместе, не пытаясь делить, чего давно уже нет. И всякие ссылки на то, что так было при Иване Грозном, по меньшей мере провокационны. Время все унесло, и того, что было, нет. Историю не перепишешь, какой бы тяжкой и горькой она ни была. Сейчас другие времена, другие поколения. Безумно воскрешать прошлую вражду, обрекая на нее своих детей и внуков.

В провале заговора многие увидели, к сожалению, не столько победу сил демократии, не только возможность качественно новой творческой деятельности, сколько поражение и дискредитацию центральной власти и возможность «под шумок»,

без раздумий о последствиях разрушать и быстро «решать» свои «национальные» проблемы. Конечно, на первом плане здесь объективные интересы не народов суверенных республик, а тех политиков, которые, как и прежде, озабочены укреплением своей власти.

Но власть не укрепляется односторонними заявлениями или угрозами. Сила любой демократической власти в доверии. Доверие предполагает разумную оптимальную децентрализацию. Это в одинаковой мере справедливо как в отношении «союзного», так и республиканского или областного уровня.

Когда был диктаторский центр, стремление к отторжению от него было прогрессивным. Сейчас центра нет. Сами лидеры суверенных государств должны создать тот центр, которому они могут доверять. Это поможет стабилизировать ситуацию и внутри республик, если будут предприняты и шаги, исключающие диктат в отношении любых национально-государственных образований или регионов со стороны самих республик.

Неважно, какое соглашение будет подписано раньше — экономическое, политическое, военно-политическое. Пусть республики станут субъектами международного права. Пусть мы откроем две тысячи новых дипломатических представительств в других странах, если у нас так много лишней валюты. Пусть мы не будем принимать союзной Конституции — достаточно будет республиканских.

Но Союз нужен. Хотя бы потому, что вне его никто не может гарантировать свою территориальную целостность. Без хотя бы психологического ощущения, что Союз есть, рассыплются или превратятся в поле военных действий и Россия, и Украина, и Казахстан… Один сепаратизм неизбежно и незамедлительно порождает другой. И, покончив с Союзом, мы сразу перенесем процесс распада в республики, и бежать будет некуда.

Мы искусственно спровоцируем проблему той части населения республик, которая не принадлежит к коренной нации. Эта категория людей (а их десятки миллионов) по мере усиления сепаратистских тенденций вынуждена будет все более решительно защищать свои права, как она их понимает или как их вбивают в голову через средства массовой информации национал-политики. Неважно, с какой стороны. Я, как мог, выступал за независимость прибалтов, не верил пророчествам политиков из «Союза». Я искренне рад, что справедливость восторжествовала. Независимость обретена. Но я не хочу, чтобы «пророчества» Алксниса сбылись, не могу согласиться с тем, как не «по-джентльменски» начинают вести себя молодые самостоятельные государства. Потеряв ощущение реальности,

они принимают дискриминационные законы о гражданстве; как будто бы нет более неотложных дел, протерпев 50 лет, проявляют поспешную «смелость», выступая в роли бескомпромиссных судей прошлого; требуют абсолютно нереалистичных сроков вывода войск и т. п. И все это еще до начала переговоров. Цивилизованные политики, каковыми всегда считались прибалтийские парламентарии, не должны опускаться до мелкой мести ушедшей системе за счет унижения людей, не по своей воле ныне живущих рядом с ними.

Хотелось бы верить, что эти симптомы подмены демократизма национализмом не станут правилом. Останутся исключением, не более как временным затмением от успеха. Но тем не менее это еще раз подтверждает аксиому: сепаратизм и национализм неразделимы, а демократизм всегда интернационален.

Сепаратизм губителен и в экономической сфере. Известно, что заговорщики ставили своей целью воспрепятствовать рыночным реформам, свободе и независимости товаропроизводителей на едином экономическом пространстве, полноправному вхождению страны в мирохозяйственные связи. И все эти цели сейчас «успешно» реализуются.

Если раньше проведение неотложных рыночных преобразований затягивалось из-за идеологического саботажа Центра, то сейчас становится все более проблематичным из-за сепаратизма республик. Вместо того чтобы признать нашу общую и полную экономическую безграмотность и при помощи международных институтов и экспертов заняться созданием правовых и организационных условий для начала здоровой предпринимательской деятельности, мы усугубляем кризис, разрушая, а не реформируя остатки народнохозяйственного комплекса, и продолжаем делить все более и более уменьшающийся продукт.

Суверенные государства, а за ними и области стремятся сохранить на своей территории производимые ими куски общего экономического пирога. Людвиг Эрхард, творец послевоенного немецкого «экономического чуда», справедливо замечал: «Решение лежит не в делении, а в умножении национальной продукции. Те, кто свое внимание уделяет проблемам распределения, всегда приходят к ошибочному желанию распределять больше, чем в состоянии производить народное хозяйство». У нас же о расширении производства, тем более на новой основе, сейчас уже никто не задумывается. Все делят или «посредничают».

Стоят на месте процессы приватизации. Никаких сдвигов с

развитием фермерства. Складывается впечатление, что новая власть, отобрав собственность у Центра, не намерена спешить от нее отказываться. Но ведь в данном случае не важно, кто находится у власти — демократы или реакционеры, сторонники старого Союза или противники, — плохо то, что собственность остается государственной — союзной ли, республиканской — и ни на миллиметр не приблизилась к людям. А ведь еще Адаму Смиту было известно, что «человек, не имеющий права приобрести решительно никакой собственности, может быть заинтересован только в том, чтобы есть возможно больше и работать возможно меньше». Опять выход в том, чтобы спуститься до человека. Дать возможность любому желающему открыть свое дело. Создать для этого жесткий механизм помощи предпринимателю и спроса с чиновника, теперь уже «демократа», мешающего этому ради своей выгоды.

Сепаратизм создает угрозу и тому, что называют стратегической экономикой. Ныне существует общая кровеносная и нервная системы — продуктопроводы, линии дальней связи, космос, магистральные железные дороги, Единая энергосистема, разрыв которой может оказаться смертельным для экономики любой республики. Без всяких натяжек буквально смертельно разваливать доставшийся нам в наследство мощный единый и действительно неделимый, требующий особой дисциплины и высочайшего интеллекта комплекс производства расщепляющихся материалов. И здесь разум покидает нас вместе с инстинктом самосохранения.

…В какой-то степени заговорщики одерживают триумф и во внешнеполитической сфере. Ясно, что их победа свела бы на нет все достижения нового политического мышления, дестабилизировала всю систему международной и европейской безопасности. И она дестабилизирована. Радость от нашей демократизации сменилась страхом. В мире уже трепещут от наших ежедневных перемен, опасаясь, что под обломками рухнувшего Союза могут быть погребены не только русские, узбеки или украинцы.

Острейшим образом стоит ядерная проблема. Переход всего ядерного оружия под контроль России, о чем не раз заявлялось, просто физически невозможен. Неопределенность в вопросе контроля над ядерным оружием, несомненно, не только обострит отношения между республиками, не только поставит под угрозу Договор о нераспространении ядерного оружия, крайне осложнит отношения с другими ядерными державами и процесс разоружения. Главное, по-моему, — мы еще плохо осознаем колоссальную опасность прежде всего для нас самих. Это даже не

Чернобыль.

Где же выход из нынешнего положения? Убежден, решение проблем упирается не столько в политическую реальность, сколько, в реальных политиков, в столкновение политических воль и амбиций. Решение — в лидерах, осознающих всю тяжесть лежащей на них ответственности, которым верят и которым доверено решать судьбы народов и стран.

Нам всем больше всего надо бояться того дня, когда Ельцин устанет бороться, когда Горбачев махнет на все рукой и восторжествует политика тех, кто подталкивает к разрыву, к силе, к угрозам, к сепаратизму путем «наказания» сепаратистов. Не надо искать временных выгод: мышление только сегодняшним днем, равно как и неопределенность, — это худшая из политик… Не громоздить все новые и новые завалы на пути к возможному согласию республик. Проявить терпение, выдержку и четко договариваться между собой обо всем, о чем можно договориться. Видеть выгоду в единственно существующей возможности вместе, пусть медленно и постепенно, но выйти из кризиса. Только так можно реально достичь цели (если это цель) укрепить государственность каждой республики.

…Сейчас необходимо временное согласие республик доверить решение общеполитических, международных и оборонных вопросов сформированным республиками общесоюзным органам. То звено, за которое можно потянуть всю цепь, лежит в сфере экономики, в создании всех условий для частного предпринимательства, особенно мелкого — от фермера до пекаря.

Пора наконец начать осуществлять управляемый переход к рынку. Для этого потребуется немало политического мужества, поскольку такой переход безболезненным не будет и на первых порах не принесет его инициаторам народной любви.

Победившим демократическим силам жизненно необходимо перестать мыслить категориями оппозиции Центру. Они уже — не оппозиция. Они — власть».

Симптомы развала, обретающего обвальный характер, можно было замечать совершенно в различных сферах. Особенно тревожила ситуация в армии. Ежедневная информация была достаточно серьезной. Как внешние, так и внутренние объективные и субъективные силы и противоречия раздирали вооруженные силы. Сведение счетов за поддержку путча или наоборот. Демократы и ортодоксальные коммунисты. Псевдопатриотизм, шовинизм и национализм. Все это вместе, помноженное на социальную и моральную незащищенность, накапливало опасный потенциал недовольства и раздоров.

Конфликты возникали даже там, где их и при желании трудно было предположить. Например, среди уважаемых мною руководителей движения участников афганской войны. Я, как мог, старался способствовать единству этого движения, его объединяющему, сдерживающему насилие потенциалу при условии держаться вне политики.

Глубокое беспокойство процессами, происходящими в церковной среде, грозящими расколом, высказывал мне при личной встрече Его Преосвященство Патриарх Алексий. Я сам попросил принять меня с тем, чтобы заверить его, что впредь КГБ не будет вмешиваться в дела церкви, ни в малейшей степени не будет использовать священнослужителей в интересах спецслужб. Копии с любых материалов из архивов КГБ, касающихся церкви, мы будем готовы передать в ее распоряжение.

На всем лежало проклятие политики раскола. Даже на благотворительных организациях (Детский фонд), даже в среде спортсменов.

Тем не менее я по-прежнему считал, что реально существующая единая экономическая, социальная, психологическая среда и объективно неизбежные интеграционные процессы не позволят нам развалиться больше, чем до уровня разумной, свободно избранной децентрализации в союзе независимых государств.

Однако я не был одинок, плохо представляя себе мощное неутолимое желание новой молодой волны политиков обрести полную свободу и независимость, свергнуть ненавистный «Кремль», стать «единоначальными правителями» новых суверенных государств.

Для того чтобы лучше понять логику этих людей, я хотел предложить читателю выдержки из одного документа.

Николай Столяров — исключительно близкий к российским демократическим кругам политик, который первым согласился пойти со мной в КГБ, но у которого не все получилось… Он часто заходил ко мне с какими-нибудь оригинальными идеями. Так было и на этот раз. Взволнованный, он положил на мой стол записку, которую я привожу с некоторыми сокращениями.

«К вопросу общеполитической ситуации (политологический анализ и прогноз).

Последние попытки Кремля реконструировать развалившееся политическое сообщество посредством нового Союзного договора обречены. РСФСР в состоянии нейтрального ожидания

широкомасштабных межреспубликанских соглашений превращается в политического заложника беззубого центра.

То, что называют кризисом в российском правительстве, на самом деле является закономерным следствием инерционно долго сохраняющегося двоецентрия.

Это наконец-то отчетливо поняла часть близко стоящих к Ельцину высокопоставленных лиц из законодательных и исполнительных структур России. В лице тт. Руцкого, Бурбулиса, Козырева, Шахрая, Румянцева, Станкевича, Травкина, Полторанина, Шохина, Федорова, Лазарева и других российское самосознание обрело команду разумных его носителей. Другая, не согласная с ними часть видных российских деятелей, так или иначе связанная с кругом высокопоставленных руководителей Центра, еще не изжила в себе иллюзии относительно целесообразности сосуществования центральных и российских структур.

Сегодня ближе к истине оказываются те, которые считают, что Советский Союз был формой существования России и она не должна допустить распада своего тысячелетнего государства, а республикам, отказавшимся от СССР, предстоит самим решать, ассоциироваться ли им в новую межгосударственную сообщность или нет…

Общественное сознание РСФСР как совокупное явление сейчас готово к такому жесткому решению проблемы становления полноправно самостоятельной России. В этом Б. Н. Ельцин найдет поддержку и среди демократически настроенных масс, и среди традиционалистов. Не стоит бояться обвинения в имперских замашках России. Беря на себя ответственность за свою дальнейшую судьбу, Россия никого не притесняет. Она не зовет в свое государство другие бывшие союзные республики.

То, что сегодня зовется РСФСР, необходимо сохранить на принципах конституционной федерации. Сопротивляющийся парламент, возможно, придется обходить введением прямого президентского правления.

Сегодня по отношению к бывшим союзным республикам России объективно необходимо действовать «с позиции силы». В области экономики это можно обеспечить за счет «нефтяного и газового кранов», и опасения республиканских лидеров на сей счет не стоит рассеивать. Не исключено, что их действия в отношении Центра были так вероломны прежде всего потому, что он не обладал реальной властью над этими «кранами». России крайне необходимы и инструменты подтверждения ее достаточной мощи. Армия, органы безопасности и МВД, находящиеся на территории РСФСР, должны быть полностью

переведены под юрисдикцию России. В этом плане ни у кого не останется иллюзий насчет ее бессилия.

Смена всего кабинета министров России в условиях правительственного кризиса ничего не даст, если одновременно не произойдет отказ от центральных структур власти и в массовом сознании не сменятся ориентиры и парадигма надежд…

Таким образом, России ничего не остается другого, как:

1. Взять на себя ответственность за продолжение существования на международной политической карте крепкого российского государства.

2. Затем предложить отделившимся союзным республикам действительно договориться о возможной сфере совместных новых интересов и структурах их реализации.

3. Незамедлительно перенести отношения с бывшими союзными республиками в русло международных.

Решение всех этих вопросов нельзя откладывать в долгий ящик. Не стоит бояться и обвинений в том, что данные предложения продвигают Россию к геополитическому соревнованию. А почему бы и нет, если такого рода состязание станет ведущим стимулом развития всех государств, образующихся на территории бывшего СССР. Однозначно: сегодняшний коллективный межреспубликанский центр абсолютно не в состоянии явиться таким стимулом и функционально решать стратегические задачи».

Не думаю, что это писал лично сам Столяров. Взгляды этого политика, как мне казалось, всегда отличались большей осмотрительностью.

Здесь же все ставится с ног на голову. В тот период не Россия была заложником «беззубого» центра, а центр — «в кармане» у Б. Н. Ельцина. Что здесь правда, так это то, что он (центр) «беззубый», чего никак не скажешь о Борисе Николаевиче.

Правда и то, что «СССР был формой существования России». А если это так, то кому же, как не России, оберегать эту «форму», но исключить из нее имперское содержание. Здесь же, наоборот, вся «политика» строится на имперском содержании, на силе, на угрозе «закрыть задвижку».

Проблема «двоецентрия» существовала. Но это в переходный период естественно. Властные центральные структуры должны быть заменены на координационные. А «безвластным» республиканским пора стать властью у себя в республике, не жаловаться на центр. Чего его «беззубого» бояться?

Однако проблема эта не только психологическая, кадровая или даже политическая. Это в большей степени правовая проблема. Она возникла из-за нерешенности на строгой

конституционной или договорной основе вопроса о разделении полномочий между республиками и центральными органами. Этот вопрос имел и второе, российское измерение, еще более сложное.

Видеть решение проблемы в установлении прямого президентского правления, для «обхода» парламента — очередное повторяющееся заблуждение.

Никто не спорит, власть должна быть сильной. Но действия с позиции силы всегда бесперспективны, тем более при слабой, то есть не пользующейся поддержкой масс власти.

Между тем октябрь и ноябрь были для Горбачева, для Центра месяцами возобновившейся активности ради восстановления договорного так называемого «ново-огаревского процесса».

2 октября члены Политсовета, собравшись у Горбачева, главным образом обсуждали эту новую политику отдельных российских лидеров, суть которой отражена выше в записке Столярова. Но, конечно, главным идеологом этой политики был Геннадий Бурбулис. Накануне состоялась его встреча с депутатами, где были изложены эти идеи. Россия должна заявить о независимости и стать правопреемником СССР, который исчезает с политической карты мира. Депутатами высказывалась критика в адрес Б. Н. Ельцина, что после путча он упустил шанс ликвидировать Союз, взять на себя все союзные структуры. Эти политики были убеждены, что Союзный договор не нужен.

Обсуждались и другие вопросы. Юрий Лужков проинформировал, «где мы находимся с продовольствием»… Посетовали, что так и не движется нормальная предпринимательская деятельность в производственной сфере. Договорились, как запустить переговорный процесс с прибалтами. Отправили Анатолия Собчака и академика Евгения Велихова в Таджикистан…

Но главным оставался вопрос Союзного договора и соглашений между республиками. 1 октября Горбачев разослал всем членам Политического консультативного совета проект Союзного договора, «доработанный с учетом замечаний Б. Н. Ельцина и с ним согласованный». Над этим текстом и работали.

Благодаря невероятному терпению, гибкости и способности убеждать, которые проявили Г. Явлинский и М. Горбачев, благодаря твердой позиции Б. Ельцина и Н. Назарбаева 18 октября республики подписали экономическое соглашение.

Казалось бы, разум восторжествовал. По крайней мере, вспомним, как больше месяца назад Д. Бейкер, находясь под впечатлением от встреч с нашими лидерами, говорил об этом соглашении как о вопросе решенном и как о том стержне,

который всех объединит. Я был согласен с ним, но мою оговорку, что в нашей ситуации экономика и здравый смысл могут быть принесены в жертву политическим целям, он, как мне показалось, не воспринял. Хотя, может быть, я что-то не понял…

Тем не менее 18 октября я радовался вместе со всеми… Тем более что работа по согласованию нового текста Союзного договора шла достаточно успешно. И некоторые лидеры республик, в частности Назарбаев, шли в вопросе о сохранении общих координационных и управленческих структур даже дальше самого Горбачева.

Как частный аргумент в пользу Союза я расценил и единодушное создание на Госсовете вместо КГБ принципиально новой Межреспубликанской службы безопасности, основанной на принципах не команд, а сотрудничестве, координации. У меня начали отлаживаться контакты с республиками. Очень полезными они были с Россией. Проблемами межреспубликанских, межнациональных отношений, как мне представляется, разумно и взвешенно здесь занималась Галина Старовойтова. Обмен информацией с ней еще раз продемонстрировал, что зачастую российские политики склонны руководствоваться не документами, не истинным положением дел, а эмоциями, почерпнутыми из средств массовой информации.

Очередная запущенная «нашими» телесекундная утка, например, по поводу агентуры, якобы переданной Бакатиным эстонцам, сразу вызывает вполне понятное возмущение в политических кругах, способствует усилению настроений побыстрее избавиться от этого «вредного» Центра. Г. Старовойтову я никогда к таким политикам не относил и не отношу. Прежде чем «возмущаться», она считает необходимым выслушать «вторую» сторону.

1 ноября было очередное заседание Политсовета. Разговор о том, что Ельцин за Союз, что Назарбаев прислал свой вариант 5-й статьи, где более четко трактует обязанности и права Центра. О том, что надо всемерно поддерживать Ельцина. Опять сетовали, что нет ни у кого механизмов влияния на процессы. А некоторые говорили о близком приходе диктатуры. Экономической программы у россиян и республик нет. В этом жестокая реальность.

Тем не менее в ноябре все по-прежнему исходили из того, что у Союза или Содружества были шансы на выживание. Идея сохранения межреспубликанского единства в какой-то форме не вызывала открытых возражений у лидеров республик. Она продолжала пользоваться широкой общественной поддержкой.

27 ноября, менее чем за десять дней до исчезновения СССР,

были опубликованы результаты опроса, проведенного Фондом социально-политических исследований, которые показали, что по сравнению с 17 марта, когда 73 процента граждан на референдуме проголосовали за сохранение Союза, настроения избирателей практически не изменились. По данным опроса, в городах РСФСР, Казахстана и Украины за Союз высказались 75 процентов ответивших. В Москве число его сторонников возросло с 50 до 81 процента, в Киеве — с 45 до 60 процентов.

11 ноября на заседании Госсовета М. Горбачев выступил перед президентами с короткой речью, в которой сквозила боль. Его трудно было узнать. Он говорил о том, что мы теряем время, являемся заложниками конъюнктурных политических страстей. Мы должны ответить людям, снять их тревогу и беспокойство. Кое-кто хочет столкнуть Центр и республики, уничтожить Центр, уничтожить Союз. Он заявил, что не держится за свое место и готов уйти. Но пришло время занимать позицию. Предложил не разъезжаться, пока не договоримся.

14 ноября в Ново-Огарево участники заседания Госсовета СССР в принципе согласовали текст Договора о Союзе Суверенных Государств (ССГ). В нем предусматривалось конфедеративное устройство Союза, всенародное избрание Президента ССГ, принцип двойного суверенитета — и Союза, и образующих его республик — при наделении республик статусом полноправных субъектов международного права, сохранение союзного правительства и единства вооруженных сил. Предполагалось, что текст Договора в сочетании с принятой на сентябрьском Съезде народных депутатов Декларацией прав человека станут достаточной заменой Конституции СССР, надобность в которой, таким образом, отпадет. Теперь предстояла окончательная редакция документа, его обсуждение в парламентах республик и еще одно рассмотрение Госсоветом.

Мне довелось присутствовать на этом ново-огаревском заседании, которое состоялось 25 ноября.

К двенадцати часам собрались в старинном особняке, расположенном в красивом парке в Подмосковье. Было ожидание чего-то значительного. Много журналистов, с которыми, правда, обращались, на мой взгляд, не очень цивилизованно…

Горбачев сразу предложил простую схему — идти по тексту.

Ельцин, который сидел рядом с ним, подал короткую реплику, что, мол, к сожалению, в тексте появились какие-то новые формулировки, о которых мы не договаривались.

Горбачев мягко на это среагировал: ««Ну ничего… Дойдем до них… Обсудим… Итак ССГ. Ни у кого не возникает?» «Возникло» у кого-то СЕАР (Союз евроазиатских республик), но отвергли.

Ельцин снова настаивал на том, чтобы вернуться к началу обсуждения. Он говорит, что речь должна идти не о конфедеративном демократическом государстве, а о Конфедерации демократических государств.

Горбачев: «Не вижу смысла…»

Борис Николаевич говорит, что тогда он при парафировании подложит протокольное заявление…

Михаил Сергеевич: «… это бессмыслица»…

Ельцин не соглашается с такой оценкой и говорит, что Верховный Совет России не утвердит договор.

Горбачев говорит, что утвердит, и начинает вспоминать, как он был в Иркутске и как народ за Союз…

А я вспомнил другое. Как еще совсем недавно все хотели подписать новый Союзный договор на конфедеративной основе, а Михаил Сергеевич вместе с Лукьяновым сопротивлялся этому. Ни в коем случае. Только федерация! Мы еще не жили в федерации. Поживем, а там видно будет…

Но так и не пожили… Теперь уже и Конфедеративное государство не устраивает новых лидеров…

На этом историческом заседании М. Горбачев еще раз попытался сохранить ту пусть символическую, шаткую, но конструкцию единого государства государств, которую, казалось, ему удалось создать на обломках партийно-государственного тоталитаризма. Однако Госсовет так и не парафировал Союзный договор. Вместо этого он был направлен Верховным Советам государств, выражавшим желание образовать новый Союз, которым предстояло обсудить его и вынести решение — одобрить или отклонить. Открытый для «творческого усовершенствования» проект отправлялся в непредсказуемое парламентское плавание, откуда он мог уже не вернуться. И не вернулся.

На заседании 25 ноября я взял слово только один раз, чтобы задать руководителям республик «свой» вопрос о том, каким им видится будущее структур безопасности. Мнение всех присутствовавших президентов и председателей Верховных Советов было однозначным: межреспубликанские органы безопасности следует обязательно сохранить. МСБ, Центральная служба разведки, пограничники и другие отпочковавшиеся от КГБ структуры найдут достойное место в будущем Союза. На том и расстались.

Последнее в истории заседание Государственного совета СССР состоялось 27 ноября в составе руководителей пяти республик. Рассматривался только один вопрос — об обострившейся ситуации в отношениях между Азербайджаном и Арменией, сложившейся в связи с упоминавшейся катастрофой

азербайджанского вертолета.

Больше Госсовет не собирался.

Итоги провала ново-огаревского совещания 29 ноября были обсуждены на очередном Политсовете. Но что это меняло?

Да, все согласны, что если год назад по логике впереди ставили экономическое соглашение, то теперь все — и экономика в том числе — упирается в политический союз.

Надо твердо стоять на позиции Союз — государство.

Конечно, справедливы волнения в связи с Украиной. Что ж это за Союз без Украины?

Михаил Сергеевич удивлялся метаморфозе Бориса Николаевича, возмущался его госсоветником Сергеем Шахраем, который «за унитарную Россию, но за развал Союза»… Очевидно, что мы опять имеем дело с колебаниями российских лидеров. Как они не понимают, что по мере обострения межреспубликанских взаимоотношений нужда в Союзе возрастает… Но они не понимали… Что делать? Заниматься жизненно насущными вопросами. Опять продовольствие. Опять предпринимательство. Резервы и т. п.

Поскольку президенты во власти сиюминутных ситуаций, опираться необходимо на другие силы. Парламенты, общественные движения, интеллигенцию, автономии.

Очевидно, что российские политики приняли решение. Они играют свою игру. Колебание не в цели, а в тактике. Как убрать Центр, то есть Союз. Но они пока боятся открыто сказать об этом народу. Помимо прямой ликвидации Союза предполагается тактика постепенного перерезания всех кровеносных сосудов союзного руководства. Председатель Госбанка Геращенко уже требует от Президента «письменных указаний», но и их не исполняет. Союз умрет сам, а Россия выйдет на сцену правопреемницей.

К экономическим реформам Россия не готова. Программы нет. Захватом союзных структур думают получить выигрыш времени и политический выигрыш. Однако это проигрышная для России политика. В то же время критика Центром России на руку России. Но в итоге демократия, не справившись с возложенной на нее ролью и не оправдав ожиданий народа, потеряет его поддержку и к власти придет фашизм с «социалистическим» лицом.

Бюрократизма, неразберихи и привилегий стало больше. Суета. Коррупция. Никто ничего не решает, ни до кого не дозвонишься, но каждый требует телефон в автомобиль.

Публично выступать бесполезно. Будет обратная реакция. Но крутой разговор, без огласки, с точками над «i» необходим. Или

союзное государство, или всем уходить. Коллективная отставка.

Последний разговор обреченных политиков обреченного государства, доставшегося им в наследство из прошлого. Государства, оказавшегося неспособным преодолеть это прошлое в себе иначе, как ценой собственного разрушения.

10. Конец Союза

Прошлое оплачено, настоящее ускользает, будьте в будущем.

Гастон де Левис

1 декабря 1991 года проходили президентские выборы на Украине, в Казахстане, Приднестровье и Гагаузии. Избранный Президентом Украины Леонид Кравчук заявил, что с выходом «из империи для Украины никакой катастрофы не будет, потому что она потенциально богатое государство. Союзный договор Украина не подпишет». Трудно сказать, чего здесь больше — эгоизма или цинизма. Но эта губительная политика как будто бы базировалась на волеизъявлении 90 процентов избирателей Украины, которые в тот же день на референдуме высказались в поддержку акта о провозглашении независимости республики. Исход референдума был предопределен заранее. Разве можно себе представить, чтобы кто-то голосовал против «свободы»?

3 декабря было распространено заявление Президента РСФСР Ельцина, в котором говорилось: «Российское руководство заявляет о признании независимости Украины в соответствии с демократическим волеизъявлением ее народа». В документе отмечалась необходимость как можно скорее приступить к становлению новых межгосударственных отношений между Россией и Украиной.

2 декабря я по моей просьбе был принят Б. Н. Ельциным. Это была короткая встреча. Я просил Президента России решить вопрос финансирования МСБ до конца года. В ходе разговора напомнил о его согласии принять в России в январе 1992 года миссию сэра Аллана Пикока, организованную директором Венского отделения ООН госпожой Маргарет Энсти по моей просьбе. Цель этой миссии — рекомендации социальной защиты населения в условиях перехода к рынку. Еще я попросил Бориса Николаевича подписать короткое обращение к сотрудникам новой службы «МСБ». Разговор не мог не коснуться ситуации на Украине. Здесь у нас было общее мнение. Надо отнестись к этому спокойно, признать итоги референдума. Но через пару дней неожиданностью для меня явился звонок из Беларуси. На субботу и воскресенье ждут в Минске Ельцина и Кравчука. Зачем?

Неофициальная встреча трех лидеров имела своим результатом решения поистине революционные и вполне официальные. Согласно Соглашению о создании Содружества

Независимых Государств от 8 декабря 1991 года, СССР прекращал свое существование, деятельность органов теперь уже бывшего Союза на территориях государств — членов Содружества прекращалась.

Договоренности, спонтанно родившиеся в глуши Беловежской пущи, положили конец попыткам сохранить единое государство. Объективные и субъективные процессы, связанные с обретением республиками независимости, далеко обогнали ново-огаревский процесс. Горбачев слишком долго боролся за федерацию и опоздал.

В воскресенье, 8 декабря, вечером он был взволнован, брошен всеми и, как мне показалось, растерян…

Он позвонил мне домой где-то около 20 часов.

Если раньше он всю информацию получал от Крючкова, то в последнее время при параличе спецслужб, «двоецентрии» и строжайшем запрете контроля за политиками Президент порой знал больше меня…

«Они ищут Назарбаева из Минска», — сказал Михаил Сергеевич… «Нет, — заметил я, — Назарбаев не полетит, не тот он человек…» — «Да, конечно…» Что еще можно было сказать, а тем более сделать?

Но Президент СССР в этих сложных условиях принял решение бороться за Союз до конца. Когда мы, члены Политсовета, собрались у него в понедельник, он сказал, что в отставку не уйдет, будет дожидаться развития событий и пытаться влиять на них. Особые надежды все мы возлагали на возможность перевести процедуру прекращения существования Союза ССР на конституционные рельсы. Коллективно мы помогли М. Горбачеву подготовить «Заявление Президента СССР», отговорили его в тот день от выступления по телевидению. Е. Яковлев организовал прощальную видеозапись, и мы пошли по знакомым полуосвещенным, пустынным и длинным кремлевским коридорам. Вся эта суета оказалась ненужной. Завтра сюда придут другие люди. Хорошо бы, чтобы получилось у них.

Силы беспомощного центра и политически могущественных республик были слишком не равны. Три славянские республики считали себя вправе самостоятельно, без учета мнения центральных органов власти и других республик распустить Союз, у истоков создания которого они стояли в 1922 году. 10 декабря Соглашение о создании СНГ ратифицировали Верховные Советы Украины и Беларуси, 12 декабря за ними последовал российский парламент. Все три республики приняли решения о прекращении полномочий депутатов от них в союзных законодательных органах.

После этого все попытки хотя бы затормозить лавинообразный развал Союза были обречены на провал.

Трудно описывать свои ощущения тех дней, и не только потому, что трудно отрешиться от «вируса современности». Трудно и потому, что до сих пор чувствую, что произошла невосполнимая потеря. Исчезло государство, в котором я прожил всю жизнь. Оно было обречено на реформу, но переходить за грань его уничтожения было нельзя. Однако истории было суждено распорядиться по-иному.

Но история не кончается, и интеграция неизбежна.

Пока же политики избрали самый легкий путь утверждения своих амбиций, сыграв опасную игру на естественной тяге народов к национальной государственности и гипертрофированном стремлении к «независимости». Опасность здесь в том, что, переходя грань разрушения единого многонационального государства, можно незаметно перейти грань от здорового «национального самосознания» к безумству фашизма в различных его формах. Я уже не говорю об общеизвестных социально-экономических и политико-правовых издержках, опасности того, что процесс распада Союза перекинется внутрь независимых государств.

Драматизм ситуации в том, что огромное число граждан — за сохранение Союза, но их желание перекрыто общим синдромом независимости, прошлым негативным опытом и надеждой на авось. Мол, хуже, чем было и есть, уже не будет.

Какова в этих условиях могла быть позиция союзных структур? Ее практически не было, так как не было уже и Центра. Чтобы избежать драматического развития событий, у союзной власти не оставалось другого пути, кроме как согласиться с решением трех республик, пусть оно и не вполне конституционно. В этом случае хотя бы временно уменьшалась опасность насилия, а значит, быстрее смогли бы возобновиться объективно неизбежные интеграционные процессы.

Проанализировав ситуацию вместе со своими ближайшими помощниками, мы пришли к следующим выводам:

«I. Прекращение существования Союза ССР требует надлежащего конституционно-правового оформления. Невнимательное отношение к существующим правовым нормам может впоследствии стать дополнительным стимулом для консервативных сил в их борьбе против Содружества Независимых Государств, нести в себе постоянную угрозу его разрушения. Для предотвращения такого развития событий считал бы целесообразным:

1. Высшим представительным органам государственной

власти всех республик бывшего Союза ССР принять решения о прекращении действий для себя Договора об образовании СССР 1922 года, а также Конституции СССР 1977 года в части их членства в составе Союза ССР.

В РСФСР решение этого вопроса связано с созывом Съезда народных депутатов, поскольку, согласно ст. 104 п. 3 Конституции РСФСР, именно в его компетенцию входит принятие решений по вопросам национально-государственного устройства, отнесенным к ведению РСФСР. Характер обсуждения вопроса на сессии Верховного Совета показал, что вероятность положительного решения Съездом вопроса о денонсации Договора 1922 года и изменениях Конституции РСФСР весьма высока.

При этом каждая республика должна оговорить пределы действия на ее территории законов Союза ССР.

2. Даже с учетом того, что ряд суверенных государств принял решение об отзыве своих депутатов из Верховного Совета СССР, следовало бы рассмотреть вопрос о восстановлении полномочий республиканских депутатов в объеме, необходимом для правового оформления упразднения Союза ССР я создания Содружества Независимых Государств и передачи отдельных функций органов бывшего Союза ССР вновь создаваемым структурам содружества. Полная передача органов Союза ССР под юрисдикцию России может вызвать болезненную реакцию других республик.

Через Верховный Совет СССР (главным образом Совет Республик) необходимо решить следующие вопросы:

— объявление республик бывшего Союза его правопреемниками;

— о контроле над ядерными вооружениями в переходный период;

— подтверждение незыблемости существующих границ;

— о судьбе союзной собственности, в том числе и той, которая находится за рубежом;

— о роспуске Верховного Совета страны и прекращении полномочий народных депутатов СССР;

— о прекращении полномочий Президента СССР, его неприкосновенности и условиях его материального обеспечения;

— решение вопроса об иных органах власти и управления (Госсовет, Комитет конституционного надзора);

— упразднения союзного гражданства;

— поставить вопрос о сохранении места Союза ССР в Совете Безопасности ООН за Содружеством Независимых Государств, а также о вступлении в ООН и другие международные организации независимых государств.

Эти вопросы можно решить и другим путем — через формирование полномочных делегаций бывшими республиками и последующее утверждение договоренностей главами независимых государств.

II. Логика развития отношений между независимыми государствами неизбежно будет диктовать необходимость создания межгосударственных структур.

Представляется наиболее рациональным не изобретать велосипед, а использовать наработанную модель Европейского сообщества, вписав в нее некоторые из уже существующих межреспубликанских структур.

Высшим органом СНГ мог бы стать Совет глав государств (в составе бывшего Госсовета за исключением Президента СССР). Председательствовать в нем могли бы поочередно президенты (председатели Верховных Советов) независимых государств. Совет глав государств должен определить структуру и функции постоянно действующих межгосударственных структур по типу комиссий Европейского сообщества.

Представительным органом содружества, не наделенным законодательными функциями (как и Европарламент), на переходный период мог бы выступить Совет Республик бывшего Верховного Совета СССР.

До решения вопроса о создании межгосударственного судебного органа для разрешения возможных противоречий между членами СНГ было бы целесообразно использовать механизмы Международных суда и арбитража, действующих на основе норм международного права. В перспективе было бы целесообразно создать судебную систему Содружества.

III. Структура межгосударственных органов обеспечения безопасности государств — участников СНГ могла бы выглядеть следующим образом:

1. Единое командование стратегическими силами;
2. Объединенное командование вооруженных сил;
3. Центральная служба разведки;
4. Объединенная служба пограничных войск;
5. Координационный комитет по таможенной политике;
6. Комитет специальной и правительственной связи;
7. Межгосударственная служба безопасности, которая может быть создана на базе отдельных служб МСБ и МВД СССР по типу «Интерпола».

МСБ осуществляла бы:

— координацию деятельности спецслужб и

правоохранительных органов государств — участников СНГ в интересах общей безопасности;

— информационно-аналитическую и методическую работу;

— обеспечение органов безопасности республик специальными техническими средствами;

— эксплуатацию единой базы данных;

— контрразведывательное обеспечение Объединенных вооруженных сил;

— подготовку кадров высшей квалификации для всех государств — участников СНГ».

Характер, темпы, конституционность процессов распада Союза зависели теперь только от воли глав республик, среди которых решающая роль принадлежала Президенту России Борису Ельцину. После ратификации Беловежского соглашения Верховным Советом РСФСР я направил ему письмо, в основу которого положил выводы вышеприведенного анализа.

До сих пор я уверен в том, что предложенный мною путь был более правильным, чем тот, который предпочли президенты республик, заложившие основы сотрудничества в рамках СНГ своим соглашением в Алма-Ате в конце декабря и проигнорировавшие конституционные органы Союза. Если бы Верховный Совет СССР или его верхняя палата, в которой все республики были представлены равными по численности делегациями, в декабре прошлого года решили названные проблемы, то сейчас, когда пишутся эти строки — в феврале 1992 года, не пришлось бы наблюдать за политическими баталиями вокруг армии, границ, зарубежной собственности Союза или идеи восстановления полномочий народных депутатов СССР и проведения их Съезда. Но тогда Б. Ельцин, реагируя на мое письмо, сказал, что опасается, как бы Верховный Совет СССР в случае его созыва не устроил бунт и не затянул практическую реализацию формулы Содружества. Не думаю, что эти опасения российского Президента были оправданны: в сложившейся расстановке политических сил в то время «бунтари», безусловно, были бы, но остались бы в меньшинстве в союзном парламенте. В конце концов, мало найдется действительно разумных политиков, которые бы не поняли, что бывают необратимые процессы. И выступать против них, может быть, и эффектно, но по существу — глупо.

Из интервью газете «Мегаполис-экспресс», опубликованного 26 декабря 1991 года:

«Вопрос. По мнению Горбачева, Союзный договор был просто необходим как база для реформирования нашего унитарного

государства, ибо без согласования между республиками реформа не пошла бы. А расхождение по национальным квартирам даже в виде содружества усложнит процесс взаимодействия между ними. Каково ваше мнение и как вы оцениваете факт создания СНГ?

Ответ. Во-первых, договор между суверенными республиками (государствами) есть не только и не столько база для реформирования, но и сама суть реформирования, заключающаяся в отказе от унитарного государства, подходе к такому союзу, где приоритет имеют республики, а форма содружества является предметом договоренности между ними. Идеальным, на мой взгляд, был бы более плавный переход. Но время потеряно, и что произошло, то произошло. Горбачевская (ново-огаревская) формула не устроила лидеров независимых суверенных республик. Они пошли дальше, на подписание соглашения о СНГ. Сейчас любой здравомыслящий политик должен поддержать это решение, способствовать проведению его в жизнь, укреплению. Ибо худшее, что может произойти, — это развал уже нового содружества.

Хочу напомнить, что я всегда выступал за формулу: республика первична, а Союз — вторичен. Данная формула сейчас реализуется. Но, во-первых, очень важно провести безукоризненное правовое завершение этого процесса, чтобы распад Союза, который фактически уже произошел, был оформлен достаточно убедительным правовым актом…

Во-вторых, мне не представляется разумной идея полной ликвидации межреспубликанских структур. Любое содружество, если это содружество, потребует каких-то механизмов согласования и проведения в жизнь совместных решений, которые будут приниматься на уровне глав государств — членов содружества. Поломать до основания, а затем вновь создавать межреспубликанские структуры, такие, например, как Министерство внешних сношений, по крайне мере опасно».

К сожалению, Беловежское соглашение и последующие события оказались роковыми для всех межреспубликанских структур, не только для Министерства внешних сношений. Даже модель Европейского сообщества, которая предусматривала наличие координирующих органов сообщества, показалась слишком жесткой и централистской руководителям независимых государств. Остатки всех союзных структур, среди которых была и МСБ, были обречены на исчезновение. Одна за другой они уходили в небытие, и к концу 1991 года от них остались лишь Объединенное командование вооруженных сил и Комитет по охране границы, чьи прерогативы также все решительнее оспаривались и урезались государствами Содружества.

Когда-то в сентябре я говорил М. Горбачеву, что он нехорошо поступил с министрами бывшего «павловского» кабинета. Ему надо было собрать их и сказать пару слов «на прощание». Б. Ельцин со мной побеседовал. Но об этом ниже.

У меня не было никаких иллюзий, что с исчезновением СССР Межреспубликанская служба безопасности может сохраниться в том виде, как я ее создавал, имея в виду сохранение пусть слабого, но Союза. Не было иллюзий и в отношении личной судьбы. Как член союзной команды, команды Горбачева, я должен был уйти вместе с Президентом СССР. Однако я действительно какое-то время надеялся на то, что какие-то координирующие структуры Содружества сохранятся и я смогу быть полезным в одной из них.

Сразу после Беловежского соглашения я обдумал вариант своей немедленной отставки. Однако решил этого не делать, о чем поставил в известность свою команду. Если МСБ суждено погибнуть, то мне, как капитану тонущего корабля, следует покинуть его последним.

Вместе с тем я дал поручение подготовить проект структуры и концепцию работы новой межгосударственной организации, координирующей деятельность их спецслужб, численность которой составляла бы уже не 40, а не более 2 тысяч человек. Я полагал и сейчас полагаю, что такая организация, действующая на принципах своеобразного «Интерпола», была бы весьма полезной.

Между тем новые власти как будто бы начинали действовать.

Утром 9 декабря дежурный приемной попросил меня взять трубку. На телефоне Иваненко. Он сказал, что звонит от Г. Бурбулиса и по его поручению. Попросил меня пригласить к 15 часам Е. Примакова. Бурбулис поручил Иваненко и Шахраю обсудить с нами ситуацию, вызванную «Беловежскими решениями».

В три часа дня Примаков был у меня. Мы прождали почти час. Наконец явился Иваненко. Один. Шахрай не смог. Мы с Примаковым, конечно, выразили «глубокое сожаление и понимание». Ну а в чем все-таки дело?

Оказывается, российское правительство хотело нам передать, что надеется на наше благоразумие и на то, что мы не будем предпринимать никаких «действий», а наоборот, все сделаем для обеспечения спокойствия. Этого нам можно было и не говорить. Ни у Примакова, ни у меня никогда не было в мыслях разжигать беспокойство, провоцировать беспорядки. Уж так воспитаны.

11 декабря вместе с Шапошниковым, Примаковым и Баранниковым находился в одной из комиссий Верховного Совета

СССР. На встрече с А. Котенковым и В. Стаднихом. Там меня по телефону разыскал Ельцин. Борис Николаевич сообщил, что нашел для МСБ испрашиваемые мной ISO миллионов. А по поводу оставленного у него 2 декабря обращения к сотрудникам МСБ с выражением поддержки и заинтересованности руководства России в их работе сказал, что так и не понял, что с ним делать. «Думаю, что теперь уже ничего не надо делать, — отвечаю. — Спасибо. Прошу снять этот вопрос. Сейчас давать какие-то авансы бессмысленно». Хорошо, что вопрос об ассигнованиях был решен положительно. Это позволит свести концы с концами и выплатить людям декабрьскую зарплату. Одной заботой меньше. Но в тот момент меня беспокоил другой вопрос: как Б. Н. Ельцин видит себе будущее МСБ?

Он довольно определенно ответил, что Межреспубликанская служба безопасности должна существовать, и попросил «пустить слушок», что он в скором времени готов лично встретиться с коллективом МСБ. «Как же мы ее сохраним, если столица Содружества перемещается в Минск?» — спросил я Президента России. На что он мне сказал, что не следует задавать наивных вопросов и не следует все воспринимать буквально. Конечно, никакого массового переселения в Минск не будет.

Этот разговор убедил меня, что поначалу Ельцин был настроен в пользу формулы более тесного Содружества, чем та, которая реализовалась на практике. В эволюцию его позиции, как мне представляется, внесли вклад лидеры других республик и прежде всего — Украины, портить отношения с которой он явно не желал. И правильно делал. Хотя иногда, к сожалению, срывался. Сыграла свою роль и своеобразная эйфория «расправы над центром», который в течение многих лет рассматривался в качестве если не источника различных республиканских бед, то, по крайней мере, был ограничителем и неприятным контролером для республиканского руководства.

Но уже через неделю Ельцин дал понять, что МСБ сохранить не удастся. Он позвонил мне и сказал, что намерен объединить российское МВД и службы контрразведки (АФБ). МСБ в этом случае сливается с АФБ. «А разведка?» — спросил я. — «Разведка остается самостоятельной».

Что же, по крайней мере ясность и обретенная наконец стабильность. АФБ еще не успело в полной мере отпочковаться от МСБ. Здесь в объединении нет проблем. Этот, к сожалению, болезненный процесс действительно сейчас лучше прекратить. Что же касается объединения с милицией, то я в свое время выступал за такую схему, но представляю, что «чекисты» будут сопротивляться.

«Это наша проблема», — сказал Борис Николаевич.

Я совершенно искренне поддержал кандидатуру Виктора Баранникова на пост министра, этого, как стали потом говорить, «монстра». Совершенно при этом не учитывая, что МВД объединялось не со старым полумиллионным КГБ, а с небольшими МСБ и АФБ (фактически всего лишь с внутренней контрразведкой).

19 декабря, в день отъезда Ельцина в Италию, последовал Указ Президента РСФСР «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР», начальный пункт которого гласил:

«В связи с ратификацией Верховным Советом РСФСР Соглашения о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года и в целях обеспечения безопасности Российской Федерации постановляю:

1. Образовать Министерство безопасности и внутренних дел РСФСР.

Создание Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР осуществить на базе упраздняемых Министерства внутренних дел СССР, Министерства внутренних дел РСФСР, Межреспубликанской службы безопасности и Агентства федеральной безопасности РСФСР.

Установить, что в соответствии с законодательством все здания и сооружения, материально-техническая база, информационные банки и системы, служебная документация и иное имущество упраздняемых министерств и ведомств переходят в государственную собственность РСФСР…»

Новым министром был назначен Виктор Баранников, бывший министр внутренних дел СССР.

Так закончилась не долгая история Межреспубликанской службы безопасности.

Тогда же произошел случай, который иначе как анекдотичным не назовешь. Он почти выпал из поля зрения прессы и вместе с тем весьма наглядно иллюстрирует порядки и нравы, царившие в некоторых коридорах российской власти.

20 декабря мне на стол положили Постановление Правительства РСФСР, датированное предыдущим днем, которое предписывало руководству АФБ России взять на себя управление Межреспубликанской службой безопасности. Документ мне показался крайне подозрительным. Во-первых, он противоречил Указу Ельцина от 19 декабря, согласно которому и АФБ, и МСБ упразднялись. Во-вторых, я точно это знал, Ельцин не подписывал такого постановления до отъезда в Италию. Не мог же он прислать его с Аппенин? В-третьих, под документом стояла

фамилия Ельцина, напечатанная на машинке, и печать аппарата Президента РСФСР, но не было его подписи. Наконец, в тексте были явные исправления, в частности, число «19 декабря», когда МСБ должна была перейти в подчинение АФБ, было впечатано в последний момент на машинке с другим шрифтом.

Проведя столь нехитрый «криминологический» анализ, я отдал своим подчиненным указание это постановление не выполнять до возвращения Ельцина, о чем поставил в известность и Председателя АФБ Иваненко, который с этим сразу согласился.

Как я и предполагал, это был продукт «аппаратных игр». Когда я показал этот Указ Борису Николаевичу, он коротко и лаконично назвал его фальшивкой. Судя по тому, как он был рассержен, кому-то в аппарате Президента, по-видимому, я невольно принес неприятности.

Указ от 19 декабря об образовании МБВД РСФСР оказался одним из наиболее критикуемых документов, вышедших из-под пера Ельцина, и ему тоже была уготована недолгая жизнь. Похоронил Указ пункт об объединении в одну организацию милиции и контрразведки.

Вопрос об этом стоял давно, и здесь придется сделать небольшой исторический экскурс. В бытность министром внутренних дел я являлся одним из сторонников идеи такого объединения. Мне казалось, что, слив огромные людские ресурсы нищей и «безлошадной» милиции с мощным материально-техническим и интеллектуальным потенциалом КГБ, можно было добиться серьезных прорывов в деле борьбы с преступностью. Я остаюсь сторонником такой структуры, но, работая в МСБ, из конъюнктурных соображений, дабы прервать цепь непрерывных реорганизаций, которые парализовали и милицию, и спецслужбы, я обосновывал преимущества раздельной схемы.

Когда 4 ноября 1991 года Госсовет СССР постановил: «Поручить тт. Баранникову В. П., Бакатину В. В. с учетом мнения республиканских органов рассмотреть предложения о возможности объединения Министерства внутренних дел СССР и Межреспубликанской службы безопасности в единую службу безопасности страны и представить согласованные предложения в Госсовет СССР», я выступил против, и поручение благополучно скончалось само по себе. Но после 19 декабря вопрос встал в практическую плоскость уже в российском масштабе. В некоторых газетах писали, что Ельцин, готовя Указ по созданию МБВД, ни с кем не советовался, в том числе и с Бакатиным. Не знаю, как с другими, но со мной он советовался, и я был «за».

Нельзя сказать, что я не видел негативных сторон Указа. Конечно, создание единого аппарата служб правопорядка не

вполне вписывалось в концепцию их взаимного контроля и «сдерживания». Но если честно, то его и раньше не было. А парламентский контроль, которого тоже не было, должен быть организован при любой схеме. Я предвидел негативную реакцию республик на поглощение Россией еще одной межреспубликанской структуры — МСБ. Я знал о настроениях на самой Лубянке: сотрудников элитных спецслужб угнетала мысль о переходе под начало МВД, где и работа потруднее. Они интересовались друг у друга, «когда идти получать милицейские свистки?». Не была секретом и реакция на Указ многих представителей демократической общественности, чьи позиции можно проиллюстрировать строками из заявления российской Ассоциации жертв политических репрессий, которое передал мне ее президент Николай Нумеров: «Со всей определенностью заявляем о крайней озабоченности бывших узников ГУЛАГа по поводу новой попытки государства объединить все репрессивные органы в могущественного, никем не контролируемого монстра, призванного снова взять народ за горло». Конечно, здесь больше эмоций, чем рационализма.

Тем не менее в разговоре с Ельциным я поддержал возможность соединения спецслужб и милиции. Как я уже говорил, я полагал, что самое худшее для спец-служб заключалось в затянувшейся их реорганизации и страшной неопределенности в отношении будущего, что буквально парализовало их деятельность. Указ позволял им в короткие сроки закончить все реорганизации, обрести почву под ногами и начать наконец нормально функционировать. Даже плохая определенность лучше неопределенности.

Далее несколько парадоксальное соображение. У меня появилась убежденность, что уход спецслужб «под милицию», лишение их привилегированного положения в какой-то мере могли способствовать нейтрализации угрозы «чекизма» для общества, подорвать его традиции. Заметьте, объединению противилась не только демократическая общественность, но и гораздо более рьяно сами представители органов госбезопасности (но не МВД). Они прекрасно понимали, что в составе нового министерства им не удастся сохранить свой привилегированный статус.

Наконец, я верил в искренность демократических устремлений Ельцина, который не допустил бы использования органов охраны правопорядка и безопасности против народа, как не сомневался в праве Президента России самостоятельно решать вопрос об их структурах.

23 декабря, ровно через 4 месяца после моего назначения на

Лубянку, Ельцин пригласил меня в свой кабинет для продолжительной беседы. У меня от этой встречи осталось доброе чувство. Борис Николаевич подробно рассказал о состоявшейся у него накануне беседе с Горбачевым по поводу его отставки. Еще раз поддержал мои действия по поводу известной затянувшейся истории со строящимся зданием американского посольства.

Ельцин спросил у меня, чем бы я хотел заниматься в дальнейшем. Я не стал скрывать, что не вижу для себя места в запутанных и полных разногласий российских структурах. Президент с пониманием к этому отнесся и предложил рассмотреть вариант с дипломатической работой. Может быть, я заблуждаюсь, но мне кажется, что я бы смог осилить эту новую для меня работу. Однако в это нестабильное время мне не хотелось покидать Россию. Я сказал Борису Николаевичу, что готов работать в межреспубликанских структурах, если будет на то добро, а главное, если такие появятся, а они должны появиться. Вопрос об их создании должен был стоять на заседании глав государств — участников СНГ 30 декабря. Президент резонно предложил мне уйти в отпуск на 2–3 недели и сказал, что, когда вопрос о межреспубликанских структурах прояснится, он найдет меня.

На том и расстались. 24 декабря очистил от бумаг сейф и покинул свой кабинет на Лубянке. Как оказалось — навсегда.

На следующий день последовало заявление об отставке Президента СССР Михаила Сергеевича Горбачева. Я уверен, этот человек навсегда вписал свое имя в историю, бросив вызов тоталитаризму на 1/6 части земного шара и избавив человечество от конфронтации и угрозы самоуничтожения. Да, он проявлял нерешительность, колебания, совершал ошибки. Но то, что сделано Горбачевым, одна из ярких страниц новейшей истории. Мне повезло с первых дней активно включиться в работу, которую начал Горбачев, по реформированию нашего государства и общества. В последние, наиболее драматичные годы перестройки судьба дважды уготовила мне не самые приятные и «легкие кресла» — МВД и КГБ.

Теперь пора подводить итоги.

Из интервью газете «Известия»:

«Вопрос. Несмотря на то, что Вы до прихода в КГБ работали министром внутренних дел, можно себе представить, что Вам не до конца было известно, чем занимаются на Лубянке. И вообще, видимо, отнюдь не многие могут похвастаться тем, что знают о КГБ абсолютно все. Что теперь Вы знаете о КГБ и изменились ли за 4 месяца Ваши представления об этой организации?

Ответ. Не верьте тому, кто похвастается, что знает о Лубянке абсолютно все. Нет такого человека. Мои представления не изменились, а расширились. Однако теперь я знаю, что знаю о КГБ гораздо меньше, чем предполагал раньше.

Вопрос. В первом интервью «Известиям» в новом качестве Вы сказали, что в своем старом виде Комитет госбезопасности СССР представляет собой опасность для государства. Вы брались избавить страну от этой опасности и сделать КГБ инструментом защиты государства и его граждан. Что Вы могли бы сказать сейчас: советская, вернее, уже российская спецслужба все еще может считаться небезопасной?

Ответ. Я не считал и не считаю сейчас возможным для нас реформирование КГБ по радикальному — германскому или чехословацкому пути, то есть полное упразднение, а потом новое создание. Не разгонять, а реформировать. Вот, если можно так выразиться, то гуманное направление, которое я избрал.

Реформирование, кроме того, включало в себя, я уже об этом не раз говорил, три известных направления. Прежде всего — дезинтеграцию. Она проведена. Структурно система спецслужб стала более безопасной для общества. И, по крайней мере, я рад, что все эти бурные перипетии вокруг нашей государственности в конце концов позволили хотя бы сохранить единую разведку.

Второе — децентрализация. Конечно, этот путь в меньшей степени зависел от воли руководителя КГБ, да и любого другого ведомства. В тех условиях слабого Союза это объективно осуществлялось помимо воли Центра. Но мы, я имею в виду МСБ — Межреспубликанскую службу безопасности, не потеряли управляемости, республиканские и областные структуры никто не разрушал. А руководители всех служб безопасности, буквально всех, включая Украину, Беларусь, Казахстан, Молдову, все Закавказские и Среднеазиатские республики, дали согласие на сотрудничество. Был создан координационный совет — хорошая основа для функционирования уже в условиях Содружества.

Третье, главное направление реорганизации — отказ от идеологии «чекизма», отказ от постоянного поиска врага, потому что без четко обозначенного врага, которого раньше указывало Политбюро, КГБ в старом понимании не мог существовать. Вначале это были контрреволюционеры, потом троцкисты, потом врачи-отравители, потом «американский империализм», потом диссиденты и т. д. Вот отказ от всего этого должен был произойти, а без этого КГБ как КГБ уже трудно себе представить. И здесь же следовала вторая часть этого направления — повышение эффективности работы. Поворот спецслужб к реальным потребностям общества, от шпиономании в условиях

кардинально изменившейся новой политики — к безопасности на основе сотрудничества и доверия. Главное внимание — внешнему криминальному влиянию на наши внутренние дела, борьбе с преступностью в новых экономических и межгосударственных условиях. Борьбе с организованной преступностью и прежде всего — с коррупцией. Здесь прямо надо сказать, успехов не было достигнуто. Да и не считаю, что можно было за столь короткое время в реальных условиях деморализации, если хотите, всех служб криминальной юстиции, не только КГБ, что-то сделать. Я не думаю также, что нарождающаяся российская служба, как и другие, имеет большие успехи в идеологической перестройке, адекватной построению демократического государства. Это то, чего предстоит еще добиваться. Я не считаю, что спецслужбы уже стали безопасными для граждан. Нет законов, нет контроля и нет профессиональных внутренних служб безопасности».

Акт моей формальной отставки с поста руководителя МСБ несколько затянулся. Развернувшаяся в средствах массовой информации и подхваченная Верховным Советом и Конституционным судом Российской Федерации кампания против Указа Ельцина об образовании Министерства безопасности и внутренних дел фактически парализовала усилия исполнительной власти по его реализации. Будущее спецслужб вновь стало неопределенным. Наконец, 14 января 1992 года, Конституционный суд России признал Указ противоречащим Основному закону. Это означало, что все возвращалось на круги своя и создавало несколько странную ситуацию. Юридически я вновь оказался во главе МСБ. Но новый Указ Ельцина от 15 января поставил точку. Я освобожден от обязанностей руководителя МСБ. Сожалений у меня не было. Мне не нравилось работать на Лубянке.

11. В парламенте

Чем больше власть, тем опаснее злоупотребление ею.

Эдмунд Берк

Тот, кто когда-то случайно ли, а тем более сознательно «влип в КГБ», соприкоснулся с ним, оставил на себе его след, а свой — где-то там в его таинственных пустых коридорах, тот уже до конца дней своих будет мечен этой меткой. Тем более, если вы были «шефом», председателем этой уникальной организации. Хочешь или не хочешь, теперь до конца жизни ты последний председатель КГБ. Даже если и бывший, это дела не меняет. Даже «Военный билет» тебе заменили и выдали новый «Военный билет генерала КГБ запаса». Так что формально я в «запасе» у КГБ, хотя его уже и нет.

Сейчас я нигде не работаю. Сижу за своим домашним письменным столом, пишу. Отвечаю на телефонные звонки любознательных родственников и знакомых. Принимаю дома всех, кто приходит. И вдруг получаю телеграмму. Правительственную.

«Бакатину В. В.»

Уважаемый Вадим Викторович!

Комиссия приглашает Вас принять участие в открытых парламентских слушаниях по теме: «Роль репрессивных органов бывшего СССР в подготовке и проведении государственного переворота в СССР 19–21 августа 1991 г.» Комиссия хотела бы ознакомиться с Вашими оценками по теме слушаний, а также узнать о Вашем понимании места вновь создаваемых органов федеральной безопасности в нашем государстве, задач, стоящих перед ними, их функций и структуры, гарантирующих невозможность их участия впредь в подготовке и проведении заговоров против законной власти.

Слушания состоятся 4 февраля с. г. в зале Совета Национальностей Верховного Совета РФ в 10.00.

Председатель Комиссии, народный депутат РФ Л. А. Пономарев.

Честно скажу, это было неожиданно. Только начал привыкать к частной жизни… Опять в политику? А надо ли?

Но все-таки я не мог не пойти. Написал речь. Переговорил с Львом Пономаревым, уточнил задачу и строго вовремя был в не очень знакомом мне «Белом Российском Доме». Меня там знали. Начиная от симпатичных доброжелательных гардеробщиц и кончая корреспондентами. Интервью давать я решительно отказывался. Но, наверное, слишком решительно и многословно. Ибо на следующий день появились публикации, от которых не откажешься. Кажется, ведь что-то подобное говорил…

Не так уж много времени прошло, а впечатление такое, что вернулся куда-то в очень знакомое прошлое, но в то же время ничего и никого не узнаю, все и так, и не так… Как у Вертинского: «… Мы жили тогда на планете другой, и слишком устали… и слишком мы стары…»

Но ничего: выступил я на тех слушаниях… Как будто бы слушали… после того как я вернулся на свое место, кто-то сзади сказал, что «надо же, как волновался, значит, говорил искренне…»

Мне казалось, что я не волновался, но говорил действительно искренне, хотя всего сказать не мог.

Завершая разговор об избавлении от КГБ, привожу это мое последнее выступление с трибуны Российского парламента 4 февраля 1991 года. Разговор завершается, но не избавление. Избавление продолжается.

Итак. «Многоуважаемые депутаты, я благодарен вам за приглашение. Но должен подчеркнуть, что, выступая здесь, я никого не представляю и высказываю свое личное мнение.

Мне было предложено ответить на два вопроса.

Первый. Роль КГБ в подготовке и проведении государственного переворота 19–21 августа. Я говорил Льву Александровичу, что специально сам не изучал этого вопроса, но абсолютно очевидно, что руководство КГБ играло здесь важную идеологическую и организационную роль, а потом все заметали следы. Однако я не считаю возможным персонифицировать оценки.

Это дело прокуратуры и суда. Свои показания я дал следствию. Кроме того, считал и считаю, что следует ограничить ответственность только высшим руководством Комитета.

Если сказать коротко, я разделяю оценки роли КГБ, изложенные комиссией Степашина, но мне представляется важным более глубоко изучить первопричины создания ситуации, сделавшей возможной попытку антиконституционного переворота.

Может быть, это не предмет сегодняшних слушаний, но… По моему мнению, первопричину надо искать в возникновении на едином базисе разлагающейся социалистической экономики незнакомого нашему обществу надстроечного двоевластия — противоречия между старыми централизованными партгосструктурами и новыми демократическими органами власти. Разрешение этого противоречия пошло по трагическому деструктивному пути. Вместо налаживания управляемого реформирования милитаризованной соцэкономики в социальную рыночную экономику начался процесс противостояния и разрушения…

Роковую роль здесь сыграла реакционная политика ортодоксальной верхушки руководства КПСС, КГБ, ВПК и армии, изначально отвергавших компромиссы, избравших путь проволочек и силового противодействия объективно необходимой демократизации и децентрализации экономики, государства и общества.

В итоге, после серии авантюрных операций, начиная с январского Вильнюса, — кульминация — августовский путч.

КГБ как автономное, никем, кроме ЦК КПСС, не контролируемое, сверхзакрытое ведомство, обладавшее широкими возможностями — от тайной политической слежки до применения «спецназа», — непосредственно использовалось руководством КПСС для реализации этой политики. Результатом этого явилось поражение партгосструктур, межнациональная напряженность и обвальный распад экономики, по-видимому, уже потерявшей последнюю возможность управляемого реформирования.

Одним словом, сегодня пока еще ничего не останавливает продолжающий накапливаться потенциал социального взрыва. Ситуация стала значительно опаснее, чем в августе.

Наряду с двумя традиционными сферами безопасности — внешней (геополитика) и внутренней — неожиданно появилась абсолютно незащищенная третья сфера — безопасность внутри Содружества, где кроме деклараций — полное отсутствие правовых и организационных механизмов и опасные национал-патриотические импровизации на фоне зарождающейся агрессивности. В самой России, спекулируя на трудностях разлагающейся экономики, начинает активно себя проявлять оправившийся от испуга необольшевизм и смыкающийся с ним шовинистический лжепатриотизм. Не предлагая ничего конструктивного, они ждут своего часа. Для них чем хуже, тем лучше.

Если мы это признаем, то второй вопрос о понимании места,

функций, структуры федеральных органов безопасности, гарантирующих невозможность их участия в проведении заговоров против законной власти, в текущий момент отходит на второй план, выдвигая на первый проведение безопасной политики. Действительно, если главное — «гарантия неучастия», то это легко решить. Наиболее «эффективным» может показаться восточноевропейский, или прибалтийский путь.

Полностью распустить и создать новые, свободные от «комидеологии чекизма» органы безопасности. Но я считаю такой путь принципиально неприемлемым.

Это тот же большевизм, вывернутый наизнанку. Это повторение пройденного, не имеющее перспективы.

Вопрос и шире и глубже, чем отношение к бывшему КГБ. Я уверен, что надо бороться с идеологией большевизма и чекизма, но при этом надо бережно относиться к правам каждого человека. Если «социализм нашего типа» построить без репрессий, наверное, было даже нельзя, то уже абсолютно невозможно создавать цивилизованное, свободное, демократическое общество, прибегая к любым дискриминационным мерам, тем более по идеологическим соображениям.

Тем не менее, отвечая на второй вопрос, я бы придерживался известной схемы, которой так и не воспользовались в годы перестройки. Медлят и в «постперестроечное» время. Первое, что не терпит отлагательства.

1. Разработать общую концепцию безопасности, определяющую новые приоритеты и основанную на достижении международной и внутренней экономичен кой, политической стабильности, территориальной целостности и независимости России, не путем устрашения, насилия и репрессий, а исключительно на основе доверия, а значит, открытости демократической власти различным формам контроля. Такую концепцию может себе позволить только действительно сильная власть сильного государства. Для этого нужно время. Концепции реалистически должны отражать необходимые и возможные этапы строительства как системы, так и правовой базы безопасности, отход от «политической целесообразности» к опоре на Закон и только на Закон. Но пока у нас правовой вакуум только усилился.

2. Подписать договор о коллективной безопасности стран Содружества (проект его в свое время был разработан). Нет ничего более важного для людей, как сохранение Содружества. Создать координационные механизмы работы спецслужб, создать единую информационную систему со строго отработанной процедурой взаимного вторжения в зависимости от компетенции

участника.

Подписать межгосударственные соглашения о правовой помощи.

3. Разработать и принять «в пакете» детально проработанную правовую основу деятельности спецслужб.

Именно детально проработанную… «Законы-декларации», вроде памятного Закона об органах КГБ, здесь недопустимы, ибо сохраняют неприемлемый для демократического государства разгул ведомственных инструкций, затрагивающих права человека.

Первоочередными необходимы акты, определяющие концепцию безопасности, государственную и коммерческую тайну, регламентирующие защиту и перехват информации, работу спецслужб и оперативно-розыскную деятельность, об архивах КГБ, о частном сыске и т. д.

Жизненно важен Закон о государственных преступлениях, где просто и четко прописать ответственность за разжигание межнациональной розни, шовинизма и национализма.

4. Организовать всеобъемлющий, но ответственный, основанный на Законе парламентский контроль за работой спецслужб без какого-либо вмешательства в оперативную работу.

5. Не структурные перестройки спецслужб определяют сегодня безопасность граждан, общества, демократии.

Скорее, наоборот. Эти частые перестройки сами создают опасность. Разлагают кадры, приучают к бездействию, безответственности, приводят к потере профессионалов (на свой счет не отношу).

Надо остановиться.

И если наконец создали два министерства (безопасности и внутренних дел), разведку, спецсвязь, погранвойска, службу охраны высокопоставленных лиц, пора оставить их в покое и дать возможность начать работать, осваивая совершенно новые условия.

Я уверен, что, углубляя дезинтеграцию и децентрализацию, этим кстати гарантируется безопасность от участия в заговорах, руководители этих и других служб (военная разведка, таможня, нужно создать еще мощную налоговую инспекцию) сумеют выработать необходимую систему различных координационных механизмов.

Заканчивая, я, еще раз хочу сказать, что вижу главную опасность в другом…

До тех пор, пока не будет принято детально проработанное частное право, пока не заработают механизмы, способствующие мелкому предпринимателю, защищая его от произвола новых

коррупционеров и старых социалистических монополий, разговоры о предпринимательстве так и останутся не более, чем все более и более раздражающими разговорами.

До тех пор, пока мы не употребим остатки наших возможностей для управления государственной экономикой с целью изменить ее нечеловеческую структуру, пока не займемся действительным стимулированием сельскохозяйственного производства и производства потребительских товаров, никакие самые мощные высокопрофессиональные и даже хорошо оплачиваемые службы безопасности ничего не решат. Уверен, они не будут участвовать в подготовке и проведении заговоров против законной власти, но безопасности власти и общества не обеспечат».

Когда я уходил, женщины, работающие в парламентском гардеробе, пожелали мне удачи и здоровья. Спасибо им… Удачи всем. Удачу мы сможем обрести только вместе… И избавление от КГБ будет способствовать этому… Но не всё сразу.

12. Взгляд со стороны

Советский гражданин — порождение тоталитарного общества и до поры до времени — его главная опора. И я могу только молить судьбу, чтобы выход из этого исторического тупика не сопровождался такими гигантскими потрясениями, о которых мы пока не имеем даже представления. Вот почему я — эволюционист, реформист.

Андрей Сахаров

Это плохая позиция — взгляд со стороны. Но все относительно.

Идет третий месяц, как я не работаю в структурах власти, не несу ответственности за те или иные текущие действия, решения, приказы, заявления, которыми совсем недавно были заполнены все дни моей жизни. Но не «со стороны» гляжу я на жизнь. По себе знаю, что никто из власть предержащих не признается в том, что не знает жизни. Но жизнь все-таки совсем не та, какой ее видишь с высоты власти.

Вчитайтесь в слова, взятые эпиграфом к этой главе. В них схвачена вся суть, вся неимоверная сложность нашего выхода из того исторически закономерного тупика, куда мы сами пришли. Дело не только в ошибочной идеологии, в КПСС, сейчас дело в каждом гражданине нашего больного, ни на какое другое не похожего общества. Старая философская формула подтверждена практикой. «Бытие определяет сознание». «Социалистическое» иждивенческое бытие сформировало наше уродливое безынициативное, уравнительное сознание. Но как нам теперь «этим сознанием осознать» необходимость иного «бытия»? Как избежать насилия и революций, как уйти от потрясений, о возможном масштабе которых даже академик не имел представлений? Ответ в словах эпиграфа.

Это возможно только в том случае, если новые или перекрасившиеся старые «спасители народа», носители коммунистического, национального или иного тоталитаризма не найдут опоры в каждом из нас, бывшем(?) советском гражданине. Становясь совершенно разными, свободными и независимыми, мы

должны обрести единство только в одном. Перестать жить чужим умом. Каждый должен стать самостоятельным, осознав неизбежность трудностей и проявив готовность к честному труду на новом историческом повороте выхода из тупика. Но этого мало. Как минимум, надо еще разумную программу, ответственное, честное, пользующееся доверием правительство. Как будто бы такое правительство в России есть. Но есть ли программа?

Я никогда лично не был знаком с А. Д. Сахаровым. Не хочу, чтобы меня заподозрили, что я «примазываюсь» к его сподвижникам. К сожалению, я никогда им не был. Но в главном я согласен с ним. Не «социализм» и не «капитализм», а нечто более высокое и развитое: постиндустриальное демократическое общество, где человек становится выше любого автомата. И для этого нам была нужна эволюция. Она и сейчас нужна, несмотря на то, что мы загнали себя в жесточайший «кризис выхода из кризиса», обернувшийся распадом. Но мы, к сожалению, по большевистской традиции, играя революционной фразой, не удержались. «Перестройка — это революция». Ломать — не строить. Сломать легко, тем более то, что неестественно и исторически обречено. Перестань применять насилие, и все само развалится. Но что потом?

Пора признать, что мы — «перестройщики» — не смогли глубоко продумать, как с нашей социальной и национальной психологией, отягощенной комплексом своеобразного и тяжелого прошлого, с нашей веками происходившей межнациональной диффузией вернуться на более эффективный путь развития цивилизации.

Как соединить преимущества интеграции, опыт социального планирования с созданием эффективной рыночной саморегулирующейся экономики. Но, увы… Вздыхать бесполезно. Очевидно, что мы не смогли спланировать и осуществить синхронную эволюцию государственной и политической надстройки и базиса — экономики, отношений собственности. После идеологического кризиса марксизма, который М. Горбачев не породил, а вскрыл и попытался разрешить, началась надстроечная борьба. Не эволюция, а борьба старой «социалистической» партийно-государственной структуры с новыми «демократическими» силами. После путча «новые» победили. Жаль, конечно, что из-за естественной незрелости нашей демократии она, приняв власть, несколько видоизменилась. Демократические черты были размыты национализмом и шовинизмом, а где-то еще и амбициозным субъективизмом.

Но самое главное — эта верхушечная «революция» происходила на фактически неизменном старом базисе централизованной, сверхинтегрированной, монополизированной и до безумия милитаризованной экономики «социалистического типа». От этого наследства новым властям никуда не деться. Но здесь одна загвоздка, которая себя уже достаточно убедительно проявила. Это «наследство» плохо, если не сказать, совсем не совместимо с рыночной идеологией новой власти.

Идеологию, как и правительство, можно сменить быстро. Некоторым даже хочется очень быстро. Но менять нельзя. Сохрани нас Бог от такого «разрешения». Экономику надо менять. Но быстро, как бы сильно кому ни хотелось, не получится. Не помогли ни «перестройка», ни «путч», ни даже «шок».

Надо психологически настроиться на достаточно длительный и тяжелый период. Потому что создание «постсоциалистической» рыночной экономики — это никому не известная и умопомрачительно тяжелая задача. На этом пути к процветанию неизбежно временное ухудшение жизни, вызванное принципиальными структурными изменениями, ломкой психологии, социальных и производственных «правил игры». Желание сделать этот период как можно менее продолжительным по времени — хорошее желание. Но, к сожалению, оно пренебрегает глубиной социального падения. И скорее навредит, ничего не ускорив.

Нельзя переходить грань. Не может же правительство уподобиться тому цыгану, чья лошадь в конце концов сдохла после, казалось, успешно начавшегося отучения ее от разорительной привычки принимать корм.

Можно понять радость правительства, что почти десятикратное с начала года повышение цен не привело к социальному взрыву. Люди ради «светлого будущего» затянули пояса (товарооборот снизился в два раза) и терпят. Не знаю, может быть, они вынесут и новый скачок цен, неизбежный после того, как правительство осуществит свой план «отпускания» цен на энергоносители, молоко и хлеб. С точки зрения техники это грамотно. С точки зрения социальных последствий правительство может идти на риск. Но правительство не может быть жестоким. Нет у него морального права решать пусть важные, сложные, но все-таки технические задачки сбалансирования бюджета ценой обнищания народа. Дайте людям передохнуть. Ничего же не случилось, когда с треском провалилось правительственное обещание сделать бюджет бездефицитным уже к апрелю 1992 года, и в этом, и в следующем годах все равно это нереально.

Искренне уважаемый мною мученик Егор Гайдар, сразу

заявивший, что он за кресло не держится и ему ничего не страшно, должен подумать не только о том, как он выглядит перед МВФ, но и о менее отчаянных, чем он, своих согражданах.

Разве только желание быть мужественным и честным освобождает правительство от ответственности за те миллионы безработных, которых оно «честно» начало прогнозировать, ни слова не говоря о своих действиях, как этого избежать или по крайней мере смягчить последствия? Тезис о том, что правительство «несет ответственность только за макропропорции», а социальная защита конкретного человека в конкретной ситуации — дело местных властей, хорош. В принципе, правильный тезис. Но не для нашего нынешнего хаотического полусоциалистического состояния, в котором находятся и «макро», и «микро» и все другие «пропорции». И как бы мы тут ни мудрили, ни лукавили, стараясь быть объективными и честными, все это сильно смахивает на простой, как животный крик, лозунг: «Спасайся кто может!» Это, конечно, чистейшей воды рыночный лозунг в духе социал-дарвинизма. Но беда, что не все считают, что смогут спастись. И действительно, не смогут. А кругом еще не перевелись и старые и новоявленные «спасители отечества» — всех мастей. Даже наиболее одиозные фигуры генералов КГБ из прислуги старого совминовского аппарата Николая Рыжкова рвутся в национал-патриоты спасать народ «от имени отечества».

Да. Неизбежность перехода от «команды» к «рынку», от тоталитаризма к демократии, от засилья одной гос-идеологии к свободе личности неоспорима, но было бы большой ошибкой считать этот переход по той схеме, которую избрало правительство, уже необратимым.

Ни на минуту нельзя забывать, что «социалистическая» экономика осталась и ее фронтальное разрушение еще не есть созидание рыночной экономики.

Осталась раздираемая националистами и «патриотами» огромная армия в бедственном социальном и моральном состоянии. Ее нельзя бросать на откуп «заботам» псевдопатриотов.

Осталась идеология люмпенского большевизма, психология советского гражданина — не как вина, а как беда, как порождение системы тоталитаризма.

Поэтому спешить — не значит далеко продвинуться вперед. Методами генерала Пиночета, к чему некоторые «теоретики» призывают, в России нового цивилизованного общества не построить. Что может быть, так это антикоммунистический большевизм, большевизм наоборот. Великорусская «идея», так до

конца никем, даже ее великими создателями, не понятая, в наших условиях выродится в шовинизм, в поиск врага в представителях других народов, скорее всего превратится в обыкновенный фашизм.

В многонациональном государстве со сложной трагической историей, с незабытыми обидами репрессированных народов, государстве без признаваемых всеми границ, законов и Конституции, государстве, нафаршированном расщепляющимися, химическими и бактериологическими изделиями и объектами, просто оружием и взрывчаткой, если сейчас всем этим пренебрегать и поспешить, жизнь может стать проблематичной.

Если в годы перестройки теряли время, то это не значит, что, заспешив теперь, его можно вернуть. Спешить не надо. Поспешишь — людей насмешишь. Хотя и не до смеха. Правду говорят: «Раньше было плохо, а сейчас никак»… Полнейшая неуверенность и неопределенность во всем. Люди хотят не обещаний, что «к осени» или через два года будет лучше, а четкой, аргументированной, понятной программы мер.

Вот с этим надо спешить. Надо разорвать замкнутый круг. Не будет у правительства успеха, пока не будет народной поддержки. А поддержки не будет, пока не будет успеха. Разорвать этот круг можно пока словом, понятной и ясной людям логикой. Сегодня все держится только на вере в Президента России Б. Н. Ельцина. Ему верят как человеку, как личности. Это немало. Но и только…

Как-то я вмешался в дискуссию очень больших эрудитов в компании М. С. Горбачева. Спор шел о том, чем различаются периоды: «перестройки» и «послепутчевый». Я позволил себе сказать, не чем они отличаются, а что у них общего. И «перестройка», и то, что настало после нее, не основываются на четких политических и тем более экономических программах. Михаил Сергеевич с этим не согласился. Может быть, я и не прав. Но я как не знал такой программы во время перестройки, так не знаю ее и сейчас. Общие здравые демократические принципы были и есть. Но этого мало. Тем более для первой «социалистической» страны, которой надо найти выход из этого «социализма» и не потерпеть поражения, не скатиться к варварству.

Это трудно. Это тоже первый раз в истории. Но я не сомневаюсь, что все вместе мы найдем дорогу. Главное сделано. Сделан выбор. Цели есть, а дорогу осилит идущий.

Цель — создание условий и возможностей для жизни, достойной человека XXI века. Эволюционное реформирование системы — средство. Обязательное, необходимое условие — стабильность. Значит, нужна политика стабильности.

В геополитике это преемственность курса Горбачева — Шеварднадзе, проводимого в последние годы. Двусторонние и многосторонние акции, активное участие в деятельности институтов международного сообщества на принципах сотрудничества и доверия. Здесь наряду с традиционными для нас проблемами возникли совершенно новые, гораздо более сложные, чем прежде, реальности. Но тем не менее эта сфера может считаться наиболее удовлетворительной.

Главный источник нестабильности сегодня, как это ни ужасно, в отношениях между государствами СНГ, вчерашними «братьями».

Мы имеем ситуацию, когда любые экономические реформы подрываются главным образом их нескоординированностью в масштабе СНГ. Для их проведения требуется хотя бы знать, на каком пространстве, в каких географических границах они проводятся. Ясности здесь нет никакой, так как каждое государство в СНГ разрабатывает и реализует собственную стабилизационную политику, не особо оглядываясь на других, при сохраняющихся едиными производственной инфраструктуре, денежной системе, государственной границе и т. д. Ситуация абсурдная и чреватая полным параличом экономики. К этому добавляются нестыковки в законодательстве (которое к тому же в каждом государстве стремительно изменяется), в таможенной, налоговой, банковской, кредитной политике.

Заседания глав государств — членов СНГ далеки даже от той согласованности, которая, хотя бы внешне, проявлялась в конце прошлого года. И как-то незаметно, чтобы вопросы экономической политики занимали приоритетное место в повестке дня. Даже когда какие-то важные решения по хозяйственным проблемам принимаются, никто не следит за их выполнением. Не существует никаких механизмов их реализации. Координирующие органы Содружества все еще отсутствуют. Решения президентов, которые вырабатываются в ходе встреч на высшем уровне, не имеют обязательной силы, должны подкрепляться документами правительств и парламентов государств, а те могут не спешить или иметь иную точку зрения.

Содружество явно не с того начало. Вместо того чтобы всем миром взяться за вытаскивание всех государств из экономической ямы, многие лидеры, похоже, куда больше внимания уделяют национальному самоутверждению. В результате мы являемся свидетелями многочисленных амбициозных столкновений вокруг армии, флота, текста воинской присяги, посольств и прочего имущества в других странах, дележа культурных ценностей и споров о прошлом. Уверен, все эти вопросы можно было бы

отложить до лучших времен.

Распад Союза, как и можно было предположить, не привел к гармонии в межнациональных отношениях. Обретение бывшими республиками СССР независимости не продвинуло их к более полному воплощению основополагающих демократических ценностей. А это лишний раз доказывает, что с точки зрения демократии первоочередное значение имеет перестройка общественных отношений, а не форм государственности. Демократизация общества совсем не обязательно должна достигаться через его разъединение. И наоборот — сама по себе государственная независимость вовсе не является гарантией успеха демократических реформ.

Цель ведь не в том, чтобы разделиться на отдельные страны. Гораздо важнее, чтобы в каждой республике произошло освобождение людей, общества от диктата государства, ограничение власти управленцев органами народного представительства, развитие самодеятельной гражданской инициативы и самоуправления, соблюдались права человека.

Отчетливо антидемократичный характер национальная государственность обретает там, где во главу угла ставится идеология примата «наших», «основной нации». «Мы — превыше всего» — это уже не законное национальное чувство. К счастью для нас, суверенизация республик опирается в основном на демократические силы. Но в отдельных государствах, образовавшихся на развалинах Союза, мы видим отчетливое превалирование «национальной идеи». Даже в прибалтийских государствах людям, не принадлежащим к основной нации, достаточно сложно получить гражданство, что делает их людьми «второго сорта» только лишь по этническому принципу или принципу оседлости. Уверен, национальный тоталитаризм ничуть не лучше любого другого.

В области межгосударственных отношений в рамках СНГ я не могу предложить ничего, кроме того, о чем уже говорил. Надо выходить на формулу настоящего Содружества, ориентируясь в какой-то мере на модель Европейского Сообщества и создавая жизнеспособные, постоянно действующие координационные структуры СНГ. Недавние договоренности глав государств в Минске и Киеве о формировании некоторых таких структур привносят известную долю оптимизма, но явно недостаточны. Сфер совместных интересов гораздо больше, и все они заслуживают не меньшего внимания со стороны государств Содружества — от таможенной политики до межгосударственного судебного арбитража, а главное — создание органов Содружества, координирующих их внешнеполитическую и военно-

политическую деятельность.

Второй элемент политики стабильности — постоянное внимание социальной защите людей. Сейчас, наконец, как будто бы правительство России хотя бы стало признавать эту свою самую большую ошибку. Только из-за того, что меры социальной защиты должны вписываться в жесткие рамки ограниченных бюджетных ассигнований, отнюдь не следует, что можно махнуть рукой на миллионы людей. Помимо чисто морального фактора, нельзя упускать из виду, что экономия на социальных амортизаторах способна сорвать реформу как таковую. Так что опережающие и синхронизированные с реформой меры социальной защиты должны рассматриваться не просто как элемент реформы, а как обязательное ее условие.

Третье. Армия. Абсолютно исключить ее возможность и даже намерения влиять на политику.

Интересам Содружества в военной области в наибольшей степени отвечало бы, по моему мнению, сохранение вооруженных сил всех независимых государств под объединенным командованием. Создание полностью самостоятельных армий государств, отношения между некоторыми из которых далеки от гармонии, это шаг к усилению угрозы военных столкновений, а не средство обеспечения безопасности. Хорошо, что удалось договориться о единой политике и едином командовании в отношении стратегических сил. Но по остальным видам Вооруженных Сил ситуация куда сложнее. И это не только ставит под сомнение возможность проведения эффективной оборонной политики СНГ, но и резко осложняет реализацию имеющихся и заключение новых международных соглашений в области ограничения и сокращения вооружений и вооруженных сил. Хотя бы потому, что заметно возрастает число субъектов таких соглашений, имеющих к тому же различную юрисдикцию на расположенные на их территории армии.

В баталиях вокруг дележа армии куда-то на задний план ушли еще недавно центральные вопросы осуществления военной реформы. Такая реформа жизненно необходима. В ее основе должен лежать отказ от ставки на «валовый подход» к обеспечению безопасности («чем больше, тем лучше») и упор на качественные параметры. Идет ли речь о тактико-технических данных боевой техники или уровне подготовки личного состава. Следует наконец определиться с принципом комплектования Вооруженных Сил, продвигаясь к профессиональной армии. Это, как ничто другое, позволит обеспечить высокий профессионализм, поднимет материально и социально престиж воинской службы, позволит нормализовать морально-

психологическую обстановку в войсках, а также даст в перспективе прямой экономический выигрыш для общества. А значит — у общества будет больше возможностей для социальной поддержки военнослужащих и их семей. Но эти возможности и сейчас должны быть найдены в приоритетном порядке. Офицеров и прапорщиков на действующей службе должно стать гораздо меньше, но они должны иметь такие социальные условия и такой общественный статус, чтобы никому не было стыдно.

Политика стабильности — это постоянная нацеленность на достижение гражданского согласия, стимулирование процесса формирования дееспособных и социально ответственных движений, партий, профессиональных союзов, предпринимательских ассоциаций и любых других интегрирующих общество организаций. Необходимо создать для них новую правовую среду — старая просто не соответствует общепризнанным мировым стандартам.

Особенно важно сформировать государственные структуры регулирования трудовых отношений и предпринимательской деятельности. Было бы весьма полезно создать постоянно действующие советы из представителей профсоюзов и предпринимательских ассоциаций на всех уровнях государственных органов, имея целью обеспечение социального партнерства на трехсторонней основе. Нелишне было бы предусмотреть законом механизмы воздействия профессиональных и предпринимательских объединений на политику государства, или, называя вещи своими именами, — легализовать лоббизм.

В уникальном нашем обществе невозможно будет достичь гражданского мира, если мы допустим воплощение усилившихся в последнее время разговоров о «запрете на профессию» для бывших партаппаратчиков, членов КПСС, о «деноменклатуризации». Россия — не ФРГ, а КПСС — не КПГ. И дело даже не столько в элементарной антидемократичности и нарушении прав человека, сколько в безусловном ущербе для общества, не говоря уже о том, что эта мера не соответствует политике стабильности, вместо необходимого объединения еще более обострит раскол.

И, наконец, стабильность — это торжество права. Здесь сегодня явный провал.

Необходимо настойчиво и последовательно устранять вполне объяснимый, но слишком затянувшийся правовой вакуум.

Представительная власть действует медленно, парламенты еще только начинают обсуждать законы, которые по крайней мере год назад должны были быть приняты. Правительство вынуждено

плодить постановления, которые нередко приходится отменять. Совершенно недопустимо, что в России до сих пор действует старая Конституция из-за нескончаемых споров вокруг проекта новой.

Полагаю, что меры по стабилизации политической системы должны начинаться именно с принятия нового Основного закона. Без него любое начинание правительства может приводить его в юридический тупик.

В России слаба вертикаль исполнительной власти. Война постановлений и законов, которая раньше шла главным образом между республиками и центром, теперь перекинулась в сами бывшие республики, где области и бывшие автономии все отчетливее заявляют о расширении своих прерогатив. Попытки правительства навести дисциплину административными методами воспринимаются как авторитаризм нового центра. Решение все-таки в разумной децентрализации.

Не теряет своей остроты конфликт между представительными органами, избранными в 1989–1990 годах, и сформированными позднее исполнительными. Сейчас вряд ли можно говорить, что состав Советов адекватно отражает существующую расстановку политических сил и господствующие общественные настроения.

Необходимо не жалеть средств для профессионализации парламентской деятельности, не допускать совмещения функций депутатов с любой другой работой, что сейчас происходит сплошь да рядом.

Укрепления авторитета органов власти невозможно будет добиться, если они сами не предпримут решительнейших мер по искоренению в своих рядах коррупции. Это зло, пронизывавшее прежние партийно-государственные структуры, не только не сошло на нет, но, похоже, еще больше укоренилось. Коррупция способна взорвать любую власть и похоронить любую реформу лучше, чем открытая оппозиция. Нельзя допустить, чтобы те лозунги борьбы за социальную справедливость и «чистоту» правительства, которые во многом привели демократов к власти, были забыты.

Все более и более ощущается необходимость реформы органов уголовной юстиции, к сожалению, попавших в тиски национальных интересов. Помимо хорошо известных кадровых и материальных проблем, которые государством, и только им, должны быть решены как можно скорее, здесь и вопрос отношения власти и общества к правосудию, прокуратуре, милиции. Дискредитация их кем угодно должна пресекаться. Нельзя властям вначале запретить демонстрацию, а потом обвинить милицию, исполнявшую это решение, в том, что кто-то

из нарушителей запрета получит ушиб. Не надо в очередной раз объявлять «войну преступности», но пора начинать с ней бороться.

Что же касается главного средства, основы достижения благосостояния — реформ экономики, то хорошо уже то, что эти реформы наконец начались. И здесь слово за профессионалами-экономистами. Ругать и критиковать их стало правилом «хорошего тона». У всех есть свой взгляд на ход реформ. Это хорошо, но лично я не считаю возможным, критикуя, обязательно считать правым себя. Может быть, я ошибаюсь. Тем более недопустимо сейчас ставить вопрос об отставке правительства России. Надо набраться терпения, дать время специалистам самим разобраться. Однако я уверен, что корректировки неизбежны.

Необходима большая гласность и ясность в логике реформ. Многоголосые выступления членов правительства с рассуждениями «вокруг да около» больше дезориентируют и раздражают, нежели укрепляют доверие. А сегодня, когда до результатов далеко, нет другого способа получить доверие, чем убедительное, короткое, ясное слово.

Всем уже ясно, что рынок — не социализм, его по команде, насильно не построишь. Но надо найти золотую середину между стихийными процессами самосоздания предпринимательства, рыночных отношений и управлением программой преобразования командной экономики в свободную.

Теория говорит, что срочно нужна приватизация. Это правильно, меня смущает здесь слово «срочно». Что надо делать срочно, так это жестко пресечь «теневую», как сейчас говорят, «прихватизацию». И все же я убежден, что и при условии поддержки приватизации общественным сознанием процесс этот будет крайне тяжелым и долгим. Мы никак не можем по-настоящему начать «малую» приватизацию (торговли, бытового обслуживания, мелких предприятий). Проблема собственности на основные средства производства, и прежде всего на землю, до сих пор не решена даже в принципе. Даже в Нечерноземье, Сибири, где нет недостатка в земле… Надо сосредоточиться на этом и не форсировать пока насильно «приватизацию» крупных государственных предприятий. Важнее здесь заняться их разукрупнением, демонополизацией, обеспечить жесткие условия «коммерциализации» их работы. Обвальная, «по плану» приватизация приведет нас если не к новой социалистической революции, то к социальным взрывам точно, тем более если участие большинства населения будет в ней весьма условным.

Наше молодое ученое правительство прекрасно знает

«назубок» теоретиков свободного предпринимательства. Кто спорит, конечно, нужны разгосударствление и приватизация практически всей экономики. Но делать это механически, из принципа, в соответствии лишь с буквой теории и без учета реальной структуры и состояния экономики, а главное социальных и психологических особенностей общества — по меньшей мере неразумно.

Конечно, реформе не хватает комплексности, различные ее направления не синхронизированы. В рыночные отношения мы устремились без налаженной налоговой системы, и в этом — одна из крупнейших ошибок правительства. Завышенные налоговые ставки, угнетающе действующие на производство, в условиях отсутствия сколь-либо действенной налоговой инспекции создают побудительные мотивы и открывают широкий простор для поиска разного рода налоговых лазеек и утаивания своих доходов. Широкий «бартер» и передача неучтенных сумм денег в конвертах из рук в руки становятся для предпринимателей более популярной формой расчетов, чем нормальная торговля и перечисление средств на банковские счета. Налоговая инспекция существует разве что на бумаге. По крайней мере, это все еще «социалистическая», но не налоговая инспекция государства с рыночной экономикой.

Отсутствие эффективной налоговой системы имеет и далеко идущие негативные социальные последствия, не позволяя решать болезненные вопросы имущественной дифференциации. Здесь может помочь лишь такая налоговая система, которая, с одной стороны, не подрывала бы стимулов к труду и предпринимательской деятельности, а с другой — предоставляла возможность для создания социальных амортизаторов и снятия в общественном сознании болезненных ощущений типа: «Богачи — богатеют, бедняки — беднеют».

В выступлениях представителей правительства России в последнее время появилось немало прежде у нас не использовавшихся терминов из лексикона макроэкономической политики, и это не может не вызвать уважения. Но куда-то исчезло одно из ключевых слов — «производство». Цифры Госкомстата России, и тем более жизнь, фиксируют такие тенденции, на фоне которых оптимистические рассуждения правительства о стабилизации курса рубля по отношению к доллару выглядят блефом для простаков. Как может «укрепляться» рубль, когда производство падает, а эмиссия продолжается. Относительное снижение ее темпов может говорить только о снижении темпов инфляции, но никак не укреплении рубля. Но ведь и этого «снижения» нет.

Повышение цен при монополии производителя стало стимулом не роста, а сокращения производства. Рост доходов, причем — огромный, отмечен не в производящих, а в перераспределяющих отраслях.

Но при всех ошибках и огрехах (а не ошибается тот, кто не работает) правительство Бориса Ельцина заслуживает поддержки. Хотя бы потому, что альтернатива ему выглядит уж слишком угрожающей.

Но прежде всего правительству не мешало бы поручить «поддержку» от самого себя в других высших эшелонах власти.

В российском руководстве разногласия столь очевидны, что порой кажется, будто Президент, вице-президент и Председатель Верховного Совета России, не говоря о других, принадлежат к разным «командам».

Конечно, этот «взгляд со стороны» может кого-то раздражать. «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Много есть тем, на которые можно было бы еще порассуждать. Но зачем?

Этих «рассуждений», предложений было больше чем достаточно. 31 мая 1991 года, в разгар избирательной кампании за пост Президента России, я отвечал на вопросы «Комсомольской правды».

«— Где выход?

— Думаю, этот выход — возвращение к политике здравого смысла. Многие наши беды проистекают от неумения осознать диалектику переходного периода, в котором находимся. Одни ничего не хотят менять, другие — все поменять быстрей… Считаю, при нашем масштабе страны не нужны резкие движения. Они требуются, когда надо ломать, что и сделал Горбачев (потом, правда, начались колебания и шараханье). Потом эстафету подхватил Ельцин, разбивая позиции «вчерашних». Но пора думать и о созидании, тонко сочетая старое и новое, чтобы не развалиться.

— Считаете, мы еще не развалились?

— Почти, особенно в экономике. Тут у нас редкая смесь поспешности с опозданием. Надо было создавать условия для регулируемого — нет, нет. не рынка — перехода к рынку. Но мы упустили время. При той уйме проблем, что имеем, получили еще и депутатский лоббизм. Может, это сильно сказано, но сегодня представители регионов, политических движений, социальных групп тянут короткое одеяло на себя! Много времени ушло на спор: изменяем мы идеалам, не изменяем… Это совершенно никому не интересно. Надо делать то, что полезно, даже если это задевает священных коров идеологии.

И еще: надо избавиться от старой болезни — неуважения к

инакомыслию. У нас ведь как было? Если кто-то высовывал голову, то она летела — в лучшем случае в Париж. Инакомыслие же — благо, необходимое условие развития. Все надо делать, не теряя головы.

— О Павлове говорят, что он хорош хотя бы тем, что перебирается на другой берег бурной реки, тогда как другие — пока зрители…

— На другой ли? Реформа эта во многом нечестна, все последствия ее переложены на коллективы, на предприятия — а у них возможности разные. Павлов получит социальный взрыв, если будет и дальше так действовать. Эта политика неэффективна — ведь он уже начал повышать зарплату, а значит, окажется на пороге гиперинфляции… И опять не вижу иного, как здравомыслие: цены надо отпускать, но не все, оставив гарантированный минимум. Надо защищать людей от последствий роста цен — но не всех людей, большинство защитит себя само, если параллельно вести приватизацию. Надо поддерживать фермерство, но не допускать создания мелких товарных натурхозяйств. Надо открыть двери иностранному капиталу, а не просто создавать «зоны свободного предпринимательства», только разжигающие межрегиональные противоречия. Нельзя слушать тех, кто пугает глупостями о «продаже России», но рассчитывать больше на свои силы, чем на то, что «заграница нам поможет». Надо поддерживать предпринимательство, но не допускать беззаконного обогащения. И так далее, и так во всем: диалектичность, обдуманность, постепенность, согласие.

— Думаете, такая «миротворческая» позиция может привести к успеху в той яростной политической борьбе, что ведется у нас?

— Это уж как получится, но другой у меня нет».

Как-то у камина в Британском посольстве в Москве мы провели за беседой с г-ном Хэрдом и всегда гостеприимным хозяином сэром Брейтвейтом чуть ли не три часа. По-видимому, утомленный разговором, г-н Хэрд сказал примерно следующее.

Русские — необыкновенный народ. У меня такое впечатление, что сейчас на московских кухнях на самом высоком интеллектуальном философском уровне идет обсуждение массы животрепещущих проблем. Но как только утром надо бросать философию и делать дело, ничего не получается.

Думаю, это верная мысль. Следуя ей, я заканчиваю эту книгу и иду заниматься делом.

notes

Примечания

1

В марте 1992 года такой закон принят российским парламентом.

2

В Германии позже досье «штази» открыли.

3

После проведения собственного расследования Прокуратура России отказала в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления.